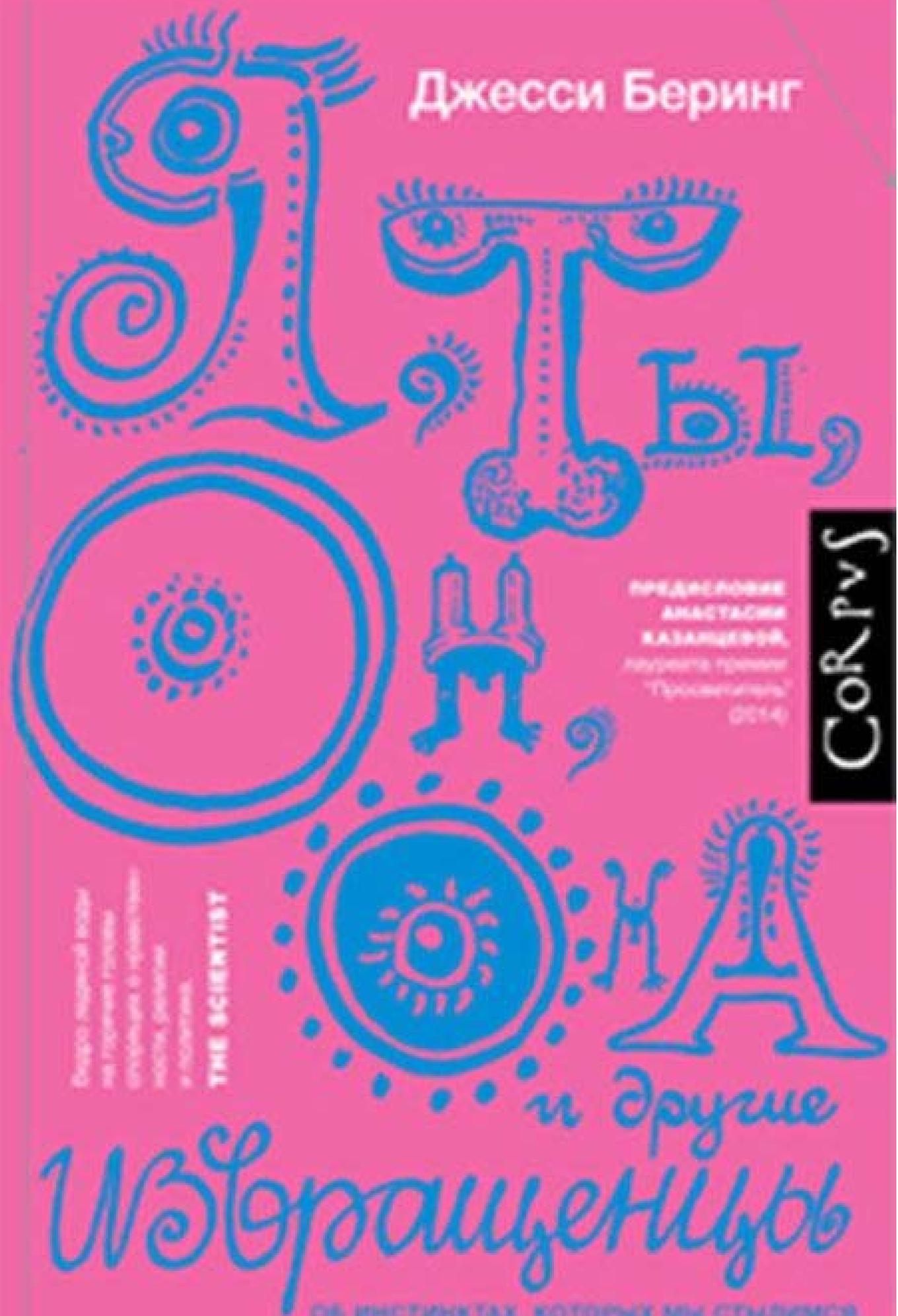


Джесси Беринг



ПРЕДЛАЖАЮЩЕ
АНАСТАСИЯ
КАЗАНЦЕВА,
лауреата премии
"Триумфаторы"
2014

Corpus

Одно из самых ярких
на русском языке
исследований о том, почему
ночью, безделье
и полноте.

THE SCIENTIST

и другие

ИЗЪЕДИТЕЛИ

ОБ ИНСТИНКТАХ, КОТОРЫХ МЫ СТЫДИМСЯ

Джесси Беринг

Я, ты, он, она и другие извращенцы. Об инстинктах, которых мы стыдимся

Published by arrangement with Scientific American, an imprint of Farrar, Straus and Giroux, LLC, New York

© Jesse Bering, 2013

© О. ван дер Путтен, перевод на русский язык, 2015

© А. Казанцева, предисловие к русскому изданию, 2015

© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2015

© ООО "Издательство АСТ", 2015

Издательство CORPUS ®

* * *

Предисловие к русскому изданию

"При всем уважении к чувствам верующих идея, что человек был создан по образу и подобию Бога, может быть с уверенностью отвергнута, – так начиналась редакционная статья в одном из номеров престижного научного журнала 'Нейчур' за 2007 год, напечатанная в ответ на подъем креационизма в США. – И тело, и разум человека – это результат эволюции его предков-приматов. Устройство человеческого мышления свидетельствует об этом столь же отчетливо, как и характер движения конечностей, способность иммунной системы атаковать вирусы, восприятие цвета колбочками нашей сетчатки".

Сегодня эволюционная психология на подъеме. Десятки лабораторий исследуют врожденные биологические механизмы, влияющие на наше поведение. Выявлены гены, повышающие склонность к авантюризму; гормоны, обеспечивающие щедрость и доверие к собеседнику; зоны мозга, связанные с религиозным поведением или выбором политических убеждений.

Важная область исследований, позволяющих понять, как именно в природе человека сочетаются биологические и социальные влияния – это изучение сексуального поведения *Homo sapiens*. Оно во многом необычно для животного мира: можно буквально пересчитать по пальцам виды, у которых самки проявляют интерес к спариванию не только в период овуляции, но и тогда, когда зачатие невозможно. Уже этот признак указывает на то, что секс нужен человеку не только, даже не столько для размножения, сколько для поддержания и укрепления привязанности в паре. По мнению американского антрополога Оуэна Лавджоя, именно невозможность определить по внешним признакам, способна ли женщина к зачатию, стала важнейшей предпосылкой для формирования моногамных отношений, а они, в свою очередь, способствовали снижению уровня конфликтов между самцами и резкому усложнению социальной структуры общества ардипитеков – предков человека, живших примерно 4,5 миллиона лет назад.

Для понимания природы сексуальности человека важно обращать внимание не только на часто встречающиеся формы поведения (такие, как секс в рамках более или менее моногамной и более или менее одновозрастной разнополой пары), но и на менее распространенные формы реализации полового влечения, устойчиво возникающие в популяции. Сегодня проводится множество исследований гомосексуальной ориентации. Ей посвящен целый ряд научно-популярных книг (если говорить о литературе, переведенной на русский язык в последние годы, то этот вопрос затрагивает, например, голландский нейробиолог Дик Свааб в книге "Мы – это наш мозг"). Подавляющее большинство современных биологов полагает, что сексуальная ориентация закладывается до рождения человека и в очень незначительной степени подвергается влиянию среды.

Автор книги, которую вы держите в руках, психолог Джесси Беринг, также рассказывает о гомосексуальной ориентации (в том числе о проблемах с ее восприятием в обществе, которые знакомы ему, открытому гею, не понаслышке). Но, помимо этого, он решил написать о вещах, которые,

кажется, практически не затрагивались прежде в научно-популярной литературе. Он приводит данные современных исследований, проливающие свет на то, как формируются самые необычные сексуальные пристрастия – от акротомофилии (влечения к людям с ампутированными конечностями) до мелиссафилии (сексуального возбуждения при виде пчел). Он также рассматривает сексуальные девиации, которые не только причиняют неудобства самому их обладателю, но и могут представлять опасность для других – такие как педофилия. Накопленные научные данные позволяют предположить, что почти любые навязчивые желания, связанные с сексуальным поведением, некорректно рассматривать как результат “осознанного выбора” и “распущенности”: они “прошиты” в мозге, и, вероятно, могут быть связаны как с детским опытом, так и с биологическими особенностями человека. Изучение странностей полового поведения необходимо, поскольку позволяет лучше понять нашу природу, избавиться от остракизма в тех случаях, когда необычные пристрастия не причиняют никому вреда, а также продумать социально приемлемые способы предотвращения вреда в тех случаях, когда таковой возможен.

Перевод книги Беринга на русский язык – это очень смелый шаг со стороны издательства *Corpus*, и я совершенно не удивлюсь, если какие-нибудь активисты, чрезмерно озабоченные чужим сексом (за неимением собственного), начнут сжигать ее на площадях. Наш социум заражен ненавистью ко всему отличающемуся. Чтобы в этом убедиться, достаточно почитать выступления некоторых политических и религиозных деятелей или, например, ознакомиться с общественной реакцией на проект “Дети-404”, который оказывает психологическую поддержку гомосексуальным подросткам. Именно поэтому популяризация научных исследований, связанных с сексуальной жизнью, сегодня играет очень важную роль. Хочется надеяться, что книги, описывающие научные исследования сексуальности, способны уменьшить количество ненависти к тем, кто от нас отличается – а ведь именно это, в конечном счете, одна из важнейших задач развития цивилизации.

Анастасия Казанцева

Научный журналист,

лауреат премии “Просветитель” (2014)

Посвящается извращенцу.

Да-да, именно тебе.

Редко когда человек настолько жесток по отношению к человеку, как в случаях осуждения и наказания себе подобных, обвиненных в так называемых половых извращениях. Тюрьма; пытки; потеря жизни или конечности; изгнание; шантаж; всеобщее осуждение; утрата положения в обществе; отречение друзей и родных; лишение поста в учебном заведении или фирме... суровые наказания для военных; предвзятость эмоционально неустойчивых, мстительных судей; муки постоянного страха того, что о твоём ненормативном половом поведении узнают, – эти кары обрушиваются на головы тех, кто не причинил ущерб чужой собственности или физическому здоровью, а лишь не способен следовать санкционированному обычаю. С этим могут сравниться лишь гонения по расовому или религиозному признакам.

Альфред Кинси (1948)

Введение

В 1985 году Соединенные Штаты охватила паника из-за эпидемии СПИДа, жертвами которой становились в основном мужчины-гомосексуалы. Мне было десять лет. Я был незаметным и очень чувствительным мальчиком. Моя семья жила в зеленом пригороде Вашингтона, округ Колумбия, и в один прекрасный день все вдруг заговорили о “чуме, поражающей геев”. Однажды во время пикника с соседями я сидел рядом с группой мужчин, разглагольствовавших об “этом самом СПИДе”. Кажется, они и не заметили моего присутствия. Я был одним из тех детей, кто сливается с пейзажем. Мужчины чесали затылки, пили пиво и забавно изображали трансвеститов, после чего пришли к мнению, что, вероятнее всего, СПИД – это мудрый способ, придуманный Господом для избавления от педиков. (Как и большинство мужчин в моем районе, эти шутники были, если не ошибаюсь, государственными служащими.)

По телевизору я видел воинственных домохозяек и школьных физруков, выкрикивавших оскорбления в адрес тех, кто поддерживал Райана Уайта. Этот юноша, страдавший гемофилией, за несколько лет до описываемых событий заразился ВИЧ через переливание крови. В новостях показывали, как в маленьком городке в штате Индиана его мать-одиночка пытается прорваться через разъяренную толпу, чтобы записать сына в школу. Страшная смерть изможденного Рока Хадсона в том же году еще больше подогрела интерес к теме, а вместе с интересом появилось и множество ужасных анекдотов о "голубых" и СПИДе, которые можно было услышать и в школе, и на детских площадках. Отзвук шуток того времени можно до сих пор уловить в ханжеских усмешках теперь уже повзрослевших детей.

Внешне я был обычным мальчиком, то есть не выглядел хлюпиком. По крайней мере, с куклами я не играл. Ну, не то чтобы совсем не играл. Я обожал своего Супермена. И больше всего – раздевать его догола и забираться с ним под одеяло. (Всякий раз я ожидал найти внизу живота у него нечто иное, нежели гладкий пластик, и всякий раз меня постигало разочарование.) Но из-за шумихи насчет СПИДа мои собственные зарождающиеся желания стали для меня заметнее, чем если бы ничего особенного не происходило. Зловещий дух того времени, выражавший предельно ясно, что таким, как я, не место в мире, подтолкнул меня к осознанию собственной сексуальности. Я не понимал того, что геи мрут как мухи не потому, что они (*мы*) плохи или "омерзительны", а потому, что они не предохраняются, из-за чего особенно уязвимы для СПИДа. Я же не был эпидемиологом. Я был пятиклассником. Я даже не знал, что такое секс.

Мне казалось, что некий сумасшедший бог убивает геев одного за другим, как говорили те мужчины на пикнике. Я решил, что мои дни сочтены, и принялся ждать, когда и у меня появятся язвы на лице, мертвенная бледность, затрудненное дыхание, а походка станет напоминать зомби, как у "ВИЧ-положительных", которых показывали по ТВ и описывали в газетах. Однажды, стоя перед зеркалом, я задрал футболку и обнаружил неясно проступающие ребра. Это окончательно убедило меня в том, что и я чахну от непристойной болезни. На самом деле я был просто худым. Учитывая, что наша семья была совершенно нерелигиозной, найденное мной объяснение происходящего еще ярче характеризует царившее тогда в обществе едкое морализаторство.

Я не мог рассказать родителям, людям адекватным, об этом ужасе. Риск разоблачить себя был невыносим. Мои страхи усилились, когда я понял, что уже есть проверенные методы, как вывести геев на чистую воду. Из сплетен я уяснил: чтобы узнать то, что одному Богу было известно, достаточно взять кровь на анализ и выделить некую "гей-частицу". Неумолимо близился момент, когда ученый муж строго посмотрит на свет пробирку с кровью и продемонстрирует группе притихших коллег, как в лучах солнца пляшет моя темная скрытая натура. А пока я высовывал голову из окна машины и орал своему играющему на улице брату "Пидор!", чтобы сбить со следа тайных охотников на ведьм. Кстати, мой брат был, да и сейчас остается, самым гетеросексуальным человеком, каким только можно. Но, как всем известно, тот, кто выкрикивает оскорбления в адрес геев, сам *ни в коем случае* таковым не является.

По мере приближения ежегодного осмотра у врача моя сдержанная тревога (излишне шумный протест выдал бы меня с головой) не вызывала у родителей подозрений в чем-либо большем, чем трусость. По иронии, к тому моменту, когда я приплелся наконец в кабинет педиатра и у меня взяли кровь на анализ, месяцы волнений вылились в самую настоящую болезнь. Увидев, как в пробирке в руках медсестры плещется моя порочная кровь, я моментально почувствовал тошноту от осознания неизбежности своей участи и потерял сознание, после чего меня вырвало прямо в кресле. Вообразите мое облегчение, когда доктор по рассеянности (его наверняка отвлекла суматоха с обмороком, подумал я) не обнаружил мою страшную тайну, так что ему не пришлось приносить эту не выразимую словами весть моим родителям.

Я решился поговорить с родителями лишь десять лет спустя. К тому времени они развелись. Я начал с мамы – доброй женщины с развитым чувством юмора, которое (слишком часто, к сожалению) сдерживалось ее склонностью к трагизму. Я не сомневался, что она не перестанет любить меня, хотя и знал, что она предпочитала оставаться в неведении, когда речь шла о том, что пугало ее или вызывало

неловкость. Одной из таких тем был секс. Я никогда не слышал от нее ни единого неприязненного слова о гомосексуалах, но не могу припомнить и случая, чтобы она сказала о них что-то одобрительное. Гомосексуальности у нас дома не существовало. Ну, так казалось маме.

Однажды вечером на кухне я вдруг выпалил, что мне нужно ей кое-что сказать. Я сел за стол и стал нервно тереть уголки газеты. "Что? – так же нервно отозвалась она. – Джесси, в чем дело?!" Она продолжила свои настойчивые расспросы, и я наконец ответил: "Я – гей". Я впервые произнес эту фразу вслух, и мне показалось, что у меня звенит в ушах. "Ой, да ладно, – заулыбалась она. – Ты шутишь?" "Нет, – сказал я. – Это правда. Я гей".

Я всегда гордился своим умением обводить собеседника вокруг пальца. Заминка, упущенный факт, осмотрительно прибавленный вздох – вот лишь некоторые трюки в моем арсенале. Это обеспечивало мне безопасность все эти годы. Вы только посмотрите, мне удалось обхитрить даже эту женщину! Ведь именно в ее утробе мой мозг начал формироваться таким образом, что двадцать с лишним лет спустя произошел вот этот вот невыносимо неловкий эпизод. Она вдруг припомнила все. И то, что в детстве я был одиночкой и любил учиться, и всех моих вымышленных подружек, и то, как ожесточенно я занимался на первом курсе университета, и высоченную стопку "Менс фитнес", хранившуюся у меня в шкафу все школьные годы (не могу поверить, что это не вызывало у нее подозрений). Все встало на свои места. *Ее сын – гей*. Я увидел, как она испустила последний вздох материнского отрицания. Его место заняла на время стоическая забота: она была недовольна моим откровением, но старалась держать лицо. После она призналась, что ее полгода мучили кошмары: будто я, в женской одежде и макияже, резвлюсь с незнакомцами. Я смог лишь заверить ее, что о переодевании-то уж точно не стоит беспокоиться. У меня настолько отсутствует чувство стилиа, что я едва в состоянии одеться, как мужчина. Речи быть не может о том, чтобы уследить еще и за женской модой.

Так или иначе, но ей удалось с собой справиться. Более того, к тому времени, как она умерла от рака (спустя пять лет после нашего запоздалого разговора), то, что ее младший сын – гей, стало для нее, как мне кажется, поводом для своего рода гордости. В тот вечер на кухне я был вынужден насильно раскрыть этот неподдающийся цветок, отгибая лепесток за лепестком, но в конце концов мое признание открыло ей новые горизонты. Ее приятная, но небогатая событиями жизнь в пригороде оборвалась слишком рано, однако в отпущенные ей годы мать буквально сражалась за меня. Покидая наш мир, она была на стороне разума, пусть это и вынуждало ее временами спорить с собственной матерью, моей нелюдими бабушкой 82 лет, которая была абсолютно уверена, что все геи непременно трансвеститы. В конце концов маме удалось переубедить бабушку и в этом.

Когда же я набрался смелости открыться отцу (приветливому человеку, работавшему тогда продавцом клея), который любил цитировать поэтов-бисексуалов, то даже удивился сам себе: почему же я не сделал этого раньше? Сообразно своей жизненной философии "что есть, то есть", он пожал плечами, спросил, как дела с учебой, и заверил меня, что скоро я встречу хорошего парня.

Хотя положение молодых гомосексуалов еще далеко от идеального, у них есть основания для оптимизма. И их гораздо больше, чем было у меня. Уменьшилась паника по поводу ВИЧ, и теперь мы знаем очень много о том, как этот вирус передается и как предупредить его распространение. Хотя ситуация со СПИДом остается критической в некоторых группах (не только среди гомосексуалов), этот диагноз более не означает смертный приговор. В США и многих других странах к геям и лесбиянкам относятся все доброжелательнее, а влиятельные общественные деятели публично называют ханжей ханжами. Выветрился и отравляющий дух 80-х годов. (Помню, как металлист Себастьян Бах появился на телеканале, вещающем на всю страну, в футболке с надписью: "СПИД убивает педиков наповал".) И это отлично! Сейчас существуют программы по защите прав гомосексуальной молодежи, например "Это к лучшему" (*It Gets Better*), инициированная журналистом Дэном Сэвиджем и его мужем Терри Миллером после резкого увеличения числа самоубийств среди подростков-гомосексуалов.

В последние годы я ощутил на себе перемены к лучшему. После нескольких лет работы профессором психологии в Арканзасе (кто бы мог подумать!) меня пригласили преподавать в Белфасте, и я со своим партнером уехал в Северную Ирландию (опять же, кто бы мог подумать). Вскоре после переезда мы с Хуаном официально зарегистрировали свои отношения (мой папа оказался прав, и я действительно встретил хорошего парня), что позволило нам приобрести те же права, что и у гетеросексуальной пары, заключившей брак в Соединенном Королевстве. Если учесть, что жители этой части света известны своими консервативными взглядами (вспомните о конфликте в Северной Ирландии и бесконечных столкновениях протестантов с католиками), то признание прав гомосексуалов видится мне выдающимся достижением. (Правда, секретарь муниципалитета, принимавший наше заявление, без конца вздыхал и даже указал на плакаты пикетчиков во дворе с цитатами из Ветхого Завета.) Как и трижды разведенный мужчина, вступающий в брак с проституткой, с которой он познакомился в забегаловке накануне вечером, я получил документ с печатью.

В Америке, куда мы вернулись несколько лет спустя, однополые браки уже официально признавались во многих штатах. Не далее как сегодня я получил по почте от своей кузины-лесбиянки приглашение на свадьбу в Коннектикуте. Хочется думать, что даже наша покойная бабушка, отличавшаяся особой чувствительностью, приняла бы внуков-гомосексуалов. Я уверен, что, оправившись от шока, она увидела бы нечто комичное в том, что мой партнер-мексиканец готовит суп с клецками по ее рецепту (переведенному с идиша), а невеста ее внучки-лесбиянки забеременела путем искусственного оплодотворения.

Мне тридцать семь лет, и я видел много перемен. Но есть нечто, что вызывает у меня чувство неловкости, я бы даже сказал – ви ны. Стремясь побороть исторически сложившиеся предрассудки против гомосексуалов, наше общество упускает уникальную возможность разобраться в непростом отношении к сексуальному разнообразию как таковому. Мы, безусловно, можем порадоваться, что улучшается жизнь тех, кто относит себя к ЛГБТ-сообществу (лесбиянки, геи, бисексуалы, трансгендеры), но нельзя упускать из виду, что есть те, чья сексуальность не укладывается в эти категории. Такие люди до сих пор являются отверженными. Над ними издеваются и их унижают за то, что (будем честны!) они не в состоянии изменить. Извиняться следует только за дурные поступки, а не за то, кто мы и какими останемся навсегда. Я сам ношу несколько незаживающих ран в напоминание о временах, когда был до смерти перепуганным мальчиком. Можно сказать, что эта книга – интеллектуальное возмездие. Однако с годами я стал понимать, что сильнее всего в нашей помощи нуждаются не геи и не лесбиянки. Конечно, им она тоже не помешает, и, безусловно, на страницах этой книги, да и в жизни тоже, я вношу свою лепту в их поддержку, но в наши дни у детей (каким был я) есть армия бесстрашных защитников. В отличие от них, многие другие “эротические изгои” живут в страхе, вызванном лишь тем, что они такими *родились*. Под это описание попадает множество людей всех возрастов.

Прочитав книгу, вы найдете, что у вас гораздо больше общего с “извращенцами”, чем вы думаете. Я познакомлю вас с новейшими научными данными о сексуальности, свидетельствующими о том, что “половые девиации” гораздо менее девиантны, чем вам кажется. Вы увидите, что набор телесных пристрастий столь же уникален, как отпечатки пальцев. После сопоставления свежих научных знаний с описаниями старых клинических случаев перед вами развернется бесконечный спектр человеческой сексуальности. Вы поймете, почему единственно возможный способ решить некоторые из самых сложных проблем нашего времени – это изучать секс без морализаторства.

Мы будем первопроходцами на неизведанной территории. Не обещаю вам оргазм в конце путешествия, но могу гарантировать, что вы станете лучше понимать те оргазмы, которые уже получаете.

Глава

1

Мы, извращенцы

Познай самого себя.

Надпись в храме Аполлона в Дельфах

Ты, мой читатель, – сексуальный девиант. Извращенец до мозга костей.

Ну-ну, не нужно сразу бросаться в атаку. Представьте, что некое всемогущее правительственное учреждение следит за сексуальными реакциями каждого. Оно знает о вас абсолютно все: от самых бурных оргазмов до едва уловимых движений плоти, невидимых гормональных каскадов и мысленных интриг. В этой фантастической вселенной существует досье, исчерпывающе описывающее реакции ваших самоувлажняющихся чресл. Более того, этот кошмарный архив восходит к вашей ранней юности, к дням, когда ваши желания только зарождались. Так вот, я готов поспорить, что в дальнем уголке этого архива найдется некий факт сексуальной биографии, который повергнет вас в глубочайший стыд, случись кому-нибудь о нем узнать.

Чтобы сгладить неловкость, я сам сделаю первый шаг. Как мне хотелось бы, чтобы моим первым сексуальным опытом было что-либо столь же очаровательное, как погружение пениса в яблочный пирог! Но нет: я занимался самоудовлетворением, разглядывая картинку в старом отцовском учебнике по антропологии. Это не заслуживает того восхищения, что истории о подростке с журналом вроде “Нейшнл джиографик” с голыми дикарями где-то в амазонских джунглях, кормящими грудью младенцев или стреляющими из сарбакана. В моем случае все было иначе. Свою долю неземного удовольствия я получал, глядя на огромного лохматого неандертальца. У меня до сих пор перед глазами эта картинка. Неандерталец сидит на корточках, между мускулистых ног призывно болтаются розовые гениталии, а умственные усилия этого чудовищного красавца направлены на то, чтобы развести огонь в выложенном камнями углублении в земле и обогреть свою столь же лохматую семью – растерянную женщину и младенца, отчаянно сосавшего ее мохнатую грудь. Вообще-то этот неандерталец был на мой вкус излишне брутален, но когда я рос, интернета не существовало, так что он был единственным голым мужчиной, которого я смог найти. Ну, или единственным голым человекоподобным существом. Приходится работать с тем, что есть.

Ну вот, я и признался. В юности я получал сильнейший оргазм, фантазируя о представителе другого биологического вида. (В свою защиту могу сказать, что это был близкородственный вид!) Возможно, вам придется порыться в памяти, чтобы найти нечто столь же непристойное – или, может быть, нужно лишь перевернуться на другой бок, чтобы оценить, какой любопытный экземпляр мохнатого чудовища вы привели домой вчера. В любом случае, велика вероятность того, что в вашем сексуальном прошлом есть кое-что, о чем можно посплетничать. Может быть, не настолько странное, как у меня, но вполне достаточное, чтобы устыдиться. У каждого есть очень личные переживания, которыми нас при желании можно шантажировать.

Конечно, большинство никому не рассказывает о своих фантазиях при мастурбации. Человек не станет распространяться о том, что вчера вечером ниже пояса у него побывал язык снежного человека (или наоборот). Обычно окружающие знают о нас лишь то, что мы позволяем им узнать. Это вполне объяснимо: нельзя забывать о репутации. (Меня, например, теперь могут не пустить в музей из опасения, что я испорчу манекен пещерного человека.) Но проблема в том, что и у других есть грязные секреты, и история человеческой сексуальности, которую мы принимаем за истину, на самом деле ложь. Более того, это опасная ложь. Она убеждает нас в том, что мы – единственные в мире “извращенцы” (и потому – аморальные монстры), если в чем-либо отличаемся от ложно понятой “нормы”. Много в человеческой природе до сих пор не понято рационально именно потому, что мы боимся честно признаться в том, что нас возбуждает или отталкивает, или, по крайней мере, что имело такой эффект в прошлом. Мы стараемся соблюсти приличия. Мы плохо знаем друг друга. Поэтому в моей книге главным образом обсуждаются как раз те аспекты сексуальности, которые вы предпочли бы скрыть. Это будет нашей тайной. Но не бойтесь признаться хотя бы себе!

А когда с вашего безусловно достоверного досье снимут гриф “Совершенно секретно” и с ним сможет ознакомиться каждый, нет сомнений, что кто-нибудь решит: сведений о вас достаточно, чтобы оценить ваше

поведение как девиантное и, возможно, даже уголовно наказуемое. И тогда в глазах другого человека, беспощадно оценивающего вас, вы безвозвратно превратитесь в *грязного извращенца*. И пока вы читаете эту книгу, я хочу, чтобы вы помнили это отвратительное чувство стыда. Мы доберемся до его корней и приложим все усилия, чтобы побороть его при помощи здравого смысла, дабы это чувство не могло причинить вред вам и другим людям.

Это чувство не только превращает вас в извращенца. Оно свидетельствует о том, что вы просто *человек*. Старушки с голубыми волосами, сонные учителя, педантичные банкиры и строгие библиотекари – все они испытывали это чувство, как и вы. Мы чаще всего не воспринимаем другого как сексуальный объект, если только он не возбуждает нас каким-либо образом, но, за исключением некоторых людей с хромосомными нарушениями, все мы от природы весьма похотливы. Представить подобное легко, однако вы попытайтесь применить это знание на практике. В следующий раз, когда вы зайдете в продуктовый магазин и стареющая кассирша с неправильным прикусом и огромной грудью будет пробивать ваши бананы, попробуйте представить, где побывали ее необычайно крупные руки. Скольким мужчинам или женщинам (включая ее саму) принесли неземное удовольствие эти непривлекательные конечности? И это вовсе не упражнение в злословии, а лишь напоминание о животном начале в людях. Под кожей у каждого из нас прячется сластолюбивый зверь... и у угрюмой кассирши тоже.

Но все же главный секрет заключается не в нашем негласном общем сходстве. Он вот в чем: изучение дальних пределов человеческих желаний научными методами – одно из высших достижений человечества. Это непросто, однако исследование самых темных уголков сексуальной природы человека (“извращений”) устраняет препятствия на пути к истинному моральному прогрессу в контексте равенства и признания сексуального разнообразия. По мере того как мы снимаем один слой за другим, крысы бегут от света, а возможность уничтожить это чумное гнездо страха и невежества ради познания любвеобильной души нашего биологического вида, конечно, стоит того, чтобы немного испачкаться.

Мы не будем первыми, кто, рассматривая не самые приятные аспекты человеческой сексуальности, пытается добраться до истины. Многие художники и писатели затрагивали психологические процессы, связанные с сексуальностью, и даже предсказали направление поисков ученых.

Жан Жене в пьесе “Балкон” (1956) показал, как опьяненные страстью люди испытывают когнитивные искажения, побуждающие их к поведению, которое они сами в менее возбужденном состоянии посчитали бы непристойным. Действие пьесы происходит накануне войны в популярном городском борделе. Заведением управляет проницательная мадам Ирма, а ее клиенты – местные чиновники, которые приходят, чтобы дать выход своим плотским желаниям. Сделав это, они снова могут продолжать существование как “нормальные” и уважаемые общественные деятели, обороняющие город от врага. Среди клиентов мадам Ирмы встречаются колоритные персонажи, в том числе Судья, “наказывающий” проститутку, Епископ, “отпускающий грехи” “кающейся грешнице”, и Генерал, разъезжающий верхом на любимой “кобыле”. Мадам Ирма размышляет: “Я же вижу в их глазах – после этого у них просветляется сознание. Они внезапно начинают понимать математику. Они любят своих детей и свою родину”^[1]. Жене понял то, к чему только приходят ученые: мозг в плену похоти не имеет ничего общего со здоровым рассудком.

Я бы хотел с самого начала внести ясность: *понимание* не подразумевает *одобрения*. Наша способность к сопереживанию имеет границы, и погружаться в сознание других людей может быть неприятно, особенно когда речь идет о некоторых преступлениях, совершенных на сексуальной почве. Более того, одно дело рассуждать о девиантности, и совсем другое – оказаться жертвой сексуального насилия или знать, что пострадал человек, которого мы любим, особенно ребенок. И хотя самых жестоких сексуальных преступников принято сравнивать со зверями, в худших из них (нравится нам это или нет) проявляется именно человеческая природа. Сколь бы ни было неприятно приближаться к ним, чтобы рассмотреть, это может многое рассказать о том, как нарушается установление половой принадлежности

и развитие способности принимать решения. “Ничто человеческое мне не чуждо”, – сказал герой комедии римлянина Теренция. Я намерен придерживаться этой позиции.

По крайней мере, я приложу все усилия. Нет сомнений, что и два тысячелетия назад, при Теренции, существовали насильники, растлители и другие преступники, совершавшие более банальные половые преступления. Но вряд ли ему было известно обо всем разнообразии описанных современными учеными экстравагантных *парафилий* (сексуальных наклонностей касательно людей и предметов, которые большинство из нас вряд ли посчитают сколько-нибудь эротичными). Даже ему, возможно, было бы непросто найти общий язык, скажем, с тератофилами, испытывающими влечение к людям с врожденными уродствами, или с аутоплюшефилами, которые мастурбируют, глядя на собственное карикатурное изображение в виде плюшевых игрушек.

Как это ни странно, но знание этимологии слова *pervert*, “извращенец”, в английском языке может облегчить понимание многих непростых вопросов, которые мы будем обсуждать здесь. Извращенцами не всегда называли распутных страшилищ. Слово “извращенец” в былые века имело совершенно иное значение. Если бы во времена Карла II стало известно, что некий крестьянин пользуется витыми морскими раковинами для анального удовлетворения или, занимаясь самоудовлетворением на площади, вдыхает аромат украденных в большом количестве дамских корсетов, его могли бы назвать извращенцем лишь случайно, в силу других его качеств. Скорее всего его назвали бы негодяем и плутом (*skellum*) или помянули его грязные потроха (*mundungus*), но в “извращенцы” он бы за такие проделки не попал.

С лингвистической точки зрения сексуальная коннотация слова *pervert* кажется естественной. Оно мелодично и приторно, а лицо произносящего это слово человека невольно искажает оскал, заставляющий вспомнить либо о совратителе малолетних, либо об облаченном в плащ эксгибиционисте в парке, либо об истекающем слюной любителе порнографии, либо даже о серийном насильнике. Но, если перефразировать Шекспира, “как извращенца ни зови – в нем вонь останется все та же”.

Быть извращенцем очень долго не значило быть сексуальным девиантом. Это значило быть *атеистом*. В 1656 году британский лексикограф Томас Блаунт следующим образом определил глагол “извращать” (*to pervert*) в своей книге *Glossographia* (“Словарь объяснений трудных слов из прочих языков, употребляемых сейчас в благородном английском языке”): “переворачивать вверх дном, совращать, соблазнять”. Сегодня всем этим занимаются в обычной спальне в пригороде. Но то, что нам в этом определении слышатся игривые намеки, объясняется самим фактом нашей жизни в поствикторианскую эпоху. Во времена Блаунта и даже на протяжении нескольких последующих столетий *извращенцем* был всего лишь упрямый отщепенец, отвернувшийся от суровой средневековой церковной морали и, таким образом, “соблазнявший” окружающих безбожием.

На самом деле еще в 524 году, задолго до того, как Блаунт ввел безбожников-извращенцев в благородное англоязычное общество, появилась ранняя версия этого слова – у Боэция, в трактате “Утешение философией”^[2]. Как и определение Блаунта, слово *pervertere* у Боэция значило лишь “отворачиваться от того, что верно”. В контексте христианского богословия “то, что неверно” значит, в общем, то же, что и для богобоязненных людей сейчас: отступление от библейских предписаний.

Таким образом, если вспомнить изначальное значение слова *pervert*, одним из самых заметных “извращенцев” предстал бы эволюционный биолог Ричард Докинз. Автор книги “Бог как иллюзия” и проповедник атеизма, Докинз призывает рационалистов “отвернуться от религиозных канонов”. Камня в него я не брошу: я и сам автор научно-атеистического опуса. Будучи атеистом и гомосексуалом, я с гордостью ношу звание *извращенца* и в устаревшем значении этого слова, и в современном, уничижительном.

Лишь в конце XIX века слово “извращенец” перешло из патетических церковных проповедей в бурные споры между врачами-сексологами. И это было задолго до того, как “извращенец” стало определением вашего странного соседа-очкарика, который любит сидеть на крыльце, попивая чай, и пялиться на школьниц в мини-юбках у автобусной остановки.

Семантический дрейф “извращенцев” с церковных скамей в психиатрические клиники, а оттуда – в комментарии к новостям в интернете сопровождался грохотом волочащихся следом костей средневековой религиозной морали. Обратите внимание, что корень “вращ” чаще всего обозначает поворот, изменение (“возвращать”, “превращать”, “отвращать”, “извращать” и так далее). Но из всех этих слов лишь в глаголе *извращать* присутствует “злокачественная” сердцевина. В современном смысле извращенец – это “сексуальный девиант”, причем девиантность эта злонамеренная. То есть презюмируется, что некто умышленно выбрал девиантный путь, несмотря на то, что решение это морально неверное.

Поразительно, как столь эмоционально нагруженное слово, не претерпевшее почти никаких изменений в первое тысячелетие своего существования в английском языке, смогло внезапно получить новое значение, полностью затмившее первоначальный смысл. Каким образом слово “извращенец” отошло от устойчивого значения “аморальный еретик” и стало значить “аморальный сексуальный девиант”?

Разгадку можно найти в работе лондонского врача Хэвлока Эллиса (1897). Ему приписывается популяризация этого термина при описании пациентов с необычными сексуальными желаниями. Надо заметить, что и до него ученые придавали слову “извращение” сексуальное значение. Например, это делал австро-германский психиатр Рихард фон Крафт-Эбинг, которого многие считают пионером исследований в области половых девиаций. Но Эллис писал на английском, и его работы были понятны широкой аудитории. Это в конце концов привело к тому, что термин закрепился в употреблении именно таким образом. В книге Эллиса “Сексуальные инверсии” значение этого термина установить непросто, потому что вначале он употребляет слова “извращенцы” (*perverts*) и “извращения” или “перверсии” (*perversions*) в значении сексуальной девиантности. Соавтором Эллиса выступил литературный критик, гомосексуал Джон Эддингтон Симондс. Их книга стала важнейшим трактатом о психологических истоках гомосексуальности. По мнению авторов, термин “сексуальная инверсия” отражал природу гомосексуальности как своего рода перевернутой эротической схемы гетеросексуальной привлекательности.

Пока все понятно. Но Эллис и Симондс начинают путаться в словах, когда речь заходит о более широком значении термина “сексуальные перверсии” применительно к социально неприемлемым видам полового поведения, среди которых присутствует и “сексуальная инверсия”. (В ряду классических перверсий указывались полигамия, проституция и скотоложество.) Авторы пользовались религиозной лексикой не потому, что считали гомосексуальность аномальной (как раз наоборот – натуралистический подход позволил им одним из первых обнаружить такое поведение у других животных), а чтобы указать, насколько характерно применение этих терминов для описания сексуальности, когда она виделась греховной или противоречащей “тому, что верно”^[3]. Заметим, что Симондс был открытым гомосексуалом и гордился собой. Так что слово это просто иллюстрировало отношение большей части общества к гомосексуалам. Любопытно, что из пары соавторов ученый, окрестивший геев и лесбиянок “извращенцами”, сам был не без странностей. Корреспонденция и записи Хэвлока Эллиса свидетельствуют о его урофилии, то есть тяге к моче (или к процессу мочеиспускания). В письме к близкой знакомой Эллис укоряет женщину, что она забыла дома у него сумочку, и дерзко прибавляет: “Я бы не возражал, если вы оставили бы и *жидкое золото*”. Он открыто признавался в своих желаниях и даже считал себя знатоком *pisseuses*, о чем упомянул в автобиографии: “Меня можно считать первооткрывателем красоты этого естественного акта, когда он совершается женщиной в вертикальном положении”. В поздние годы этот “чудесный поток” оказался действенным средством от давней импотенции Эллиса. Единственным, что вызывало у него возбуждение, был вид писающей стоя женщины. Кстати, Эллис ничуть не стеснялся своей причуды: “Мне это никогда не казалось вульгарным, напротив, это чистый интерес, часть пока еще непризнанной прелести мира”. Предприняв попытку проанализировать собственный случай (в конце концов, он был сексологом), Эллис заключил: “[Это] не слишком необычно... и встречается среди мужчин,

отличающихся высоким интеллектом”^[4]. Он был убежден также в том, что мужчины с высоким тембром голоса обладают более высоким интеллектом, нежели баритоны. То, что голос самого Эллиса был необычно высок, вероятно, имело некоторое отношение к этой любопытной гипотезе.

Эллис был одним из немногих сексологов конца XIX – начала XX века, взявшихся за это трудное дело – попробовать расплести нити человеческой сексуальности. Другие ученые, например Рихард фон Крафт-Эбинг, Вильгельм Штекель и, конечно, Зигмунд Фрейд, исповедовали эмпирический подход к изучению половых девиаций. Сегодня может показаться, что их работы необъективны (так и есть), но они проникнуты заботой о тех, чье половое возбуждение, возникающее помимо их воли и независимо от их выбора, затрудняет им жизнь.

Не стоит забывать, что “Сексуальная инверсия” Эллиса и Симондса была написана вскоре после суда над Оскаром Уайльдом (1895), обвиненным в “грубой непристойности”. Этого великого уроженца Дублина судили за то, что он состоял в гомосексуальных отношениях с многочисленными мужчинами и мальчиками. Выступая в свою защиту в суде Олд-Бейли, куда обратился отец его вздорного возлюбленного, лорда Альфреда Дугласа, Уайльд назвал однополые отношения “любовью, что таит свое имя”.

Присяжные признали Уайльда виновным, и суд приговорил его за содомию к двум годам каторжных работ. (Сейчас в Соединенном Королевстве анальный секс по взаимному согласию не является преступлением. Однако тот факт, что насильственное анальное проникновение, в ряду прочих действий, во многих развитых странах до сих пор официально называется “содомия” – от Содомы и Гоморры, – показывает, как глубоко в законодательстве укоренилась религиозная мораль.)

Обсуждая “любовь, что таит свое имя”, нередко забывают, что Уайльд говорил об определенном типе гомосексуальных отношений. Современные сексологи назвали бы пристрастия Уайльда эфебофилией, то есть влечением к подросткам^[5]. Послушаем объяснения самого Уайльда:

“Любовь, что таит свое имя” – это в нашем столетии такая же величественная привязанность старшего мужчины к младшему, какую Ионафан испытывал к Давиду, какую Платон положил в основу своей философии, какую мы находим в сонетах Микеланджело и Шекспира. Это все та же глубокая духовная страсть, отличающаяся чистотой и совершенством. Ею продиктованы, ею наполнены великие произведения... Она светла, она прекрасна, благородством своим она превосходит все иные формы человеческой привязанности. В ней нет ничего противоестественного. Она интеллектуальна, и раз за разом она вспыхивает между старшим и младшим мужчинами, из которых старший обладает развитым умом, а младший переполнен радостью, ожиданием и волшебством лежащей впереди жизни. Так и должно быть, но мир этого не понимает. Мир издевается над этой привязанностью и порой ставит за нее человека к позорному столбу^[6].

Сегодня мы видим иронию в том, что Уайльд считал эти отношения поколений благоприятными для обеих сторон, поскольку в наши дни такая любовь таит свое имя куда тщательнее, чем прежде. Современных эфебофилов – последователей Уайльда, Платона и Микеланджело – не только подвергают насмешкам и преследованию, но и (ошибочно, как мы увидим) причисляют к “педофилам”.

Подобно тому, как подвергался нападкам Уайльд, первых сексологов ждало негодование пуритан, опасавшихся, что новые веяния в науке приведут к подрыву таких институтов, как брак, религия и семья. Страхи, связанные с эффектом “скользкой дорожки”, существуют уже очень давно, и в глазах моралистов тех дней непредвзятый подход к сексуальности представлял опасность для всего доброго и святого. Ученые-консерваторы считали, что нейтральное описание сексуальных девиантов, представив порок вариантом “естественного” поведения, может раскачать лодку и привести к тому, что “нормальные” люди станут перенимать аморальный образ жизни^[7]. Уже то обстоятельство, что половое влечение к лицам собственного пола получает научное название, делало его в глазах моралистов гораздо более реальным и поэтому более грозным. Для них это было воплощением зла. Так, Уильям Нойес из Бостонской больницы для душевнобольных в рецензии на книгу “Сексуальные инверсии” отчитывает авторов за то, что те

прибавили лишние триста страниц к литературе, которая и так цветет буйным цветом... Кроме самих извращенцев, ни один здоровый человек не сможет прочесть написанное, не умалив своего мнения о человеческой природе, и уже это должно бы заставить авторов остановиться.

Четкое различие, проведенное Эллисом и Симондсом между гомосексуальной *ориентацией* и гомосексуальным *поведением*, стало важным шагом к равноправию геев. Сегодня это кажется само собой разумеющимся, но именно тогда впервые гомосексуальность стала рассматриваться как психосексуальный аспект (или ориентация) личности, а не просто как некое *деяние*с представителями того же пола^[8]. Эта перемена взглядов психиатров на природу гомосексуальности имела длительные – как положительные, так и отрицательные – последствия для геев и лесбиянок. С одной стороны, гомосексуалы уже не рассматривались (по крайней мере экспертами) как падшие люди, которые просто аморальны и похотливы. Вместо этого было признано, что у них иная психологическая “природа”, побуждающая их испытывать влечение к людям своего пола. С другой стороны, эта иная природа все равно рассматривалась как ущербная. Гомосексуалы предстали извращенцами по своей сути. Вне зависимости от того, занимались они сексом с людьми своего пола или нет, они принадлежали к “этим самым”.

Как только гомосексуальность стали воспринимать как ориентацию, а не просто уголовно наказуемое поведение, стало возможным превратить ее в психиатрическое “отклонение”^[9]. Следующие почти сто лет психиатры видели в геях и лесбиянках психически больных людей. Большинство врачей считало, что гомосексуалов следует лечить, как лечат пациентов с душевными заболеваниями. Я еще вернусь к обсуждению методов “лечения” гомосексуалов, но, естественно, ни один врач не позволял геям и лесбиянкам быть собой.

Отталкивающий термин “извращенец” также закрепился за гомосексуалами. Не так давно некоторые неофрейдисты еще считали анальный секс у мужчин-геев демонстрацией подсознательного желания отчикать своим сжатым сфинктером чужой член. “Таким образом, типичным для извращенца, – рассуждал в 1986 году психиатр Мервин Глассер, – он пытается сделать отца внутренним объектом, союзником и оплотом борьбы с властной матерью”. Сегодня подобное заявление имеет такую же научную ценность, как астрология или карты таро, однако, учитывая, что Глассер написал это *тринадцать лет спустя* после того, как Американская ассоциация психиатров изъяла гомосексуальность из перечня психических заболеваний, видно, сколь долго в медицинских кругах держалась религиозная мораль. Когда мужчины-геи обращались за психологической помощью (а это было неизбежно, поскольку они жили в мире, который никак не мог решить, нездоровы они или аморальны, и поэтому просто считал их нездоровыми и аморальными одновременно), в ответ они слышали странные рассуждения об “извращенцах” в духе Глассера.

Сейчас слово “извращенец” применительно к геям и лесбиянкам звучит глуповато (по крайней мере – провинциально). Все больше обществ медленно, но верно принимают гомосексуалов. Но многие меньшинства продолжают оставаться в черном списке. Хотя, к счастью, мы все чаще обращаемся к науке, чтобы защитить геев и лесбиянок, в глубине души большинство из нас (неважно, религиозны мы или нет) до сих пор испытывает иллюзию, что некий Создатель установил моральные ограничения, определив среди сексуальных ориентаций приемлемые. Наша первая реакция на людей, которые точно так же не выбирали, что станет вызывать у них половое возбуждение (педофилы, эксгибиционисты, трансвеститы, фетишисты и многие другие), такова, будто они по собственному почину свернули с верного пути. Мы видим в них “извращенцев по убеждению”, хотя все больше людей воспринимает геев и лесбиянок как “нормальных”.

Примеры ошибочной логики встречаются и в аргументах некоторых эволюционных биологов-атеистов. Внося свою лепту в дискуссию о матримониальных и прочих правах гомосексуалов, многие ученые с удовольствием отмечают, что гомосексуальное поведение наблюдается и у других биологических видов.

Проще говоря: "Расслабьтесь! С геями и лесбиянками все в порядке; не такие уж они и странные – в масштабе планеты". Сравнение с животными, несомненно, имеет большое эмоциональное значение, и мне нравится этот прием из-за его риторической эффективности. Но он в корне ошибочен, потому что параллельно вызывает осуждение тех, чья сексуальная ориентация не имеет аналогов в животном мире. Более того, даже если бы мы были единственным *странным* биологическим видом, мне не вполне понятно, почему в этом случае брак двух совершеннолетних гомосексуалов был бы менее допустим. Однополые отношения у других видов интересны сами по себе. Но неужели мы, люди, настолько сбились с пути в дремучем лесу этики, что ищем одобрения у обезьян, речных раков и пингвинов, чтобы пустить в ход собственные половые органы? Мы прибегаем к той же небесспорной логике, приводя в пример немоногамные виды, чтобы оправдать собственные взгляды на полигамию (это основной посыл популярной книги "Секс на заре" Кристофера Райана и Касильды Джеты).

Несмотря на то, что нами могут двигать гуманные побуждения, когда мы рассуждаем о сексе и морали, легко впасть в *натуралистическую ошибку*. Данный подход подразумевает, что все естественное нормально, положительно и социально приемлемо, а неестественное, напротив, – дурно и неприемлемо. Те, кто для оправдания общественного признания геев и лесбиянок приводит в качестве примера однополые связи у других видов, в той же мере допускает эту ошибку, что и религиозные консерваторы, для которых "очевидно", что такое поведение аморально и недопустимо в силу его "неестественности". В конце концов, половые акты с детенышами, не достигшими полового созревания, и насильственное спаривание тоже часто встречаются в природе – на самом деле, гораздо чаще, чем гомосексуальное поведение. Однако эти неудобные факты о животных не привели к моральному оправданию (по крайней мере, убедительному) того, что взрослые могут заниматься сексом с детьми, а мужчинам можно насиловать женщин. Они и не должны приводить к таким выводам. Следует быть очень осторожными, потому что, приводя избирательные примеры из жизни животных для защиты одной социальной группы (в данном случае геев и лесбиянок), мы рискуем сделать ошибочные выводы обо всех.

Натуралистическая ошибка становится особенно заметна, когда "приемлемая" форма половой девиации у одного и того же вида наблюдается одновременно с "неприемлемыми" формами. Когда речь заходит о других приматах, вступающих в гомосексуальные связи и имеющих несколько половых партнеров, часто приводят пример бонобо (*Pan paniscus*). Учитывая наши близкие генетические отношения с бонобо (наша ДНК совпадает на 98,6 %), в них видят иллюстрацию "естественности" гомосексуальности у людей и "неестественности" человеческой моногамности. Эти обезьяны особенно известны, например, тем, что их особи женского пола с упоением трутся клиторами, а особи мужского пола занимаются взаимной мастурбацией. Такое полное гомоэротики поведение считается ключевым проявлением относительно неагрессивной природы бонобо, так как секс используется ими как способ примирения и позволяет снизить уровень социальной напряженности в группе, не доводя до агрессии. Приматолог Франс де Вааль отмечает: если бы люди проявляли такое же "социосексуальное поведение", как бонобо, их бы арестовали. (Это становится ясно из его статьи "Социосексуальное поведение как способ регулирования напряжения у бонобо всех возрастов и половых комбинаций", опубликованной в журнале "Педофилия".) Дело в том, что "естественно" гомосексуальные и неразборчивые в связях бонобо встречаются не только среди взрослых особей, добровольно соглашающихся на такие отношения. Можно также наблюдать, как взрослые самцы бонобо "естественно" ласкают детенышей-самцов, а взрослые самки "естественно" прикладываются ртом к половым органам детенышей-самок. В случаях, когда натуралистическую ошибку допускают люди консервативных религиозных или общественных взглядов, центральную позицию занимает идея размножения и философская ошибка становится неприлично очевидной. Когда путают мораль и идею продолжения рода, проблема равно применима ко всем видам полового поведения, которое не ведет к появлению потомства. И неудивительно, что чаще всего этот аргумент применяется против гомосексуальности. Многие консерваторы с удовольствием объясняют тем из нас, кто никак не освоит наиболее сложные аспекты биологии: половой акт с представителем противоположного пола может

привести к появлению потомства, а с представителем собственного – нет. Этот факт обычно экстраполируется до утверждения, что однополый секс *противоестествен* и потому есть зло (перевозу: высокомерно игнорирует божий замысел).

Если учесть, что природа механистична и аморальна, а также не является результатом разумного планирования, то эта позиция абсолютно беспочвенна. Искать в репродуктивной биологии с ее принципами поточного производства некие моральные ориентиры или предписания относительно того, как люди должны или не должны распоряжаться своими половыми органами, – значит принимать как данность, что наша репродуктивная анатомия задумана неким Творцом. Этот додарвиновский взгляд лежит в основе неубедительного довода против гомосексуальности, который обычно находит свое выражение в любимом фундаменталистами лозунге “Адам и Сева” (*Adam and Steve*).

Наше общество настолько занято вопросом, до какой меры “естественным” или “неестественным” является данное сексуальное поведение с эволюционной точки зрения, что мы упустили из виду куда более важный вопрос: является ли это поведение вредоносным? Во многом это даже более сложный вопрос, потому что естественность можно оценить по относительно простым статистическим параметрам (например, “как часто такое поведение проявляется у других биологических видов?” или “у скольких людей проявляется такое поведение?”), а понятие вреда в значительной мере субъективно. Вред как таковой невозможно прямо оценивать, потому что при его оценке используются определения, которые все понимают по-разному. Когда речь идет о вреде в половой сфере, то, что вредно для одного, для другого может быть не только безвредно, но даже полезно. Например, если бы Кейт Аптон сейчас зашла ко мне в кабинет, привязала меня к стулу, исполнила бы стриптиз и прижалась промежностью к моему лицу, я думаю, мне потребовались бы годы психотерапии. А если бы то же самое произошло с моим братом-гетеросексуалом или с одной из моих подруг-лесбиянок, я подозреваю, их мозг воспринял бы инцидент совсем по-другому. (Не говоря уже о том, как мозг жены моего брата воспринял бы реакцию брата на упомянутую промежность.)

В отношении вреда люди по-разному оценивают не только сексуальные действия, но и желания. Для религиозных людей этот разговор совершенно бессмыслен^[10]. Но если отказаться от представления, будто можно *совершить* грех, просто помыслив о чем-либо, становится ясно, что желания (неважно, насколько девиантные) по сути безвредны, по крайней мере в физическом смысле. Психическое состояние – это “вздых, не более”^[11], писал Жан-Поль Сартр. Конечно, может случиться, что сексуальные желания причиняют вред самому человеку (особенно если им подвержен тот, кто убежден, что мысли эти исходят от дьявола). И все же вероятность причинения вреда другому появляется лишь тогда, когда мысль воплощается в поведении.

Относиться к человеку как к извращенцу по сути и считать его аморальным потому, что у него возникают необычные эротические мысли, а его мозг реагирует на сексуальные стимулы, которые признаны другими неприемлемыми, – это средневековье как по жестокости, так и по идиотизму. Более того, это контрпродуктивно. Изучение “эффекта белого медведя” социальным психологом Даниэлем Вегнером показало, например, что если человек пытается отбросить определенные мысли, они завладевают его сознанием. (Что бы вы сейчас ни делали, тридцать секунд не думайте о белом медведе!)

Наше моральное осуждение должно быть направлено главным образом на сексуальные *действия*, приносящие вред, а не на возбуждение от бесплотного изображения, возникающего в персональном кинотеатре сознания^[12]. Однако с этим легче согласиться в принципе, чем применить на практике. Если мы оказываемся в курсе девиантных желаний другого, это может нарушить нашу способность к логическому мышлению. Например, вы узнали, что дружелюбный сосед средних лет (тот самый, у которого “Хонда Аккорд”, белый заборчик и обожающий его золотистый ретривер) получает сильнейшее сексуальное удовлетворение, во время мастурбации фантазируя о жестоком изнасиловании. Или что веселая розовощекая женщина, которая работает в булочной по соседству, испытывает оглушительный оргазм,

лишь увидев конский пенис в одном из своих многочисленных глянцевого журналов о лошадях. Изменит ли это знание ваше восприятие этих людей как уважаемых членов сообщества? Насколько вам известно, ни один из них не нанес вреда ни одному живому существу (и не похоже, что они вдруг начнут совершать какие-то действия, продиктованные этими желаниями, поскольку до сего момента они вполне успешно от них воздерживались). И, тем не менее, трудно удержаться и не начать оценивать их мысли с позиций морали.

Одна из причин, почему мы смешиваем сексуальные желания и сексуальные действия, когда пытаемся оценить других с позиций морали, такова: их разделяет лишь один шаг. Несмотря на то, что желания не всегда воплощаются в поступки, поведение человека сильно зависит от того, что у него на уме. С философской точки зрения, использование информации о сексуальных желаниях человека при его моральной оценке ошибочно, однако это позволяет принимать гибкие решения. Даже если у вашего соседа с фантазиями об изнасиловании безупречная репутация, вам как привлекательной женщине разумно отклонить приглашение на романтический ужин у него дома, где будете только вы вдвоем. А будь у меня конь, я бы близко не подпустил к нему любительницу лошадей из булочной.

Такой подход представляется морально оправданным (он нужен, чтобы защитить нас самих и тех, кого мы любим), но не логичным (поскольку это предубеждение обусловлено его сексуальной природой, а не совершенным им поступком). Когда речь идет о ситуациях, представляющих высокий риск, например, кого именно пригласить присмотреть за детьми или стоит ли идти на свидание с человеком, которого вы едва знаете, негативные стереотипы могут нести адаптационную функцию. Но это не значит, что адаптация морально оправданна (сказать так означало бы впасть в натуралистическую ошибку). В конце концов, тот же механизм работает с любой другой социальной группой, находящейся в меньшинстве. Будь то цвет кожи, вес человека или его акцент, негативные стереотипы указывают кратчайший путь к принятию решений в социальном контексте, особенно когда на обдумывание не хватает времени или когда возрастает риск. В случаях с девиантными сексуальными желаниями и нашим желанием избежать вреда осторожность может быть оправданна, но не следует настолько слепо следовать чувствам, чтобы быть не в состоянии увидеть изъян в собственной логике. Распространение пугающих атрибутов худших представителей социальной категории, на принадлежность к которой не указывают внешние индикаторы (например, вероисповедание и сексуальная ориентация), на всех ее представителей ведет к тому, что мы ищем монстров среди нас. Мы испытываем моральную панику. Поскольку сомнительные сексуальные желания неочевидны, под подозрением оказываются все.

Если бы в бюллетене для голосования появился вопрос о превентивном истреблении педофилов, не сомневаюсь, что эта мера была бы одобрена подавляющим большинством. Полагаю, люди рассуждали бы так: поскольку педофилы суть зло, в интересах общества избавиться от них. Именно такой подход к половым девиациям бытовал в XVII веке в Новой Англии. Всем известно об охоте на ведьм в Сейлеме, но вы наверняка не слышали об охоте на "свинолюдей" в Нью-Хейвене, штат Коннектикут. В те времена самыми страшными злодеями считались не педофилы (возраст вступления в брак в колониях составлял десять лет!), а мужчины-сообщники дьявола, оплодотворявшие домашний скот. Люди боялись, что появившееся в результате злонамеренное потомство проникнет во все уголки юной Америки и изгадит все созданное руками благочестивого народа. Поселенцы заимствовали эту странную идею у Фомы Аквинского, который назвал существо, рожденное животным от человека, продигием. Согласно Фоме Аквинскому, продигии могли появляться на свет также в результате секса с атеистами (известные извращенцы!), но в те времена в колониях было больше свиней, чем атеистов.

Неясно, были ли американцы, о которых я сейчас расскажу, зоофилами, то есть испытывали ли они к четвероногим животным более сильное влечение, нежели к двуногим. Может быть, животные стали для них суррогатами (как и для половины "выросших на фермах" мальчиков-подростков, судя

по результатам исследования Альфреда Кинси 1948 года), а может, их вообще оговорили. Тем не менее некоторые современные ученые считают, что зоофилия является сексуальной ориентацией и наблюдается у 1 % населения планеты. Так же, как для не-зоофилов невозможно возбудиться при виде пениса клейдесдальского тяжеловоза или немецкой овчарки, перевернувшейся на спину, чтобы ей почесали брюхо, "истинным зоофилом" не так-то просто возбудиться от человеческого существа. Один из них (кстати, врач из пригорода) смог исполнить супружеский долг в первую брачную ночь, лишь закрыв глаза и представив, что его жена – лошадь. Как ни странно, брак долго не продержался.

Когда-то в Плимутской колонии зоофилия, очевидно, не была известной сексуальной ориентацией (опять же, психосексуальная концепция ориентации появилась лишь в конце XIX века). Массовая истерия достигла пика в 1642 году, когда состоялся суд над шестнадцатилетним Томасом Грейнджером. Перевозбужденного подростка обвинили в том, что он допускал непозволительные вольности по отношению к целому ряду животных, а именно – "кобыле, корове, двум козам, пяти овцам, двум телятам и индюшке". Я понимаю, что упоминание индюшки немного отвлекает нас от сути дела (и лучше не будем вникать в подробности того, как можно заниматься сексом с огромной птицей с когтями), но удивительно вот что: обстоятельство, с которым суд его рассматривал. У этих благонамеренных господ не было сомнений, что мальчишку надо отправить на костер за вопиющее нарушение законов природы, но вопрос заключался в том, каких именно овец он осквернил и которых из них следует умертвить. Было необходимо внести полную ясность не только потому, что скот был ценным товаром, но и потому, что если бы казнили не ту овцу, существовал ужасный риск рождения блеющего монстра с копытами. Так что в ряд выставили всех жертв Грейнджера. Дрожащей рукой мальчик указал на пятерых желтоглазых жвачных, которые были объектами его тайной страсти. В протоколе сказано, что животных "убили в его присутствии согласно закону – Левит 20; и сам он после этого был казнен".

Подозреваемым в скотоложестве приходилось иметь дело с высокоморальными судьями и усердными обвинителями. В 1642 году в Нью-Хейвене (неподалеку от того места, где сейчас кампус Йельского университета, и лишь несколько лет спустя после суда над Грейнджером) казнили Джорджа Спенсера, сервента, известного своим "богохульством, ложью, глумливостью и блудом", по обвинению в том, что он совокуплялся с хозяйской свиньей. Спенсер клялся, что ничего такого он не делал, но, на его беду, у хавроньи случился выкидыш. Уродливый плод ("монстр") слишком напоминал Джорджа: у него также был "всего один глаз, а второй – белесый и деформированный". Эмбриологическое злоключение означало для Джорджа смертный приговор.

Другой горожанин, Томас Хогг, оказался в центре скандала, когда у соседской свиноматки родился уродливый мертвый поросенок "со светлой кожей и головой, как у Томаса Хогга". (Пожалеем женщин Нью-Хейвена, которым мертворожденные поросята напоминали потенциальных женихов.) Обвинения против Хогга были настолько серьезны, что губернатор и его заместитель лично приволокли его к свинье, о которой шла речь, и приказали нежно погладить ее. Это было необходимо, чтобы оценить, хорошо ли знакомы эти двое. В протоколе записали: "Свинья сразу же стала проявлять признаки возбуждения, причем настолько, что излила семя". Когда же Хогг с неохотой пощекотал соски у другой свиньи, та, напротив, не ответила ему взаимностью. По крайней мере, она не опустошила свой мочевого пузыря, как, по-видимому, сделала первая свинья. Принимая во внимание посредственное знание биологии обвинителями, первая свинья, похоже, просто выбрала неподходящее время, чтобы помочиться. Хогга казнили – как и Грейнджера и Спенсера.

Жестокие законы против скотоложцев завезли в Америку из христианской Европы, где в изобилии водились религиозные фанатики вроде Фомы Аквинского. Однако в XVIII веке в Европе произошло кое-что важное. Французского крестьянина Жака Феррона осудили за то, что он занимался сексом с ослицей. Эдвард П. Эванс писал в культовом труде "Уголовная ответственность и казнь животных" (1906), что у Феррона, несомненно, не было шансов, поскольку он совокуплялся с животным. Вскоре его в оковах вели на площадь, где для него готовили костер. Но главным отличием этого дела о скотоложестве

от прежних стало то, что ослицу решили не казнить. Местные жители так любили ослицу, что затеяли ради нее отдельный процесс. Там свидетели подтвердили, что она никогда не проявляла склонности к промискуитету. Еще до суда ослице был выдан свидетельством, удостоверяющее ее репутацию. Документ был подписан приходским священником, и этого оказалось достаточно, чтобы убедить судебных чиновников оправдать животное – на том основании, что ее изнасиловали.

В наши дни процесс об изнасиловании ослицы выглядит абсурдно. Но он обозначил момент, когда люди подвергли сомнению резонность наказания, требуемого Библией. Они выбрали более рациональный путь, продемонстрировав, что и глубоко религиозное общество при рассмотрении сексуальной девиантности может оставить в стороне не имеющий отношения к делу вопрос о *естественности* и попытаться ответить на более важный с моральной точки зрения вопрос о *вреде*. Лично мне не кажется, что Феррона наказали справедливо: не было установлено, что ослица пострадала. Большинству (и мне тоже) не особенно приятно думать о мужчине с ослицей, тем более благочестивой, но любой, кто видел фаллос взрослого ишака (размером с небольшой мопед), несомненно, признает, что едва ли Феррон мог причинить физический вред означенной ослице. И если она не потеряла аппетит и не подверглась остракизму со стороны сородичей, вряд ли можно говорить о психологической травме. Тем не менее, поскольку Бог недвусмысленно предписал смерть любому существу, оскверненному человеческим семенем, по своей воле или против нее, то, что эту ослицу оставили в живых, означало, что причиненный ей (изнасилованием) вред был достаточно важен для этих людей, чтобы проигнорировать непомерно жестокий приказ Бога. Оказавшись перед дилеммой, люди задумались. И в этом заключается реальный моральный прогресс. (Конечно, человека сожгли заживо. Но первый шаг был сделан.)

Теперь, когда известно, что многие люди европейского происхождения имеют элементы ДНК неандертальцев, интересно предположить, кто из разжигателей костров былых времен сам был продигием. Я не заказывал секвенирование своего генома, а предки мои происходят из многих стран, но есть большая вероятность, что я и сам в этом смысле гибрид. (Вот видите, мое подростковое увлечение пещерным человеком было абсолютно "естественным".) В любом случае, после того, как базовые биологические познания позволили пресечь паранойю, связанную с продигиями (вскоре после процесса по делу Феррона), христиане оставили практику принесения в жертву обвиняемых в сексе с животными.

Нелепо, однако, думать, что религиозная мораль не наложила отпечаток на современные законы о скотоложестве. Сам ошибочно отделяющий людей от других животных термин "скотоложество" имеет религиозные корни: он впервые употреблен в 1611 году в Библии короля Якова. Люди, безусловно, тоже животные. В наши дни скотоложество прямо запрещено в большинстве стран, а там, где это не считается преступлением, люди, занимающиеся сексом с животными, до сих пор иногда преследуются по закону о жестоком обращении с животными. К сожалению, встречаются недоумки, которые творят с животными жуткие вещи. Но бывает, что секс человека с животным не влечет очевидного вреда для животного и даже может приносить взаимное удовольствие. Судите сами, что хуже: то, что ради прибыли у скакуна-чемпиона принудительно собирают сперму, прибегая к "электроэякуляции" (это когда в задний проход животного вводят электрический стержень и бьют по простате током), или то, что зоофил ласкает половые органы любимой лошади, чтобы доставить животному удовольствие? То, что первый случай совершенно законен, а второй считается преступлением, показывает, что законы о скотоложестве направлены на регулирование девиантных желаний людей, а не на защиту животных. Когда, рассматривая закон о половом поведении, мы видим, что вопрос о вреде имеет второстепенное значение, то нам следует переосмыслить и справедливость такого закона, и практику его применения. Проблема в том, что животное не способно словесно выразить свое согласие на секс. Однако, заметьте, многие зоофилы предпочитают в этом случае занимать пассивную позицию. И все равно эти действия считаются незаконными, даже в случаях, когда животное намеренно совершает движения тазом (представьте собаку, которая имитирует спаривание с вашей ногой), что вроде бы свидетельствует о том, что желания животного и зоофила совпадают. Забавно, что столь же непростая проблема получения устного согласия животного перед тем, как его убьют ради

гастрономического удовольствия человека, не вызывает бурного возмущения. Мне не нравится ни один из описанных сценариев, но, будь я жвачным животным, пусть лучше в меня войдет член толщиной с соломинку, чем меня зарежут полуметровым ножом.

Большая доля современных законов о преступлениях в половой сфере исходит из того, что лучше перестраховаться. Это вполне разумно. Нам важно защитить самых слабых членов общества – детей, животных, престарелых, инвалидов, – поэтому лучше проявить крайнюю осторожность, даже если мы будем заблуждаться относительно причиненного им вреда. В конце концов, что такое жизнь некоего воспитанного и мягкого сексуального девианта, когда речь идет о тех, кто для нас важен? Мы готовы рискнуть и уравнивать этого олуха с гораздо более отвратительными персонажами. Однако когда вы принимаете тот факт, что все мы в той или иной мере являемся сексуальными девиантами, жизнь этого никому не нужного извращенца перестает быть разменной монетой. Этим олухом можете оказаться вы сами или, например, даже тот ребенок, которого вы пытаетесь защитить. Учитывая серьезные последствия познания нашей “истинной природы”, неудивительно, что вы подумали: “Говори за себя!” (я перефразирую), когда в начале главы я назвал вас извращенцами.

Проще считать, что все сексуальные девианты аморальны, включая даже некоторых, совершивших преступления, чем рассматривать отдельно каждый случай, чтобы определить причиненный вред. Альфред Кинси однажды заметил: “Уголовное право почти не знает поведения, которое запрещено на том основании, что оно противостоит природе... Это уникальный аспект наших законов, касающихся полового поведения”. Когда Библия и право перестают диктовать нам, что думать о сексе (вы, должно быть, уже поняли, что я не отношусь ни к Библии, ни к праву как к источнику морального авторитета), оценка вреда может потребовать серьезных умственных усилий. Более того, вам может казаться даже, что вы и так неплохо отличаете хорошее от дурного в сексе. Но даже подсказки, которые дает интуиция, оказываются далеко не столь логичными, как нам хочется думать.

В 2001 году психолог Джонатан Хайдт ввел в оборот термин “моральное ошеломление”: это то, что мы испытываем, когда не умеем внятно назвать причины, в силу которых считаем определенные действия аморальными. Эмоционально нагруженные тавтологии (например, “это неправильно, поскольку это отвратительно”, “ты не должен этого делать, поскольку это странно”, “это аморально, поскольку порочно” и, конечно, “это неправильно, поскольку так сказал Бог”), – лишь отзвук общественного неодобрения некоторых преступлений, которые вообще не должны считаться преступлениями, если мы отдадим приоритет вопросу о вреде. Рассмотрим следующий сценарий:

Мужчина состоит в клубе некрофилов, участники которого нашли способ удовлетворить свое желание заниматься сексом с покойниками. Каждый участник клуба завещает свое тело клубу, чтобы другие могли заняться сексом с его (ее) трупом. Мужчина занимается сексом с телом женщины, пожертвовавшей свое тело клубу.

Когда у участников исследования спросили, является ли поступок мужчины неправильным (и в случае утвердительного ответа попросили подробно пояснить свою точку зрения), большинство презюмировало *причинение вреда*. Участники исследования настаивали, что кто-либо от этого поступка так или иначе пострадал, хотя им сообщили: у покойницы нет родственников; клуб не заинтересован в расширении, а также не стремится навредить живым; ни один из участников клуба не испытывает душевных мук из-за своего влечения; деятельность клуба носит частный и добровольный характер; мужчина во время полового акта пользовался средствами предохранения во избежание инфекций; как и желала покойная, после секса ее тело было кремировано.

Консерваторам может даже показаться, что ущерб причинен символическим образованиям, например “Америке”, “церкви”, “обществу”, “святости уз брака”. Однако считать, будто определенное поведение “причиняет вред Америке” или “разрушает общество”, сродни наделению юридических лиц

свойствами физических лиц. То есть это имеет смысл только для тех, кто может испытывать умысел. Научное определение “человека” (*person*) как углеродной формы жизни не имеет ничего общего с правовой дефиницией, которая позволила бы корпорации, нацеленной на извлечение прибыли, претендовать на тот же правовой статус. Точно так же боль и дистресс может ощущать лишь живой организм (человек или животное), обладающий нервной системой. Абстракция этого не умеет. Вред в половой сфере может быть причинен лишь живым существам, но не политическим партиям, государствам или мировоззрениям.

Приведенный выше пример ответственного некрофила – один из тех, применительно к которым ученые обнаружили презумпцию вреда в рассуждениях участников исследований о девиантном сексуальном поведении. Им предлагались ситуации, где исключены *все возможные формы* причинения вреда, однако люди, пытаясь оправдать собственное ощущение аномальности секса с животными, подростками, членами своей семьи, возвращаются к презумпции причинения вреда.

Элайджа и Майло Питерс из Праги, братья-близнецы двадцати с небольшим лет, вместе снимаются в гей-порнографии, где показывается анальный секс между ними. Близнецы Питерс не только занимаются сексом друг с другом с пятнадцати лет, но и являются романтическими партнерами. При этом Элайджа и Майло утверждают, что вне порностудии их отношения моногамны. “Мой брат – это мой бойфренд, а я – его бойфренд, – рассказывает один из близнецов. – Он – источник силы, моя единственная любовь”. В этой ситуации риск продолжения рода исключен (и потому отсутствует возможность причинить генетический вред потомству). Кроме того, близнецы Питерс добровольно и охотно занимаются сексом друг с другом и, что удивительно, не испытывают в связи с этим стыда. Они счастливы, и инцест в их случае не является настолько очевидно “неправильным”.

Нам трудно говорить о девиантном сексуальном поведении отчасти из-за отвращения. Это чувство ослабляет наши социальные навыки и заглушает человечность. Более того, отвращение – двигатель ненависти. Хорошая новость в том, что если вы понимаете, как это работает, вы можете заглушить этот двигатель. Ведь когда вы не в настроении или не испытываете симпатии к человеку, о чьей сексуальной жизни рассуждаете, секс может казаться отвратительным. А девиантный секс отвращает сильнее обычного. Но отвращение не оправдывает притеснения самих девиантов.

Глава

2

Эти гадкие, гадкие обезьяны

Его прыгающие бедра казались ей смешными, убыстряющиеся толчки – просто фарсом. Подскоки ягодиц, сокращение бедного маленького влажного пениса – и это любовь!^[13]

Д. Г. Лоуренс, “Любовник леди Чаттерли” (1928)

У меня остались лишь смутные воспоминания о первом опыте с другим мужчиной (в тот раз – *Homo sapiens*), но что я помню точно, так это то, что его гораздо сильнее интересовали пальцы моих ног, чем другие части тела. На вкус и цвет товарищей нет, скажете, наверное, вы. Спасибо вам за доброту и понимание, конечно. Но если бы вам выпало несчастье увидеть мои ноги, которые напоминают цветом и формой (боюсь, иногда и запахом) облезлое брюхо дохлого опоссума, вы бы поняли, насколько неординарным было поведение этого мужчины. Для меня было загадкой, как человека при свете дня могло возбуждать нечто, на мой взгляд, отвратительное.

По сей день, принимая душ, я стараюсь не смотреть на свои ноги, и мне до сих пор трудно понять того человека. Но теперь я лучше понимаю его психологию. Во-первых, ясно, что он подофил. (Не *педофил!* Я был тогда молод, но не настолько.) Подофилия, или фут-фетишизм, – одно из наиболее частых проявлений *сексуального парциализма*, то есть полового влечения к нерепродуктивным частям тела. Ступни, пупки, зубы, носы, глазные яблоки, ушные раковины, мизинцы ног, икры, соски – на все найдется свой парциалист, для которого страсть по отношению к этой части тела затмевает (а иногда и исключает) интерес к половым органам. Мой первый неловкий опыт общения с подофилом подвел меня к тому, чтобы побольше узнать о фут-фетишизме.

Первым в душу подофила заглянул Хэвлок Эллис^[14]. На сей раз зоркий взгляд Эллиса обратился на гетеросексуалов среди фут-фетишистов. “Для небольшой, но все же значительной группы людей, – писал он в 1927 году, – ступня или обувь становятся самой привлекательной частью женщины, а в некоторых патологических случаях сама женщина рассматривается как относительно неважное приложение”^[15]. Я по себе знаю, что испытывает эта женщина. С тех пор, как Эллис заинтересовался этой темой, описания случаев фут-фетишизма находили свою аудиторию. Среди объектов изучения попадались гомосексуальные, гетеросексуальные, даже бисексуальные подофилы. Но, насколько мне известно, за всю историю подофилии была предпринята лишь одна попытка объяснить футфетишизм с точки зрения теории эволюции.

Психолог Джеймс Джаннини в 1998 году обнаружил социосексуальную закономерность, которая многое объясняет в подофилии. В истории эротизация женской стопы предсказуемо повышалась, когда начиналась эпидемия венерических заболеваний, а когда эпидемия проходила – столь же предсказуемо снижалась. Любовь к женским стопам расцветала в XIII веке во время эпидемии гонореи, в XVI и XIX веках во время эпидемий сифилиса и в конце XX века – из-за СПИДа. (Мало того, что в Испании свирепствовала инквизиция, но как раз во времена судов над еретиками значительная доля населения страны еще и болела сифилисом. Учитывая происходящее, может показаться странным, что испанские художники обратились к изображениям женских ног, однако произошло именно это. Писком моды тогда стали туфельки с вырезом на носке.) Даже если вы гетеросексуал и любите дамские нижние конечности, вам все же не удастся оплодотворить стопы женщины. Идея Джаннини заключается в том, что если возбуждение направлено главным образом, но не исключительно, на нерепродуктивные части тела, то менее частые контакты с распространяющими инфекции гениталиями обозначали снижение риска бесплодия и даже смерти. Джаннини полагает, что если в далеком прошлом вспышки болезней случались достаточно часто, то люди, способные стать сексуальными парциалистами на время эпидемии, приобретали эволюционное преимущество перед теми, кто концентрировал все свое внимание на более опасных частях тела.

И все же остается загадкой, как тот подофил мог брать в рот мои кошмарные копыта. Я, конечно, стараюсь держать их в чистоте, но ноги есть ноги, и никто точно не знает, как там, например, обстоит дело с грибок. Поразительно, насколько смело во время секса мы готовы брать в рот любую часть тела, не принадлежащую нам самим. Пенисы далеко не всегда пахнут розами, а влагалище является благодатной средой для размножения бактерий. Там может обитать более четырехсот видов микроорганизмов, и у здоровых женщин во влагалище выделяются многочисленные кислоты, которые борются с грибковыми инфекциями и патогенами и придают им специфический запах^[16]. И это еще не все! Представители обоих полов выделяют специфические, невидимые глазу секреты, о которых лучше не знать, из желез, расположенных вокруг ануса, на лице, в паху, на коже головы и в пупке. Кроме того, есть пот, слезы, моча, зубной налет, кожное сало, ушной воск, смегма и самый грозный враг полового возбуждения – фекалии. Список ингредиентов дополняется в зависимости от пола партнера. Если попробовать на вкус мужчину, например, вы можете внезапно ощутить вкус презякулята или спермы. Женщины в достатке производят влагалищные выделения, грудное молоко и менструальную кровь. Принимая во внимание, что мы суть ходячие фабрики по производству всякой мерзости, удивительно, что мы не только уцелели как вид, но и так усердно спаривались, что теперь нам не хватает природных ресурсов.

Секрет “успеха” заключается в эволюции мозга: мы научились смиряться с отвратительными телами других. Это достаточно развитая операционная система. Страсть и отвращение являются разнонаправленными силами, первая из которых толкает нас к оргазму, а вторая – отталкивает от него. У этой динамической связи древние корни. Секвенирование ДНК показывает, что последний общий предок людей, мышей и крыс (неожиданный взгляд на книгу Стейнбека “О мышах и людях”) топтал землю около 87 миллионов лет назад. Тем не менее, чувство отвращения присуще современным крысам в той же степени, что и людям. Если позволить здоровому половозрелому самцу крысы бесконтрольно спариваться с самкой

в период течки, а после сделать ему инъекцию вызывающего тошноту вещества (например хлорида лития), он совершенно потеряет интерес к сексу. Ничто иное не вызовет того же эффекта, даже удары током и другие жестокие наказания. Только чувство отвращения! Причем оно влияет лишь на его желание спариваться. Хлорид лития не влияет на социальное поведение крысы. Иначе говоря, самец будет столь же дружелюбен со своими приятелями, но никаких ужасных виляний бедрами он совершать не будет достаточно долго, потому что в прошлый раз он отвратительно себя почувствовал.

Раз уж мы заговорили о нашем животном наследии, одно из самых интересных описаний взаимодействия между сексом и отвращением у людей относится к "теории управления страхом". Она гласит, что любая реакция отвращения, касающаяся секса, происходит от страха смерти. Ведь секс настолько физиологичен, что, безусловно, напоминает нам о том, что мы животные. И, как и у всех животных, у нас билет в один конец – к могильным червям, и это очень пугает. Сторонники теории управления страхом утверждают, что если мы станем слишком долго размышлять о развитии событий в подобном ключе, страх парализует нас настолько, что мы едва ли будем в состоянии действовать адаптивно. Ученые, придерживающиеся этой точки зрения, считают, что испокон веков люди изобретали культурно обусловленные версии бессмертия, что помогало справиться с этим экзистенциальным страхом. (Не забывайте, что это якобы происходит подсознательно.) И, похоже, мысли о сексе и собственной смертности доставляют нам некоторые неудобства.

В одном исследовании, например, после того, как люди некоторое время размышляли о смерти, они предпочитали более абстрактные и мягкие определения секса ("заниматься любовью" вместо "совокупляться"). Говорят, любовь и романтика "символически бессмертны", и этот подход помогает снизить тревожность. Якобы поэтому нам нравятся рекламные слоганы вроде "Бриллиант – это навсегда", а строки Эмили Дикинсон "Любимые не могут умереть. // Любовь в себя вмещает Вечность" эхом отзываются в сердцах. (Сравните эти сантименты с шекспировскими огненными метафорами из "Отелло", например о "двухспинном звере", или с описанием любовной пары – "резвей козлов, блудливей обезьян"^[17].) Согласно этой теории, язык Шекспира вызовет у вас особое отвращение, если вы увидите эти цитаты сразу после того, как вам сказали о неоперабельной опухоли мозга и нескольких оставшихся месяцах жизни. Как и у другой известной теории, трактующей о подсознательных тревогах, у теории управления страхом есть свои пределы. Мне кажется, в ней что-то есть. По крайней мере, она бы могла объяснить, почему [республиканец] Рик Санторум считает, что от однополорого брака один шаг до брака с представителями других биологических видов. Вот бедолага! Наверное, его всякий раз повергает в ужас собственная эякуляция, напоминающая ему, что и он – тоже животное.

Чтобы понять, как все устроено, не обязательно прибегать к сложной психодинамике. Хотя мы давным-давно избавились от мышинных хвостов и усов, нам, животным эпохи постмодерна, лучше *не слишком* задумываться о секретах и запахах. Даже самые крепкие отношения могут пострадать, если вам придется объяснять партнеру, почему во время орального секса у вас такое лицо, будто вы глотнули укуса. К счастью, большинству удастся преодолеть сенсорные барьеры благодаря способности мозга "дезинфицировать" неприятные ситуации. А те, кто излишне брезглив, с эволюционной точки зрения оказываются в проигрышной ситуации и могут кончить свои дни в чистоте и опрятности генетического тупика. Зигмунд Фрейд писал, что сила сексуального влечения охотно проявляется в преодолении отвращения^[18]. Действительно, впоследствии выяснилось, что наше желание (а иногда и рвение) ощутить на языке или даже проглотить продукты чужой жизнедеятельности связано исключительно с перепадами полового возбуждения. Когда мы возбуждены, то с радостью направляемся к "шведскому столу" всевозможной органики. Я серьезно! Есть научные данные.

В ходе исследования, проведенного в Дании, большинство студентов-гетеросексуалов указало в анкете, что, находясь в возбуждении, они готовы попробовать грудное молоко. Сделать это в спокойном состоянии нашлось гораздо меньше желающих. А большинство студенток сообщило, что они могли бы проглотить сперму, пылая от страсти, но когда они не в настроении, многим хватило бы и одной мысли,

чтобы покрыться мурашками от отвращения. Перспектива попробовать на вкус чей-либо пот, слезы или слюну, напротив, не вызвала неприятия ни у мужчин, ни у женщин. А вот к чему оказался не готов почти никто (ни мужчины, ни женщины), вне зависимости от уровня возбуждения, – так это к тому, чтобы попробовать менструальную кровь. Большинство студенток указало, что они согласились бы, будучи возбуждены, попробовать на вкус смегму мужчины, но подобную мысль допустило лишь 3 % студентов.

Эти результаты легко объяснить с точки зрения эволюции. Когда система работает без сбоев, возбуждение помогает отключить адаптивное чувство отвращения на время, достаточное для размножения. (Так обстоит дело с гетеросексуалами. Гомосексуалам это просто позволяет заниматься сексом.) Однако анкетирование – не лучший способ узнать что-либо о поведении, направляемом сильными эмоциями. Даже если гетеросексуал, опьяненный страстью, и готов попробовать на вкус смегму другого мужчины, сам он может этого и не знать – или не упомянуть об этом в анкете. Более сообразительные исследователи сначала создают условия, чтобы участники эксперимента пришли в возбуждение, а после пытаются узнать, как это состояние влияет на их поведение. В рамках одного исследования гетеросексуальным мужчинам вначале показывали порнографию, и лишь после этого начинался тест. Ученые во главе с Ричардом Стивенсоном желали знать, снижает ли половое возбуждение чувство отвращения исключительно в сфере секса – или вообще гасит отвращение как таковое. Их эксперимент можно представить как сравнение гипотезы “местного наркоза” отвращения с гипотезой “общего наркоза”. Для этого ученые подвергли уже сильно возбужденных мужчин всевозможным стимулам и сравнили то, как они оценивали отвратительность мерзких сексуальных стимулов, со стимулами, которые были мерзкими в общем.

На осязание, например, воздействовали так: участникам эксперимента предлагали сунуть руку в ведро с презервативами, смоченными лубрикантом (для сексуального отвращения), или в кастрюлю с холодным гороховым супом с ветчиной (для общего отвращения). Или предлагали участникам прослушать записи звуков, сопровождающих оральный секс или рвоту. (Бывает, что первое и второе случается одновременно, но не будем усложнять.) Для органов обоняния предназначался запах тухлой рыбы (сексуальное отвращение) или фекалий (общее отвращение). Для глаз предлагалось изображение шрама на теле женщины или гниющая помойка. К счастью для участников, ученые решили не испытывать их органы вкуса. Как сказал бы мой отец, это было бы “немного слишком”.

Результаты подтвердили справедливость теории “местного наркоза”. Половое возбуждение, по крайней мере у мужчин, делало их нечувствительными только к сексуальным неприятностям, но не ко всему отвратительному. Даже когда мы заняты не самыми чистыми делами у себя в постели, мы все так же чувствительны к тошнотворным неплотским стимулам. Когда вы на грани оргазма, вам не мешает, что парень или девушка из клуба, с которыми вы накануне познакомились, со вчерашнего дня не принимали душ и от них странновато пахнет. Но если вы переместитесь в спальню, срывая друг с друга одежду, и вдруг учуете трупный запах из-под кровати, это наверняка положит конец вашим чувственным наслаждениям, и вы будете рады убраться оттуда подобру-поздорову.

Кстати, в исследовании Стивенсона в категории “обоняние” сравнивались запахи тухлой рыбы и фекалий, и это была единственная пара, которую возбужденные респонденты мужского пола нашли одинаково приятной (или одинаково неприятной, в зависимости от того, как вы на это посмотрите). Это не так уж удивительно, если учесть, что половое возбуждение снижает отвращение ко всем телесным выделениям, не отдавая предпочтения тому или другому их источнику. Не считая некрофилов, запах разлагающегося трупа скорее окажет отталкивающий эффект. Но даже живые тела источают множество запахов, которые не особенно нравятся большинству из нас. И я говорю не только о “рыбном” запахе, который может оказаться барьером к оргазму для мужчин-гетеросексуалов. Насколько мне известно, у женщин тоже есть анус, и напоминающий об этом запах может быть психологическим препятствием к сексу для мужчин и для женщин, для геев, лесбиянок и гетеросексуалов.

Из-за того, что у мужчин-гомосексуалов есть некоторые “анатомические ограничения” и единственный возможный для них вариант полового сношения – анальный секс, геи часто становятся

мишенью дешевой риторики, целью которой является вызвать отвращение с налетом морализаторства. “Это скверно, потому что это мерзко”, – вот самый очевидный пример “морального ошеломления”. И тем не менее, если изображать геев как падших существ с целым букетом инфекционных заболеваний, которые целыми днями заняты фекалиями, это оказывается поразительно эффективной стратегией, из-за которой гетеросексуалы не воспринимают геев как равных. Например, когда речь о геях заходит на сайтах, новостных порталах и онлайн-форумах, аудиторией которых являются консерваторы (они и правда очень любят нас обсуждать), то один за другим появляются антифекальные комментарии, главной мыслью которых является “я против экскрементов, а поэтому и против геев”. На сайте *Free Republic* некий посетитель оставил следующий комментарий к статье о гей-параде: “Человек самоопределяется через похоть по отношению к вонючим анусам других мужиков... Это омерзительное поведение, из-за которого распространяются ужасные болезни, а они раздуваются от гордости”. Другой прибавил: “Не надо было давать гомосексуалам особые права вроде гражданского партнерства, не говоря уже о браке и законе ‘Не спрашивай, не говори’ (*Don’t Ask Don’t Tell*), с которого все началось. Среди нас есть невежи и идиоты, которые хотят задобрить их, говоря: ‘Я знаю одну пару, и они очень приятные’... Вот идиоты... С каких это пор Конституция предоставляет особые права за заразный фекальный секс?”

Когда романтические отношения между геями преподносятся в таком контексте, реакция отвращения позволяет без труда представить их аморальными. Сопротивление “засилью геев” стало главной стратегией в патриотической борьбе против, как бы помягче сказать, “зла”. Да-да, серьезно! Все, что имеет даже отдаленное отношение к геям – будь то телеведущий Андерсон Купер, хихикающий во время выпуска новостей, Барни Фрэнк, наклонившийся, чтобы завязать шнурки, или возмутительный поворот сюжета в сериале “Американская семейка” (*Modern Family*), – решительно все вызывает злословие о геях и их задних проходах.

Вызвать чувство отвращения у человека можно и для того, чтобы повлиять на его политические взгляды. Это старый трюк. Вот что в 1938 году писал автор иллюстрированной книги для юных немцев: “Вы только взгляните! Эти вшивые бороды! Эти грязные оттопыренные уши, засаленная одежда... От евреев исходит неприятный сладковатый душок. Если у тебя хороший нюх, ты сразу распознаешь еврея”. (Издателя этой книги позднее казнили как военного преступника: он сыграл ключевую роль в пропаганде антисемитизма.) Если человек не сознает, что им манипулируют, этот прием срабатывает безотказно. Психологи Йозель Инбар, Дэвид Писарро и Пол Блум показали, как чувство отвращения заставляет людей, обычно вполне толерантных, принимать исключительно ханжескую точку зрения. Участниками исследования были студенты обоих полов из Корнелльского университета. Случайным образом их разделили на две группы (“вонючая” и “невонючая”). Каждого из участников попросили в одиночестве заполнить анкету об отношении к широкому спектру социальных и политических проблем. Для “вонючей” группы в комнате незаметно распыляли “ароматизатор” из магазина розыгрышей. (Как я понял из разговора с одним из авторов исследования, запах напоминал давно не мытый общественный туалет.) Студенты из “невонючей” группы заполняли анкеты в той же комнате, однако их обоняние испытанию не подвергалось.

Результаты оказались удивительными. Вне зависимости от пола и политических пристрастий (от “крайне либеральных” до “крайне консервативных”), участники эксперимента из “вонючей” группы выразили гораздо более негативное мнение о геях, чем те, кто был в “невонючей” комнате. И дело не в том, что дурной запах портил настроение. Их мнение о других меньшинствах (например, чернокожих или пожилых людях) не отличалось от мнения участников из “невонючей” группы. Но отвратительный запах так повлиял на сообразительных и вежливых студентов одного из лучших университетов Америки, что находясь в комнате с дурным запахом, они проявляли худшее отношение к геям. (Отношение к лесбиянкам тоже изменилось к худшему, но не настолько сильно.)

Нет нужды обсуждать очевидное: анальным сексом занимаются не только геи; не все геи занимаются анальным сексом; гетеросексуалы могут заразиться СПИДом при вагинальном сексе; да, это не выдумка – презервативы действительно существуют. Во избежание недоразумений замечу: средний мужчина-гей

испытывает ничуть не меньшее отвращение к сексуальному опыту, предполагающему контакт с фекалиями, чем большинство обычных людей. Я с осторожностью употребляю слово "большинство", поскольку на свете все же есть истинные копрофилы, испытывающие сильное половое влечение к фекалиям. Мне, например, это чуждо, и наверняка после подобных упражнений требуется гораздо более тщательная уборка, чем после обычного секса. Но если люди предпринимают меры предосторожности, то, на мой взгляд, копрофилия достаточно безобидна. Кстати, забавный факт: документально подтвержденные случаи копрофилии – исключительно гетеросексуальные мужчины.

Фекалии редко воспринимаются как афродизиак, но не стоит забывать, что некоторых не отталкивают, а даже возбуждают естественные запахи человеческого тела. Наполеон терпеть не мог слащавый запах духов и после завершения военной кампании послал Жозефине ставшую знаменитой записку: "Я еду; не мойся" (*Ne te lave pas, j'arrive*). Существование человеческих феромонов (гормонов для привлечения внимания противоположного пола) еще под вопросом, но какой бы ни была их роль в нашей сексуальности, она уже не так велика, как когда-то. Хомяки-самцы, например, пытаются совокупиться с любым предметом, помеченным вагинальными выделениями самки при течке. Большинство мужчин, которым предлагали вдохнуть запах женских вагинальных выделений (участников исследования не предупредили, что это за запах), нашли его отталкивающим. Психолог Рой Левин пишет, что большинство гетеросексуальных мужчин терпит его, но лишь терпит. Левин также напоминает о множестве других мужчин (и лесбиянок), для которых этот запах становится фетишем. Левин пишет, что нашел в интернете (когда проводил важное исследование, даже не сомневайтесь!) продукт "Девичий аромат" (*Girl Scent*):

Это новый разработанный учеными эротический парфюм, запах которого напоминает о вагине девушки... Для его создания проводились исследования половых феромонов... полученных из вагинальных выделений десятков здоровых девушек. Многие мужчины рискуют заразиться, покупая в интернете ношенные трусики. "Девичий аромат" – это целый флакон и никакого риска инфекций!

"Я не смог найти подобный продукт для женщин с запахом мужских гениталий", – замечает Левин.

Вполне возможно. У нас пока нет данных о женщинах, с удовольствием нюхающих сперму или пах у мужчин. Однако есть данные о реакции женщин на запах подмышек своих партнеров-мужчин. Так вот, некоторые женщины утверждают, что этот запах приносит им большое удовольствие, особенно если у мужчины и женщины не совпадают аллели генов главного комплекса гистосовместимости (ГКГС). Эти гены кодируют белки, участвующие в распознавании родства. Когда аллели ГКГС не совпадают, женщины воспринимают мужские запахи как более приятные. Эволюционные биологи считают, что эта адаптация (понятное дело, подсознательная) уберегает женщину от инцеста. Любое перекомбинирование генов позволяет защитить потомство от болезней и рецессивных мутаций. Если вы – гетеросексуальная женщина фертильного возраста и достаточно смелы, чтобы проверить эту теорию на практике, попросите своего папу, а также нынешнего партнера-мужчину (мужа, жениха, бойфренда – или того симпатичного, но не особенно сообразительного баристу, который в последнее время угощает вас бесплатным эспрессо) не мыться неделю и носить одну и ту же футболку. Когда двое ваших мужчин стянут эти предметы нижнего белья со своих литых торсов, пометьте их, а потом перемешайте, чтобы вы не могли их различить. Потом плотно приложите подмышку каждой из несвежих футболок к губному желобку (между перегородкой носа и губой) и сравните, какая из них будет вызывать у вас амурные чувства. Если ни одна из грязных футболок не произведет ожидаемого эффекта, не волнуйтесь: не забывайте, что при определении результата речь может идти не столько об удовольствии от запаха, сколько о выборе меньшего из двух зол.

Даже тем из нас, у кого к горлу подкатывает тошнота при мысли о телесных выделениях, благодаря способности временно заглушить чувство брезгливости удастся довести до конца половой акт^[19]. Тем не менее, отвращение лишь притупляется, и не бывает так, чтобы абсолютно никакое проявление физиологии партнера не могло вывести нас из эротического транса. У этой системы есть весьма разумные пределы. Допустим, вы оказались наконец в постели с привлекательным коллегой, на которого давно имели

виды. Вы срываете с него одежду, но, добравшись до нижнего белья, обнаруживаете нечто, напоминающее видом и запахом протухший бекон. Это-то точно умерит ваш пыл. Или вот вам домашнее задание. В следующий раз, когда вы, бродя по интернету, очутитесь (неожиданно, как всегда) на любимом порносайте и начнете самозабвенно мастурбировать, попросите “Гугл” найти иллюстрации венерических заболеваний. Если вы женщина и у вас овуляция, имейте в виду: увидев на экране изъеденные язвами пенисы, ваша яйцеклетка может, запаниковав, дать задний ход, пытаясь вернуться по фаллопиевым трубам на базу. А мужчины-гетеросексуалы, немигающими глазами глядящие на разноцветные вульвы, пораженные сифилисом, на остроконечные бородавки, лобковые вши, гонорею, воспаления, герпес и прочие сочащиеся, пульсирующие и лопающиеся проявления либидинального кошмара, могут ожидать детумесценцию пениса со сверхсветовой скоростью. (Кажется, я начинаю понимать, чем привлек того фут-фетишиста. По сравнению с гноящимися гениталиями мои ноги очень даже ничего.)

Что мы узнали во время визита в этот венерический ад? Когда отвращение достигает определенного уровня, мозг включает “стоп-кран”, который отключает желание, сколь бы далеко мы уже ни зашли. Если бы наши предки, видя ясные предупредительные сигналы о венерическом заболевании, продолжили секс как ни в чем не бывало, – это было бы крайне неадаптивным решением с эволюционной точки зрения. После описанного выше опыта, травматичного для наших чувств, половое влечение некоторое время останется в нерабочем состоянии в качестве дополнительного предохранения. Ведь мозг получил информацию, что гениталии некоторых людей опасны, причем в отдельных случаях симптомы этой опасности не так уж заметны.

Сходный эффект можно наблюдать при условной пищевой аверсии. Будь то неудачное сочетание гриппа и картофельного салата или приступ рвоты после отравления (вдруг работник общепита с расстройства подсыпал мышьяку в салат, без которого не обходится ни один пикник?), наш организм с одного раза усваивает урок о том, какой пищи следует избегать. Если после того, как вы съели определенное блюдо, вам станет очень плохо, на следующий день вы вряд ли выберете его же. В нашем случае можно предположить, что однажды ваш организм все же согласится на картофельный салат, но в обозримом будущем желудок будет категорически против.

Точно так же, если при половом возбуждении нами внезапно овладеет чувство крайнего отвращения, может случиться, что мы будем избегать эротической ситуации, в результате которой наше возбуждение было резко притушено. Можно назвать это *сексуальной аверсией*. В прошлом этим механизмом, к сожалению, пользовались психиатры для “излечения” геев и лесбиянок. Используя технику изменения поведения “скрытое обусловливание” (*covert sensitization*), пациентам предлагали представить себе крайне неприятный поворот сюжета вкупе с нежелательным поведением или влечением. Например, если вы, будучи гомосексуалом, оказались бы в 1973 году на попечении психиатра Барри Малецки, вам могли предложить следующую зарисовку, призванную избавить от тяги к половым органам других мужчин^[20].

“Представьте себя на пляже с привлекательным мужчиной”, – так начиналась сцена.

Океан. Соленый воздух. Вы лежите вдвоем, скрытые дюной. Начинаете обнимать и раздевать друг друга. Вы видите, как его пенис напрягся и стал твердым. Он начинает мастурбировать. Но когда вы приближаетесь, вы замечаете странный запах и видите маленьких белых паразитов, похожих на вшей, в волосках вокруг его пениса. Вы прикасаетесь к ним ртом! Это отвратительно, вас тошнит. Некоторые из них перелезли на вас. Они заползают вам в рот. Ваш желудок начинает сокращаться, и вы чувствуете, как кусочки пищи застревают в горле. Ваш рот наполняется рвотой, и она стекает по подбородку. Вы видите червячков, ползающих в рвоте, и от этого вас тошнит еще сильнее.

Этот метод не особенно помогал превратить геев в гетеросексуалов, однако мог спровоцировать отвращение достаточно сильное, чтобы пациент некоторое время сторонился мужчин. (Если бы гетеросексуал прочитал столь же отвратительную историю о влагалище, полагаю, он бы тоже некоторое время его избегал.) Поскольку эффект быстро проходил, а влечение к мужчинам возвращалось, некоторые

лекари рекомендовали пациентам носить с собой бутылочку с дурно пахнущей жидкостью или химикатом. Имея при себе рвотное, пациент мог в нужный момент вызвать приступ тошноты (а лучше рвоты), когда он ловил себя на том, что возбуждается от представителя своего пола. Прямо как те бедные крысы, которым вводили хлорид лития после занятий сексом, чтобы сделать их асексуальными. Только в этом случае геи настолько сильно научились ненавидеть себя за "извращенность", что даже были готовы пичкать себя ядом.

В мире гетеросексуальных желаний также существуют интересные механизмы взаимодействия полового возбуждения и отвращения. Так, есть основания полагать, что у мужчин и женщин гидравлика равновесия между этими полюсами развилась немного по-разному. Различие между полами в этой области легче всего увидеть через призму *теории родительского вклада*. В основе этой, теперь уже классической, теории биолога Роберта Триверса лежит идея, что женщине случайный секс обходится гораздо дороже, нежели мужчине. (Обратите внимание: теория уточняет, что в половой сфере наш мозг работает так, как он работает, из-за условий жизни наших предков десятки тысяч лет назад, когда не было противозачаточных средств.)

Женщины располагают ограниченным числом яйцеклеток и до наступления менопаузы могут произвести ограниченное число детей. Беременность, роды и грудное вскармливание – все это требует от организма огромных затрат. Более того, после девяти долгих месяцев беременности (причем несколько месяцев, чтобы выжить, женщине приходится полагаться на других) наступает период вскармливания, и это надолго выводит женщину из репродуктивного "оборота". Таким образом, для наших прародительниц секс (и сопряженный с ним риск беременности) означал готовность заплатить высокую "цену", которая могла включать гибель из-за осложнений во время вынашивания и родов. В таких условиях естественный отбор поощрял консервативную "инвестиционную стратегию", а это значило, что женщины были относительно разборчивы и настороженно относились к случайному сексу. (Само собой, это тенденция, а не правило. Мы еще познакомимся с персонажами, чья сексуальность сильно отличается от среднестатистической.)

Что до мужчин, то каждое яичко ежедневно производит около 85 миллионов сперматозоидов, а за всю жизнь в среднем набирается более квадриллиона. С такими запасами (прибавим готовность к оплодотворению в любой день месяца) для предков-мужчин растрата семени не представляла вреда. Напротив, с точки зрения эволюции секс обходится мужчинам очень дешево (учитывая, что мужчине не приходится иметь дело с очаровательным, но требовательным пришельцем, который почти на год поселится у него в животе и будет расти в геометрической прогрессии, после чего не без труда покинет организм через уретру). Если же партнерша забеременела после трех минут манипуляций (столько в среднем требуется мужчине для эякуляции при вагинальном сексе), то тем лучше для его генов. Учитывая изобилие половых клеток и неспособность к беременности, лучшая адаптивная стратегия для мужчин, по Триверсу, – неразборчивость в связях.

Учитывая различный объем родительского вклада двух полов, ключевой должна быть способность испытывать отвращение в *должной степени и должных условиях*. Начнем с мужчин. Если самец бывал слишком разборчив и брезглив, он упускал немало возможностей передать свои гены. Приобретение способности к *преодолению отвращения*, особенно когда речь идет о сексе с готовыми к спариванию самками, была для наших предков важной адаптивной задачей.

Глядя на перенаселенную планету, признаем: они с блеском с ней справились. Помните, Фрейд говорил, что либидо преодолевает препятствия? Когда самец сильно возбужден, лишь в крайних случаях может сработать "стоп-кран": локомотив по передаче генов летит на всех парах. При этом в менее возбужденном состоянии тот же мужчина ясно увидел бы, какой риск несет его романтическая миссия.

Что касается инфекций, передаваемых половым путем, то заражение многими вирусами может не иметь видимых симптомов. Конечно, явные признаки нездоровья партнерши помешают эрекции, и это отвращение даже может временно распространиться на других женщин по причине, которую мы обсудили

выше. Но если отвращения не возникало, незащищенный секс (а лишь такой предкам и был доступен) всегда представлял собой риск для здоровья мужчины. С точки зрения эволюции, игра стоит свеч – так считает Ричард Стивенсон (это его студенты совали руки в гороховый суп): “Можно рассматривать потребность [мужчин] в ‘снижении бдительности’ как один из множества компромиссов, на которые должны идти организмы для оптимизации процесса размножения”.

Иными словами, спустя много поколений мужчин, которые недооценивали риск случайного секса, стало больше, чем тех, кто проявлял должную осторожность. Естественный отбор – это лотерея. Больше мужчин, последовавших сексуальному импульсу, уцелело – и распространило свои гены. Шуточки насчет “думания не тем местом” точно отражают образ похотливого самца, но в этом идиотском поведении есть эволюционная логика. Многие из нас (и мужчины, и женщины) – потомки тех самых самцов, чьи страсти взяли верх над способностью думать о последствиях своих поступков.

Этот аспект прекрасно иллюстрирует исследование, проведенное психологами Хартом Блантоном и Мег Джеррард. Они дали задание группе гетеросексуальных молодых людей (студентов крупного университета на Среднем Западе США) оценить вероятность заражения ВИЧ от незащищенного секса с одной из девяти гипотетических женщин. Участникам сообщали лишь два факта: сколько сексуальных партнеров-мужчин было у каждой из них (один, трое или восемь) и насколько последовательно эти женщины прежде пользовались презервативами (“очень хорошо”, “неплохо”, “не очень хорошо”).

Юноши показали себя очень ответственными: они резонно заключили, что риск заразиться ВИЧ от незащищенного секса с гипотетической женщиной растет по мере увеличения числа ее партнеров и случаев отказа от презервативов. В отличие от них, почти все участники исследования, кому вдобавок к скучным цифрам предъявили фотографии привлекательных моделей, увидели небольшой риск от незащищенного секса с ними, даже если девушкам приписывали максимальное число партнеров и нечастое использование презервативов.

Мало того, что опьяненные страстью мужчины склонны принимать неудачные (и очень неудачные) решения, могущие повлиять не только на их здоровье, но и на положение в обществе. Половое влечение затуманивает рассудок, и мужчины на время отказываются от своих стандартов или, по крайней мере, снижают их. (“Стандарты” – это с кем (или с чем) крайне возбужденный мужчина готов заняться сексом, а также те моральные установки, о которых он готов забыть, лишь бы утолить желание.) Повторю, в условиях, когда секс обходился мужчинам дешево, это была наилучшая адаптивная стратегия. Но она подразумевала и риск. Минутное возбуждение может негативно сказаться на способности оценивать риск заболевания. И, как известно всем игрокам, можно потерять все^[21].

Внезапно возникшая страсть иногда заканчивается очень плохо: спланированным убийством, или самоубийством, или попаданием в базу данных лиц, совершивших преступления сексуального характера, или любовным треугольником. Или, например, тем, что ваш бывший вламывается в ваш дом и готовит суп из кролика-питомца вашего ребенка. (Это из фильма 1987 года “Роковое влечение”). В пьесе Жана Жене люди, оказавшись в плену страсти, вели себя иначе, чем обычно. События в борделе мадам Ирмы, однако, – детские шалости по сравнению со сценами пера Жоржа Батая. “История глаза” – роман о двух подростках – сексуальных психопатах. “С некоторых пор Симона пристрастилась разбивать своим задом куриные яйца”, – с удовольствием вспоминает уже взрослый рассказчик подругу детства^[22]. (Публикация книги в 1928 году вызвала упомомерачительный скандал.)

В предпоследней сцене “Истории глаза” развратная парочка склоняет ничего не подозревающего священника к нарушению обета безбрачия. После того, как Симона доводит его в исповедальне до богопротивного состояния, перевозбужденный священник (достойный богобоязненный человек, угодивший в сети юной ведьмы-соблазнительницы) отбрасывает мораль: “В объятиях четырех мощных рук, расставив ноги и изогнувшись всем телом, он [священник] изверг с поросычьим визгом свое семя на облатки в дароносице, которую поддерживала под ним дровичшая его Симона”. В “Балконе” мадам Ирма замечает, что пелена возбуждения, из-за которого лучшие люди города превращались в извращенцев, рассеивается

сразу после того, как оно сделает свое дело. Священник из "Истории глаза" тоже ощущает внезапное просветление. Только оно задело его чуть сильнее: "Член священника обмяк. А сам он, раздавленный стыдом, ползал по полу. Его мошонка была пуста, и содеянное им преступление терзало его". (Сразу после произошедшего его задушили, выдавили глаз, после чего Симона сунула этот глаз себе в... Ну ладно, здесь я останавлиюсь. Книга, кстати, поэтому так и называется.) Происходящее в романе, безусловно, чересчур, но "История глаза" – это классическая история о хорошем человеке, сорвавшемся в пропасть похоти.

В 2006 году социальные психологи Дан Ариэли и Джордж Левенстайн нашли подтверждение этому психологическому эффекту. К счастью, в их эксперименте – очень простом – не было ни нервного священника, ни подростков-психопатов (насколько нам известно), ни дароносицы, а было тридцать пять мужчин-студентов из Калифорнийского университета в Беркли. Примерно половина участников (контрольная группа) дома заполнила анкету об отношении к различным видам секса. Вопросы были вроде тех, что можно услышать в разговоре восьмиклассников в столовой: "Приятно ли заниматься сексом с кем-нибудь очень толстым?", "Можешь ли ты представить, что тебя возбуждает животное?", "Можешь ли ты представить, каково это – заниматься сексом с шестидесятилетней женщиной?", "Тебе нравится девушка, а она предлагает заняться сексом втроем еще с одним мужчиной. согласишься ли ты?", и так далее. Привлекательными эти сексуальные действия покажутся лишь некоторым девиантам. И, увы, среди контрольной группы в эксперименте Ариэли и Левенстайна таких не нашлось.

Но не забывайте, что в контрольную группу определили лишь половину участников эксперимента. Остальные получили домашнее задание. Прежде чем отвечать на вопросы, их попросили заняться мастурбацией под любимое порно и остановиться прежде, чем они достигнут разрядки. Ответы этих молодых людей заметно отличались от ответов контрольной группы. Эти изнывающие от желания молодые люди оказались гораздо более "свободомыслящими", причем не только по отношению к перечисленным выше занятиям, но и к садомазохизму, фетишизму (обувь, пот, сигареты), сексуальному насилию и педофилии. Хэвлок Эллис, вероятно, обрадовался бы, если бы узнал, что они ответили утвердительно, и даже с гордостью, на вопрос об урофилии: "Приятно ли смотреть, как мочится привлекательная женщина?" Как показали результаты исследования, большинству мужчин стоило всего лишь пару раз погрузиться в сладострастные размышления, и они начали преображаться в "настоящих извращенцев".

Когда речь идет об эволюции, половое возбуждение у мужчин – это, конечно, лишь одна половина уравнения. У женщин собственный арсенал адаптаций, связанных с отвращением, цель которого – помочь выбрать лучшего в репродуктивном отношении партнера. Помня о более высоком родительском вкладе женщин, можно предположить, что половое возбуждение должно было бы повысить моральную стойкость наших прародительниц. Мужчина, оплодотворивший некую жалкую женщину (скажем, кого-нибудь из персонажей романа Генри Миллера "Тропик рака", одну из парижских проституток с выбитым зубом или гниющим носом), завтра сможет оплодотворить генетически более подходящую особь. А если нет, то послезавтра (или в тот же самый вечер). Но если женщина забеременела от нежелательного мужчины (возможно, того, о котором мы только что говорили), она не может так же быстро переключиться на следующий, более удачный объект для спаривания. Пройдет достаточно много времени, прежде чем женщина сможет забеременеть снова, – но теперь ей придется заботиться и о младенце. Сравнительная избирательность стала важнейшим условием женского генетического успеха. А сексуальное отвращение во всех его формах – моральной, социальной и физиологической – по отношению к нежелательному партнеру стало ключом к решению женской адаптивной задачи.

Результаты исследования, проведенного Даниэлем Фесслером и Дэвидом Наваррете, подтверждают, что у женщин чувство отвращения к "биологически неоптимальным союзам" (*biologically suboptimal unions*) особенно ярко проявляется в период овуляции. Ученые попросили несколько сотен женщин фертильного возраста (естественно, в различных фазах менструального цикла) заполнить в интернете анкету, в которой предлагалось оценить широкий спектр гипотетических случайных связей. Многие из предложенных ситуаций очень напоминали вопросы из исследования Ариэли и Левенстайна о брезгливости

у возбужденных мужчин. В списке Фесслера и Наваррете упоминались, например, “двадцатилетняя девушка, ищущая сексуальных контактов с восьмидесятилетними мужчинами” и “взрослая женщина, которая занимается сексом с отцом”. Ученые предполагали, что степень отвращения от мысли о “неоптимальных” связях варьирует в зависимости от способности к зачатию в тот момент, а это указывает на психологическую адаптацию, которая помогает женщинам избежать неверных решений, когда риск забеременеть наиболее высок. И действительно, женщины, у которых в момент заполнения анкеты был “высок риск зачатия”, выражали большее отвращение к девиантным отношениям (включая скотоложество, связи между людьми с очень заметной разницей в возрасте и инцест), чем участницы, которые находились в менее фертильных фазах менструального цикла. Более того, реакции женщин в период овуляции не отличалась от реакций менее фертильных участниц эксперимента. (Это неудивительно, если вспомнить о модели “местного наркоза” и отвратительных вещах, не связанных с сексом: личинках в мясе, кошачьем трупике в руках, раздавленном босой ногой червяке, и так далее.) И только когда речь шла о половых девиациях, реакции наиболее фертильных женщин начинали резко выделяться.

Эксперимент Фесслера и Наваррете не предполагал “внутрисубъектный дизайн” (то есть они не проверяли, изменяется ли степень брезгливости у одной и той же женщины в течение менструального цикла). Однако произвольный “межсубъектный дизайн” (сравнение оценок, предложенных женщинами, чье состояние характеризуется разной степенью фертильности) позволяет сказать, что циклический эффект вариативности сексуальной брезгливости у женщин применим и на “внутрисубъектном” уровне менструального цикла. Иными словами, женщина тем менее “открыта” сексуальной девиантности, чем выше вероятность забеременеть – и острее необходимость принять важное решение о спаривании. Оно может быть либо биологически *адаптивным* (секс со здоровым, успешным и близким по возрасту партнером, который поможет ей воспитать ребенка), либо *неадаптивным* (секс с восьмидесятилетним стариком, который, возможно, не доживет до родов), либо просто *бессмысленным* (секс с морской черепахой)^[23]. Но, допустим, потенциальный партнер – все же человек, более или менее приличный, с исправными гениталиями и не старше ее прадедушки. Тогда настрой готовой к зачатию женщины подталкивает ее к плодотворному половому акту, в котором не последнюю роль сыграет устраняющий брезгливость “местный наркоз”.

До сих пор мы обсуждали отвращение в буквальном смысле – как механизм принятия биологически адаптивных решений в пылу момента, позволяющий избежать болезней. Но у отвращения есть и мощные *символические* атрибуты, связанные с сексуальностью. Часто изображаемая в кино тяжелая сцена – женщина, подвергшаяся изнасилованию, стоит в душе и изо всех сил пытается стереть, смыть следы, – научно достоверна. Семьдесят процентов жертв насилия указывают на сильное желание вымыться, и четверть таких женщин иногда до трех месяцев моется с избыточной частотой. Женщины, вообразившие, что к ним пристают, делают так же, чтобы “очиститься”. В рамках одного исследования две группы участниц получили задание представить, что их целовали. При этом первой группе объяснили, что их зажимает в углу и против воли целует неприятный мужчина. А участниц второй группы попросили представить, что перед ними привлекательный мужчина и они отвечают ему взаимностью. Так вот, лишь участницы, оказавшиеся в первой группе, выразили желание вымыться после эксперимента^[24].

Нередко в результате сексуального насилия ощущение “я” оказывается скомканным. Вот как молодая женщина описала эмоциональные последствия перенесенного в детстве насилия:

Бывало, я просто стояла и смотрела в зеркало, и меня тошнило, я не могла понять, что это произошло со мной. И это было настолько отвратительно, что мне казалось, меня вот-вот вырвет. Я стояла перед зеркалом в ванной, смотрела на себя и пыталась понять, что это была я, и это было так омерзительно, что я... как бы отключилась от реальности. Я чувствовала себя самым грязным и омерзительным ребенком на свете. Это было неопишное отвращение. (Курсив мой. – Д. Б.)

Когда символическое отвращение проникает в сознание человека, процесс его психологического очищения затруднен. Человек видит себя как бы запачканным, и с течением временем его взгляд на самого себя становится все мрачнее. Брезгливость, пускаемая в ход, чтобы вызвать ненависть к другим (например, политический прием обращения ненависти на геев путем акцента на анальном сексе), ведет к тому, что люди начинают избегать объект своей антипатии. Это доказано опытным путем – замерами физической дистанции (например в лифте). Вне зависимости от политических взглядов, мы, как правило, стараемся не стоять рядом с теми людьми, чьи воззрения считаем неприемлемыми или чье поведение не одобряем. Однако избегать “отвратительного” человека становится гораздо труднее, если источник отвращения – мы сами. В конце концов, есть лишь три способа убежать от себя: избыточно долгий сон, наркотики, самоубийство. Нет нужды говорить, что ни один из них не является полезным для здоровья.

Когда человек (это может быть и жертва, и преступник, который испытывает стыд и сожаление, потому что не смог воспротивиться своей похоти) ощущает себя оскверненным неким действием, категорически неприемлемым в данном обществе, жгучее чувство отвращения может быстро перейти в злокачественную ненависть к себе. Так, у подвергшихся сексуальному насилию детей во взрослом возрасте чаще, чем у сверстников, развиваются всевозможные психические патологии. Резко повышается уровень самоубийств. Кроме того, известно о связи с хронической депрессией, самоповреждением, наркоманией, расстройствами пищевого поведения, паранойей, враждебностью, психотизмом и так далее.

Чтобы преодолеть кризис, чаще всего используется метод направления негативных эмоций в иное русло. Обычно чувство символического отвращения направляют на того, кто несет ответственность за то, что запятнал “я” человека. Психолог Джордж Бонанно показал, что, наблюдая во время сеанса психотерапии за выражением лица взрослого, который в детстве подвергся сексуальному насилию, можно определить избранную им стратегию преодоления. Те, кто в детстве не рассказывал о том, что подвергся насилию (например, это выяснилось, когда другой взрослый это обнаружил и сообщил в полицию), и чувствует себя виноватым, чаще показывает фальшивую улыбку по сравнению с теми, кто открыто обвинил своих насильников. Когда представители последней группы говорят о тех, кто нанес им травму, их лица выражают брезгливость.

Хотя такие мощные реакции на чувство символического отвращения могут причинить человеку вред, вас, возможно, удивит, что их параметры не имеют отношения к моральной реальности. Когда в организм с пищей или в связи с болезнями попадают патогены, для борьбы с ними нет необходимости в приобщении к культуре. Если человек слопал гамбургер с кишечной палочкой, ему не нужно “учиться” вызывать диарею и рвоту – как не нужно брать уроки, чтобы потерять желание видеть или нюхать половые органы партнера, если те покроются болячками. А вот реакция символического отвращения определяется в первую очередь культурными факторами. То есть мы *научились* брезговать и испытывать моральное отвращение. Проступок, который мог вынудить японца в XVIII веке совершить ритуальное самоубийство из-за чувства невыносимого стыда, покажется пустяком большинству из нас. Учитывая интенсивность переживаний, легко ошибиться, приняв чувство символического отвращения за непоколебимую моральную реальность, якобы существующую за пределами нашего сознания.

Антропологам давно известно, насколько просто озадачить западного человека рассказами об “экзотических” культурных традициях, особенно в половой сфере. Так, у народа самбия (Папуа – Новая Гвинея) существует ритуал поглощения семени. Мальчики в возрасте восьми-девяти лет переселяются в хижину холостяков, где ежедневно занимаются со старшими оральным сексом. Самбия убеждены, что сперма – это снадобье, превращающее мальчиков в воинов, и чем больше спермы проглотят мальчики, тем сильнее они станут. “К десяти-одиннадцати годам, – объясняет антрополог Гилберт Хердт, – мальчики деятельно ищут возможность заполучить сперму старших”. В нашем обществе о подобном не может идти и речи. Это причинило бы невосполнимый вред детям, и они всю жизнь имели бы проблемы в половой сфере. У самбия, напротив, взрослые, “дарующие” свою сперму мальчикам, считаются альтруистами, а те

вырастают уравновешенными мужчинами. Самбия считают, что вред мальчикам причиняет лишение их права на участие в этом ритуале, поскольку это ставит на них клеймо слабаков.

И, раз уж мы говорим о сперме, обратите внимание на дело некоего мужчины из Пенсильвании. Он попал на два года за решетку за то, что шприцем протыкал крышечки йогурта, который его сослуживцы ставили в офисный холодильник, и вводил туда свою сперму. Какая гадость, скажете вы, и я соглашусь. Судья назвал это "самым омерзительным поступком", с которым он сталкивался (а судьей этот человек служил долго). Этот поступок шокирует своей антисоциальностью, вызывает тревогу за здоровье и представляет собой гротескную форму сексуальных посягательств. Но всякое преступление оценивается в культурном контексте. Если бы этот баламут давным-давно жил в египетском оазисе Сива, староста (примерно то же, что у нас судья) вполне мог бы рекомендовать ему подмешать сперму в пищу девушки, к которой тот испытывает романтический интерес. Девушка не посчитала бы поступок гадким, а, напротив, была бы польщена.

Понятие аномальной сексуальности связано в равной мере с отходом от предписаний нашей культуры и нарушением законов репродуктивной биологии. У мужчины, по крайней мере возбужденного, больше шансов переступить обе черты, иногда даже подвергая опасности себя и окружающих. Но само понятие перверсии ("совершения того, что неверно") – целиком продукт морализаторства. Если снять с этого понятия эмоциональный груз, сексуальная девиантность предстанет статистическим фактом, неполным соответствием общественным нормам. Человеческая сексуальность чрезвычайно разнообразна. И если мы признаем отсутствие однородности, исчезнет иллюзия того, что есть объективно положительное и отрицательное в спектре половых отношений нашего биологического вида. Лучшее, что могут предложить психиатры – описывать и лечить девиантность, учитывая культурный контекст.

Как ни удивительно, здоровая доза морального нигилизма служит противовесом от многих социальных проблем, сопряженных с человеческой сексуальностью. Напомню, мы рассматриваем "девиантность" в культурном контексте, и "вред" должен оцениваться с позиции сторон, а не "испытывающих отвращение" наблюдателей. Мораль не существует сама по себе. Это призма, сквозь которую мы смотрим на мир, и она постоянно меняется. Скоро мы убедимся, что нам нет нужды искать экзотические культуры, чтобы проверить свою способность критически мыслить. Эмоциональная атмосфера нашей культуры изменилась настолько, что полагать, будто теперь-то мы имеем полную картину моральной реальности (предки просто были не в курсе из-за своей невежественности и предрассудков), было бы феноменальной глупостью.

Глава

3

Сестрица нимфа, братец сатир

Люди склонны по временам спускаться с привязи тигра своих плотских желаний и мчаться на его спине, пока не рухнут в Долину Погибели.

Мори Огай, Vita Sexualis (1909)

Давным-давно Францией правили короли. Людовик XIII (1610–1643), известный как Людовик Целомудренный, был, как выяснилось, гомосексуалом. Речь здесь не о том, что Людовик ввел моду на мужские парики, которая держалась веками, а о том, что он проводил большую часть времени своего правления в постели с маркизом [де Сен-Маром], которого представил королю благоразумный первый министр [Ришелье]. И, хотя железы самого короля отнюдь не страдали от застоя, половой инстинкт француженки при Людовике XIII подавлялся. Даже невинное выражение "половое влечение" при описании полового возбуждения у женщин можно было услышать лишь во время медицинской консультации. Поставленный женщине в те времена диагноз "либидо" сравним с тем, как в наши дни врач, не решаясь поднять глаза, объявляет семье пострадавшего, что да, действительно, их любимый родственник лишился обеих рук при взрыве на фабрике.

Лазар Ривьер из города Монпелье считался при Людовике XIII видным ученым и врачом. Он был специалистом, можно даже сказать, пионером в лечении такого недуга, как женская похоть. Во Франции

тогда, казалось, бушевала настоящая эпидемия. Только представьте, в одном лишь Монпелье толпы престарелых одиноких вдов без конца гуляли по живописным лугам в поисках пенисов для удовлетворения своих сладострастных желаний, а девушки, по рассказам, совершали со своим телом немислимое при помощи (читатели, крепитесь) собственных рук! Не говоря уже о старых девах не при ухажере и о женщинах, которые все-таки вышли замуж, но оказались при старых мужьях-импотентах. Как и их незамужние современницы, наделенные ненасытными гениталиями, эти дамы также не могли получить удовлетворения от предназначенного природой для этих целей прибора супруга. Ривьер считал всех этих созданий равно опасными (ведь страсти могли довести их до соблазнения женатого мужчины, а такое его величество особенно не одобрял). Ривьер также придерживался мнения, что эти женщины требуют заботы и попечения. Он был убежден, что многие из них страдают от ужасного психического заболевания – “бешенства матки”. Эти женщины были *больны*.

Главной проблемой Ривьер считал пагубные газы, выделяемые скоплением неистраченного женского “семени”. Эти испарения проникают в нервную систему и нарушают способность женщины здраво мыслить. Даже самая благочестивая и сдержанная женщина может помешаться от страсти. “Эти излишки семени... смешиваются и воспаляются от похоти”, – писал Ривьер. Представляю, как он терпеливо объясняет все это крестьянину, не находящему себе места из-за того, что его взрослеющая дочь занимается невесть чем с сыном плотника. Перелистывая страницы увесистого тома “Медицинской практики” (*Praxis medica*) собственного сочинения, врач наконец тычет пальцем – *Ah, oui, j'ai trouvé* [А, вот! Нашел!] – и зачитывает самую важную фразу, которая все разъяснит посетителю: “Из семенных скоплений... испарения”. С течением времени, страдал Ривьер, процесс приводит к “истинному и полному сумасшествию”.

Чем не справочник по бешенству матки для современной женщины? Но, к счастью, у Ривьера были и хорошие новости. Существовали проверенные методы для облегчения страданий женщин, чьи не в меру разгоряченные матки заставляли их на виду у всего света “предлагать мужчинам разделить их ложе, не стесняясь в выражениях настолько, насколько позволяли выразительные средства родного языка”. Среди средств исцеления были такие: диета из пресного мяса (ведь специи могли только подогреть страсть), прикладывание пиявок к половым губам, ванны с латуком, а также воздержание от танцев и чтения любовных романов. И никаких удобных подушек под голову, потому что это излишне чувственные предметы. Для девушек самым эффективным методом было выйти замуж за такого же любвеобильного юношу. Для христиан города Монпелье такой брачный союз был бы наилучшим решением. А тем, кто, скорее всего, проведет всю жизнь без брачного партнера, Ривьер прописал следующее:

Умелая помощница должна массировать половые органы таким образом, чтобы излишнее [семя] покинуло организм. Но поскольку это не вполне позволительно, может быть достаточным, поместив пациентку в ванну, нежно поглаживать ее живот в области матки, не прикасаясь к сокровенным местам, чтобы прохладная вода умерила пыл ее чресл и влага помогла ей расслабиться, чтобы семя само вышло наружу, и ничего более не следует делать руками, кроме как слегка приоткрыть вход в лоно, чтобы вода могла попасть внутрь.

Хотя сейчас подход Ривьера кажется специфическим, рассматривать половое возбуждение у женщин как медицинскую проблему испокон веков было скорее правилом, чем исключением. Даже эпоха Просвещения не изменила эту традицию. Социолог и феминистка Кэрл Гроунмен проследила длинную и удручающе женоненавистническую историю репродуктивной медицины. Гроунмен в основном занималась XIX веком – викторианской эпохой с ее знаменитыми строгостями. В то время женщин рассматривали либо как объект для мужских удовольствий, либо как собственность мужчины, используемую для продолжения рода. (В любом случае патологическая скромность требовала скрывать женское тело под тяжелыми одеяниями.) Так же, как и во времена Ривьера, проявление женщиной полового влечения считалось признаком болезни. Но именно в викторианскую эпоху эта точка зрения получила такое широкое распространение, что врачи ставили женщинам диагноз “нимфомания”. Что именно подразумевалось под

“половым влечением”, каждый был волен трактовать по собственному разумению, но обычно хватало того, что у женщины прощупывался пульс^[25]. Новомодный термин – нимфомания – обозначал то же бешенство матки и как научная концепция имел не большую, чем соображения Ривьера, ценность. Для лечения нимфомании некоторые гинекологи рекомендовали методы, напоминающие ривьеровские.

В 1856 году к двадцатилетнему врачу Горацио Стореру явилась на прием дама младше его на два года, чтобы проконсультироваться насчет своих фривольных снов. У дамы был муж, гораздо старше ее, который из-за слабой эрекции не умел ее удовлетворить. Совет, который дал молодой врач, заставляет задуматься, не был ли у него запрятан в дальнем углу потрепанный экземпляр “Медицинской практики”. Сторер предписал женщине: не есть мяса, не пить бренди, заменить пуховые перины на что-нибудь менее приятное, например на матрас с конским волосом. Уже прогресс: никаких ванн с салатными листьями. Вместо этого врач порекомендовал спринцеваться раствором бора для охлаждения пыла (уж лучше фенола, который прописали бы другие врачи того времени). Но у этой пациентки был тяжелый случай нимфомании. Болезнь оказалась настолько запущена, что бедняжка начала заниматься мастурбацией. (Вы только подумайте!) “Если она будет продолжать потворствовать своей привычке, – пишет Сторер с равнодушием авторитета, – вероятно, придется отправить ее в дом умалишенных”. Впоследствии Сторер стал президентом Американской медицинской ассоциации и одним из первых в США борцов с абортами.

Сторер был тот еще фрукт, но он не единственный имел такие удручающие взгляды на женскую сексуальность. Преследуемые призраком развязных женщин, вышедших на охоту, другие гинекологи предупреждали своих коллег о том, как обнаружить “соблазнительниц”, симулирующих признаки задержки мочи с единственной целью – вынудить ничего не подозревающих врачей-мужчин оцупать их гениталии. Медицинский шовинизм проник и в популярную культуру. Английские журналисты инструктировали читателей, как выделить нимфоманку среди “нормальных” женщин (иными словами, приметить змею в траве). Нимфоманки пользуются духами и любят броские украшения. Даже публичное обсуждения института брака, как считалось, выдает их дурные наклонности.

Дополнительную трудность создавало то, что врачи не могли договориться между собой, что такое нимфомания. Этот диагноз мог обозначать, например, что женщина слишком часто занимается сексом, что ее желания “клинически значимы” или что она часто занимается мастурбацией. К тому же, учитывая, что этот диагноз пользовался в обществе дурной славой, гинекологи не всегда могли рассчитывать на честность пациенток. В некоторых спорных случаях врачи при диагностировании полагались на “физические симптомы” нимфомании. Одним из очевидных признаков считались гипертрофированные половые органы. Народная мудрость того времени гласила, что мать-природа выдает сестер Мессалины, одарив их крупным клитором. (Нет оправдания шовинизму, стоящему за определением таких “симптомов”, но сам по себе этот признак кое-что значит. В наши дни, когда женщине назначают гормонотерапию с применением тестостерона, побочным явлением может стать увеличение размера и чувствительности клитора, а это совпадает с повышением либидо.)

То были тяжелые времена для женщин. В “безнадежных” ситуациях в качестве последнего средства рекомендовалось удаление клитора (клитородектомия). Одним из приверженцев этого варварского метода был английский гинеколог и акушер-хирург Айзек Бейкер-Браун, считавший самоудовлетворение первопричиной всех женских недугов, начиная с эпилепсии и мании и кончая каталепсией. Ирония в том, что после смерти этого мнимого последователя Гиппократов, столь увлеченного идеей “избавления” женщин от приносящих удовольствие частей тела, обнаружилось, что его мозг поражен сифилисом.

В ханжестве можно упрекнуть не только викторианцев. Как видно из обращения Сторера с пациенткой, о нимфомании было известно и по другую сторону океана. Вот слова еще одной американки, описывающей свою борьбу с мастурбацией: “И, несмотря на то, что я молилась, тело мое настолько было

поражено этой болезнью, что я не могла оставить эти занятия, даже обращаясь за помощью к Богу". По нынешним меркам это слишком мелодраматично, но отражает тогдашний образ мышления. Конечно, это был крайне узкий взгляд на женскую сексуальность. В 1894 году встревоженная мать привела свою девятилетнюю дочь, которую застала за мастурбацией, на прием к новоорлеанскому врачу А. Дж. Блоку. Тот усадил девочку в гинекологическое кресло и стал обследовать ее половые органы. Когда он прикасался к половым губам, не следовало никакой реакции. Но "лишь я достиг клитора, – безучастно записал доктор, – ее ноги раздвинулись, она побледнела, дыхание участилось, тело содрогалось от возбуждения, пациентка слегка стонала". Блок решил, что ребенок тяжело болен нимфоманией, и, с разрешения матери, провел экстренную клитородектомию.

Когда мы слышим о "женском обрезании", на ум обычно приходит Африка. Однако лишение женщин способности получать сексуальное удовольствие практиковалось и на Западе. Гинеколог с не вполне подходящей для своей профессии фамилией Стад^[26] считает, что в Великобритании и США было проведено больше операций по удалению клитора, чем нам хотелось бы признать. Одной из первых сфер применения лучевой терапии стало "избавление" девочек-подростков от клиторов, чтобы предотвратить мастурбацию. И это в самых модных городах мира, включая Лондон и Нью-Йорк. В XX веке! К счастью, лучевой терапии вскоре нашли мирное применение (например, облучение раковых пациентов – *несколько* более гуманная практика). Но факт должен заставить нас задуматься: большинство "пациенток" составляли здоровые девочки, родители которых просто не могли вынести, что их дочери занимаются *этим*.

Понятие клинической нимфомании находилось в обороте еще в 1964 году, когда в свет вышла книга "Нимфомания: исследование о сексуально озабоченных женщинах". Весьма заманчиво посчитать чушью книгу с таким сексистским названием – и действительно, по большей части это и есть чушь. Но в 1964 году книгу восприняли всерьез, главным образом потому, что ее автором был известный психотерапевт Альберт Эллис, основатель школы когнитивно-поведенческой терапии.

Эллис (он, кстати, не имеет отношения к Хэвлоку, – просто однофамилец) выделяет несколько типов нимфоманок. Так, для понимания случая двадцатисемилетней карьеристки "Долорес", "завоевательницы", необходимо принять во внимание, что долгие годы она стеснялась своего обезображенного шрамами лица (результат несчастного случая в детстве): "У нее женственное тело, контрастирующее с изуродованным лицом". Судя по всему, "Долорес" взяла в привычку завоевывать мужчин и сразу бросать их, не проявляя интереса к развитию отношений с теми, кто успел в нее влюбиться. Она коллекционировала представителей мужского пола: девственников-контрощиков, женатых коммерсантов, стареющих мужчин. Ее радовало только их число. Любовная прелюдия ее тоже не интересовала: "Она хотела все или ничего". Мне непросто представить, как именно "Долорес" описывала врачу свои таланты вызывать множественные оргазмы у мужчин, о чем он упоминает в книге. В любом случае, Эллис считал, что распутное поведение "Долорес" помогало ей уменьшить неловкость, которую она испытывала из-за шрамов. (Не могу промолчать: пожалуй, к лучшему, что "Долорес" не знала того, что мы знаем сейчас о механизмах мужского возбуждения и отвращения.)

Эллис также пишет о случае "Гейл" или, точнее, случае "Берта" и "Гейл". "В последние годы меня привлекло несколько случаев образования пар (*mating*) гомосексуалов с нимфоманками", – начинает Эллис описание "невротического типа" озабоченных женщин. Речь идет о достаточно частых в 50–60-х годах XX века мезальянсах женщин-нимфоманок и мужчин-геев. Психолог предполагал, что чаще всего в таких парах мужчина-гомосексуал был своего рода тихой гаванью, и неуверенная в себе нимфоманка чувствовала себя в безопасности и могла не бояться, что ее променяют на более привлекательную женщину.

"Гейл" была матерью-одиночкой, и "Берт" помогал ей воспитывать маленького сына. Они идеально дополняли друг друга по характеру и прекрасно подходили друг другу в анатомическом отношении, но, учитывая, что обоим интересовали мужчины, гениталиям их, казалось, не суждено было соединиться.

“Давайте не будем излишне скептическими”, – наверняка перебил бы нас Эллис. Нимфоманка “Гейл”, видите ли, была влюблена в “Берта”, который был заметным мужчиной. Он был и красив, и умен, был прекрасным собеседником и по-отечески заботился о ее ребенке, настоящий отец которого был неизвестно где. “Гейл” с радостью бы оставила в прошлом свои дикие привычки, если бы только ее милый друг-гей смог воспламениться страстью к ней. Неужели ничего нельзя сделать, чтобы “Берт” возжелал ее? “Я объяснил ‘Гейл’, что теоретически это возможно”, – продолжает Эллис.

Поскольку гомосексуалистами становятся не от рождения, они могут измениться и в некоторых случаях меняются настолько кардинально, что могут состоять в гетеросексуальных отношениях. Но я предупредил, что “Берт” вряд ли изменится, так как он не считает, что имеет какие-либо нарушения. Он утверждает, что получает удовольствие от гомосексуальных отношений, и не проявляет ни малейшего желания обратиться за медицинской помощью^[27].

Однако этот психолог не был одним из тех слабаков, кого бы могла остановить такая мелочь, как отсутствие согласия пациента, этого упряма, которого следовало “излечить”. Эллис пересказывает нам беседы с “Гейл”: “Ей нечего терять – если она того хочет, можно попытаться обратить ‘Берта’ в гетеросексуальность... Мы вдвоем разработали план по завоеванию гетеросексуальной девственности ‘Берта’”. Проще говоря, Эллис дал указание клиентке потихоньку залезть в пижамные штаны “Берта”, пока он спит. Поскольку “Берт” и “Гейл” жили вместе и дом был такой маленький, что спали они в одной кровати (не лучшая мысль), у нее имелись все возможности для осуществления этого маневра. Согласно плану, “Берт”, еще не полностью сбросив оковы сна, не стал бы особенно сопротивляться непрошеным нежностям. Если называть вещи своими именами, Эллис предписал посягательство сексуального характера, но не будем вдаваться в юридические подробности.

Эллис сообщает: проснувшись, “Берт” ощутил некоторое “раздражение”, обнаружив свой пенис (который никак не реагировал на происходящее) во рту женщины. После того как “Гейл” дала понять, что не может больше жить с ним без секса, гомосексуал позволил безнадежно гетеросексуальной женщине взять себя штурмом. Спустя несколько месяцев, в одну волшебную ночь, к их общему удивлению, “Берт” в результате настойчивых манипуляций “Гейл” испытал оргазм. Шаг за шагом они дошли до нарочитого полового акта и следующих за ним удовольствий. Вскоре наше трио – “Гейл”, “Берт” и Альберт Эллис, – боясь сглазить, отмечали вновь обретенную “Бертом” гетеросексуальность.

Как оказалось, опасения были оправданы. Вскоре стало очевидно, что “Берт” просто подыгрывал, потому что безумно боялся потерять комфорт домашней жизни, во всех других аспектах его устраивавшей, и дружбу с “Гейл” и ее сыном, к которому он очень привязался. В конце концов, если тайный зоофил в состоянии эякулировать в свою жену, представляя, что она лошадь, то целеустремленный гомосексуал вполне может распознать лик Адониса в складках половых губ (по крайней мере, когда сойдутся его гормональные звезды). Тем не менее, после признания “Берта” Эллис стал терять терпение. У меня перед глазами следующая картина. Доведенный до белого каления психотерапевт ломает карандаш, тяжело вздыхает и подводит итог: “Он делал то, что нужно, но по неверной причине”. С точки зрения Эллиса (а дело было в 1964 году), гетеросексуальность – это единственный возможный способ существования. Записи умалчивают, чем закончилась история гомосексуала и нимфоманки. Но хочется верить, что теперь они оба пенсионеры и счастливы – каждый с собственным мужем.

По сравнению с нимфоманией, “излишняя” мужская страстность, по крайней мере в контексте традиционных отношений, не привлекала столь пристального внимания медиков. Но и мужские гениталии в викторианскую эпоху не остались нетронутыми. Когда будете в следующий раз насыпать в тарелку хлопья “Келлогс”, задумайтесь о том, какой чудесный совет дал юным рукоблудам изобретатель этих самых хлопьев Джон Харви Келлог: “Мальчики! У вас на душе страшный грех? Поддались ли вы хоть единожды этому соблазну искуителя? Остановитесь, подумайте об ужасных последствиях, раскайтесь, исповедайтесь перед

Богом, исправьтесь. Вы в шаге от того, что и души ваши, и плоть будут навек потеряны. Не играйте с соблазнителем. Спасайтесь – сейчас или никогда”. Что касается отчаявшихся родителей мальчиков, занимающихся мастурбацией, Келлог предлагает следующее:

Хирург должен провести [обрезание] без применения обезболивающих средств, и недолгая боль при операции будет иметь целительный для психики эффект, особенно если эта процедура будет воспринята как наказание (которым она и может являться в некоторых случаях). Болевые ощущения в течение нескольких недель после операции вынудят прервать занятия [мастурбацией], и, если привычка еще не глубоко укоренилась, она может быть отброшена навсегда.

Если вы сомневаетесь насчет обрезания, Келлог предлагает другой вариант: натянуть крайнюю плоть на головку пениса и зашить ее, чтобы предотвратить эрекцию. Если и это не сработает, то всегда можно запереть пенис в специальную клетку (доктор запатентовал несколько таких приспособлений). Самых юных нарушителей Келлог и его коллеги-современники предостерегали о тяжелых последствиях мастурбации. Ходили байки о том, что мальчики слепли или сходили с ума, или что у них впоследствии рождались дети-уроды. “Человек убивает себя собственными руками”, – писал Келлог в книге “Простые факты для старых и малых” (1888), пользовавшейся невероятной популярностью. Примерно тогда же Дж. Стэнли Холл, основатель школы подростковой психологии и первый президент Американской психологической ассоциации, назвал мастурбацию “бичом человечества”. В отличие от Келлога, Холл допускал возможность галлюцинаторного удовольствия от поллюций. Он отнюдь не был этому рад, но считал, что мальчики не в состоянии контролировать ночное семяизвержение.

Домыслы о таком безвредном занятии, как мастурбация, уже канули в Лету. В современной Европе, например, в нескольких странах, включая бывший оплот ханжества Великобританию, действуют законы, закрепляющие право на оргазм в качестве одного из прав человека. Подросткам обоих полов рекомендуют регулярно заниматься мастурбацией, чтобы сдерживать распространение заболеваний, передающихся половым путем, и уменьшить количество беременностей среди несовершеннолетних.

За исключением подросткового онанизма (который явно не давал покоя Келлогу и Холлу), в анналах медицинской истории сохранилось удивительно мало описаний мужчин, страдающих от ненасытного желания. В то время как женщины, внешне проявлявшие свою страсть, становились жертвами высокомерных врачей (большинство которых было, конечно, мужчинами), развратников-мужчин не рассматривали как научный курьез, и у них было несравненно больше шансов попасть в уголовную хронику, нежели в медицинский журнал. В отличие от описаний Ривьера о ядовитых газах, нарушающих способность женщин трезво рассуждать, нет витиеватых теорий о перемещении по организму испарений раздосадованных тестикул, одурманивающих престарелых вдовцов. (Впрочем, теперь известно, что половое возбуждение оказывает *значительное* влияние на мыслительный процесс у мужчин.) Вы не найдете средневековых рецептов по излечению возбужденного мужчины путем поглаживания живота и полоскания пениса в теплой воде. Для мужчин похотливость всегда считалась статус-кво – контролируемым пороком, но не болезнью. В отличие от “нимфомании”, в которой видели аномалию, распутников редко считали душевнобольными. Возможно, извращенцами, но не психами.

Есть одно заметное исключение из исторически сложившегося сексистского деления, в соответствии с которым женщины считались больными, а мужчины просто совершали дурные поступки. Это работа Рихарда фон Крафт-Эбинга “Половая психопатия, с обращением особого внимания на извращение полового чувства” (1886). Крафт-Эбинг считал, что некоторые мужчины страдают от *сатириаза*, аналогичного женской нимфомании. В то время как женщине было достаточно заниматься мастурбацией, чтобы ей поставили диагноз “нимфомания”, мужчина, чтобы заслужить диагноз “сатириаз”, должен был проявить недюжинный сексуальный аппетит. Сатиры – это вам не какие-нибудь рядовые плейбои. Сатиры можно поставить в один ряд с Донасьеном Альфонсом Франсуа де Садом. И так же, как маркиза де Сада, отца-основателя и самого знаменитого практика садизма, пациентов Крафт-Эбинга не удерживало уже ничего (любимым развлечением де Сада было содомизировать девочку-подростка, в то время как его самого

нешадно стегал плетью другой мужчина). Крафт-Эбинг считал, что такие пациенты не в состоянии контролировать свое поведение из-за неврологического расстройства, скорее всего передававшегося по наследству, которому присуще непреодолимое половое влечение^[28].

В книге "Половая психопатия" Крафт-Эбинг приводит несколько примеров из своей практики. Одним из его пациентов стал некто Клеменс, преуспевающий инженер 45 лет, с психическими расстройствами в семейном анамнезе. В жаркий душный день 1874 года "Клеменс" возвращался на поезде из длительной командировки домой в Вену, где его с нетерпением ждали жена и ребенок. Внезапно он ощутил, что настолько возбужден от жары, тряски и неумолчного стрекота пассажиров, что "более не в состоянии сдерживать свое возбуждение и кровяное давление внизу живота". Взмыленный "Клеменс" сошел с поезда на ближайшей станции. Ею оказался городок Брюк на австро-германской границе, примерно в 93 милях к юго-западу от Вены. Под палящем солнцем чудовищно возбужденный инженер стал рыскать по городу в поисках бродячего пса (да-да, он искал *собаку*), чтобы в безлюдном переулке облегчить свое страдание. Не сумев совершить задуманное (к счастью для четвероногих обитателей Брюка), "Клеменс" доплелся до соседней деревни Санкт-Руперт. В затуманенном состоянии сознания он повстречал пожилую женщину, и ему пришло в голову, что ей, возможно, хотелось бы увидеть его фаллос. Как выяснилось, он ошибся. Старушка закричала. "Клеменс" запаниковал и попытался обнять ее, после чего был обезврежен соседями. "Клеменса" прижали к земле и держали так до приезда полицейских, арестовавших инженера за покушение на изнасилование. "Он [Клеменс'] сказал, что и прежде часто испытывал такое половое возбуждение, – пишет Крафт-Эбинг. – Он не отрицает свой поступок, но оправдывает его как проявление болезни". Поразительно, что с этим согласился и судья, когда Крафт-Эбинг объяснил ему свою теорию. С "Клеменса" были сняты обвинения.

В "Половой психопатии" также описывается любопытный случай "мистера Икс". Он, рассказывает Крафт-Эбинг, был распутным щеголем, который решился на брак после долгих лет игры на любовном поле. Представьте себе церковь. Состоятельный Икс в великолепном костюме в сопровождении улыбающегося брата проходит между рядами гостей. Идиллия! Пылинки кружатся в солнечных лучах под сводами, подобно стайке ангелов. Родственники и друзья в нетерпении перешептываются, священник покашливает, органист исполняет что-то благостное, жених занимает место у алтаря, где будет ожидать кокетливую невесту в полупрозрачной фате. Но не успевает его будущая жена дойти и до середины церковного прохода, как "мистер Икс" поворачивается к гостям, расстегивает ширинку и выпускает наружу своего демона. История умалчивает, что произошло потом, но вы и сами можете это домыслить. Едва ли та церемония завершилась поцелуем новобрачных.

Крафт-Эбинг собрал десятки историй о помешавшихся на сексе мужчинах. Он считал сатириаз болезнью. Но в отличие от нимфомании, предполагаемого заболевания, которое привлекло почти всеобщее внимание, концепция сатириаза, разработанная Крафт-Эбингом, оставалась неизвестной в медицинских и научных кругах более полувека. В следующий раз тема повышенного либидо у мужчин как психического заболевания была всерьез затронута лишь в 1966 году в книге американского психотерапевта Франклина Клафа "Сатириаз: исследование мужской нимфомании", которая пробудила остывший интерес к вопросу.

Клафа тревожило, что среди его пациентов столько мужчин, казалось, предрасположенных к половым излишествами, причинявшим им вред. Приняв теоретическую эстафету у Крафт-Эбинга, Клаф прибавил несколько интересных штрихов к описанию сатириаза. Например, как и другие психотические вспышки, этот недуг не является постоянным состоянием. Сатириаз, который характеризуется временным выпадением из реальности, обычно провоцирует некое стрессовое событие в жизни мужчины. Клаф также заключил, что "сатиров" особенно часто привлекают несовершеннолетние девочки, в результате чего у них возникают проблемы с законом. Именно поэтому пациенты, описанные в книге Клафа, искали спасения на кушетке в его кабинете.

Во многом Клаф оказался достаточно проницательным. Его предположение, что негативные события могут спровоцировать приступ сатириаза, недавно подтвердилось. Исследования показали, что некоторые

мужчины (их меньшинство) реагируют на депрессию повышением, а не снижением сексуальной активности. Очень долго считалось, что ангедония (или подавленное состояние) идет рука об руку со снижением полового влечения как у мужчин, так и у женщин, но оказалось, что "гиперсексуальные" мужчины склонны реагировать на депрессию совсем иначе.

Но всем свойственно ошибаться, и некоторые утверждения Клафа сегодня выглядят сомнительно. Например, о мужском облысении: "'Сатиры' сильнее других мужчин озабочены образованием залысин на висках и затылке. Большинство людей смиряется с этим явлением, отражающим естественный ход вещей. Но не 'сатиры'. Они ищут чудотворные средства, которые бы избавили их от этого признака старения, и часто становятся жертвами мошенников". (Моя мать согласилась бы с теорией облысения Клафа. Смутно помню, как в годы популярности Арта Гарфанкела папа сделал себе "химию", чтобы слегка распушить остатки растительности на своей буйной голове, и как раз в то время отношения моих родителей испытывали кризис.) Тем не менее нет доказательств, что повышенная тревожность из-за потери волосяного покрова выдает в мужчине склонность переходить эротические грани.

Клаф был далеко не последним ученым, пытавшимся подтвердить существование сатириазы. В 1995 году, например, психолог Уэйн Майерс описал некоего Алекса. К тому времени большинство психологов оставили тщетные попытки перевоспитать гомосексуалов и вместо этого занялись тем, что помогали геям воспринять здоровое сексуальное поведение, соответствующее их ориентации. "Алекс" был одним из таких клиентов. Когда ему было тридцать с небольшим, он начал беспрестанно искать секса на улицах Нью-Йорка. Он носил полароидную фотографию своего фаллоса (дело было задолго до появления айфонов, значительно упростивших задачу), полагая его исключительно крупным (у нас нет причин в этом сомневаться): вероятно, он решил, что это чудо нельзя прятать от людей. "Алекс" заходил в какое-нибудь заведение и демонстрировал фотографию привлекательным незнакомцам, особенно тем, в ком он подозревал обладателей сравнимых достоинств, и ожидал, что они отсалютуют взаимной эрекцией.

"Успешные связи приносили временное облегчение, – пишет Майерс, – а неудачи, когда незнакомцы не соглашались взглянуть на фотографию или не возбуждались от увиденного, вызывали страшные мучения". Далее мы узнаем, что "Алекс" вступал в половую связь минимум один раз в день в течение десяти лет и что он искал партнеров по барам и саунам Манхэттена. Но используя этот достаточно прямолинейный метод соблазнения, "Алекс" не ограничивался заведениями, где собираются геи. А если человек демонстрирует свой пенис случайному прохожему неизвестной ориентации, у него могут возникнуть проблемы. Проще говоря, натуралы не очень-то радовались, когда им совали под нос снимок чужого прибора.

К 1995 году большинство североамериканских и британских психиатров уже перестало при описании необычно активной сексуальной жизни оперировать такими терминами, как "нимфомания" и "сатириаз". Сегодня врачи предпочитают более нейтральную "гиперсексуальность", но изменение терминологии во второй половине XX века лишь маскирует несостоятельность этой концепции. Некоторые современные термины отдают сексизмом не меньше, чем "бешенство матки" (например "комплекс Мессалины" или "донжуанизм"), а другие отличает явно морализаторский или осуждающий тон по отношению к надлежащему уровню и форме сексуальности (распутство, эротомания, уретромания, чрезмерная сексуальность, компульсивный промискуитет). Выделяют и подвиды, такие как "фригидная нимфа", "тип Казановы", "сексуальный компенсатор". (Хотя уподобление Казанове выглядит как комплимент, не стоит забывать, что история имеет свойство обелять своих героев. У современников этот символ доблести имел куда менее блестящую репутацию. Кроме многочисленных опытов в познании женской природы, Казанова занимался сексом с мальчиками; лишил нескольких монахинь их положения в церкви; якобы чуть не женился на женщине, которая оказалась его собственной отлученной дочерью; был ограблен проституткой и столько раз заражался гонореей, что и не сосчитать.)

Чтобы клинически установить факт половых излишеств, у практикующих врачей есть два справочника: "Международная статистическая классификация болезней и проблем, связанных со здоровьем" (*ICD-10*), которую публикует Всемирная организация здравоохранения (МКБ является основным руководством для врачей Европы, Австралии и некоторых регионов Азии), и "Диагностическое и статистическое руководство по психическим расстройствам" (*DSM-5*) Американской ассоциации психиатров (ДСР – это настольная книга врачей в США и Канаде).

МКБ содержит диагноз "повышенное либидо", который, как ни удивительно, до сих пор подразделяется на "сатириаз" (для мужчин) и "нимфоманию" (для женщин). В противоположность этому, несмотря на недавние попытки внести "повышенное половое влечение" в ДСР в качестве психиатрического заболевания, североамериканских "гиперсексуалов" или "эротоманов" зачисляют в носители "прочих половых расстройств"^[29].

Психиатр Мартин Кафка из Гарвардской психиатрической больницы им. Маклина в 2012 году пытался добиться, чтобы "повышенное половое влечение" было признано феноменом с диагностическими критериями. Кафка определил гиперсексуальность как "чрезмерное выражение приемлемого в культуре гетеросексуального или гомосексуального поведения" (например порнография, случайные связи, киберсекс, стриптиз-клубы, эротический массаж или настолько частые занятия мастурбацией, что при виде вашей руки ваши половые органы в ужасе прячутся). Иными словами, Кафка предложил диагноз для людей, занимающихся сексом "чрезмерно часто" по сравнению с социально допустимым уровнем, или для тех, кто испытывал "чрезмерную страсть" по отношению к другим взрослым, согласным на ваши притязания^[30]. Таких людей он назвал "нормофилами".

Кафка еще сильнее сузил критерии предложенного диагноза, чтобы не просто установить факт гиперсексуального поведения (даже если его проявления часты), но и чтобы зафиксировать, что оно мешало выполнению других (не относящихся к сексу) действий и обязанностей, например принимать пищу, мыться, не забывать забрать детей из школы. Из своего многолетнего опыта работы с гиперсексуалами Кафка знал, что неудачные попытки обуздать свои привычки создавали для них огромные проблемы. Именно крайнее напряжение, испытываемое пациентом, побудило Кафку попытаться включить "повышенное половое влечение" в ДСР. Я считаю, что идея ставить диагноз, основываясь на негативных переживаниях пациента, а не на попытках психиатров объективно определить сексуальные излишества, весьма плодотворна и заслуживает поощрения.

К сожалению, есть и концептуальная проблема. Недовольство пациента ("личностный дистресс") исходит в значительной мере из того, что человек принадлежит к сексуальному меньшинству – в данном случае речь о половом влечении, существенно превышающем среднестатистическое. В былые времена дистресс испытывали геи и лесбиянки из-за своих неуправляемых желаний. Многим из них даже ставили диагноз в соответствии с критериями Американской ассоциации психиатров – "эгодистонический гомосексуализм" (это гомосексуалы, которые ну очень сильно не хотят быть таковыми). Хотя проблема была не в них, а в обществе. Отстаиваемое Кафкой "повышенное половое влечение" вызывает сходные опасения. Разница только в том, что гиперсексуалов уверяют, будто они больны не из-за того, с кем они желают заниматься сексом, а из-за того, *как часто* они этого хотят.

Если исходить из того, что самоощущение пациента (особенно дистресс) является отражением общества, в котором он живет, можно увидеть, что критерии, предлагаемые Кафкой, тоже несвободны от предвзятости относительно того, что "морально допустимо". Во времена нимфоманок врачи, как и общество, имели четкое представление о том, какое поведение допустимо. В наше время большинство готово признать, что врачи викторианской эпохи горько ошибались, путая медицину и мораль, но нет гарантии, что через сотни лет люди точно так же не будут с осуждением смотреть на нас с нашими искаженными понятиями о допустимом. Так, скорее всего, и будет.

Кампания Кафки за включение "повышенного полового влечения" в ДСР провалилась во многом из-за того, что исторически нимфомания и сатириаз покрыты налетом морализаторства. Когда члены комиссии

стали оценивать предложение Кафки, многие коллеги не захотели занять четкую медицинскую позицию по этому вопросу. Чарльз Мозер, например, указал, что если проводить границу между "психически нормальным" и "анормальным", используя как параметр частоту и интенсивность возникающих желаний, будет упущен из виду вариант, при котором секс сам по себе является наиболее значимой частью жизни человека и "должным образом имеет приоритет по отношению к другим видам деятельности" (*курсив мой*. – Д. Б.). Казанова писал: "Потворство всему, что давало наслаждение моим чувствам, всегда было главным делом моей жизни; я никогда не находил более важного занятия".

Что для одного – сексуальное злоупотребление, для другого лишь легкая разминка. По-моему, единственный аспект, который стоит рассматривать, определяя, что в сексуальном контексте нормально, а что нет, – это потенциальный вред. То, что существуют отклонения от средних значений, помогает оценить широкий спектр эротического разнообразия. Но, как мы видели, вопрос, что "нормально" и "естественно", не стоит и выведенного яйца, если речь заходит о руководстве к действию. Если мы не принимаем за истину, что Бог определил, какой должна быть человеческая природа (а для этого точно нет причин), то "норма" – это лишь число, само по себе не несущее моральной нагрузки.

Однако это интересное число. Поэтому, ради сравнения "нормального" полового влечения с "гиперсексуальным", полезно узнать, сколько в среднем оргазмов в неделю испытывает средний человек. Вначале рассмотрим мужчин. Одним из лучших источников информации о частоте эякуляций у мужчин до сих пор является книга Альфреда Кинси "Половое поведение самца человека". Написанная в 1948 году в соавторстве с Уорделлом Помроем и Клайдом Мартином, эта книга задала высший стандарт научного изучения человеческой сексуальности. Полученные авторами данные, собранные методом случайной выборки, свидетельствуют, что 75 % американцев мужского пола, согласно психиатрическим стандартам того времени, имели "сексуальные отклонения". Кроме прочего, Кинси и его соавторы занимались *индексом общей сексуальной разрядки (Total Sexual Outlet)*: это число оргазмов в неделю, полученных в результате полового акта или их сочетания. Для вычисления ОСП не имело значения, как именно мужчина достигал оргазма: это могла быть мастурбация, секс с женой или нечто новомодное, вроде вкладывания пениса в шланг только-только появившегося пылесоса. Важно было только то, сколько раз в среднем в неделю мужчина, живший в 1948 году в США, избавлялся от семенной жидкости. В выборке из 5300 мужчин репродуктивного возраста индекс ОСП составил в среднем 2,5. (В данном случае "2,5" – среднее значение по совокупности, а не пол-оргазма, хотя бывает и такое.) Некоторые участники исследования напоминали Казанову, и частота их эякуляций была гораздо выше среднестатистической: ОСП около 8 % опрошенных составил 7 или выше в течение пяти лет. (Это значит – минимум один оргазм ежедневно всю последнюю пятилетку.)

С тех пор, когда Кинси проводил свое исследование, многое изменилось. Люди не так напрягаются из-за мастурбации, не говоря уже о том, что теперь у нас есть возможность в любое время дня и ночи созерцать в Сети обнаженных незнакомцев и незнакомок. В свое время (теперь мои ровесники могут так говорить) у меня, возбужденного подростка, не было лучшего выхода, чем сидеть целый день перед телевизором и смотреть рекламу спортивных тренажеров. Чересчур загорелый ведущий с лошадиными зубами показывал упражнения в облегающих красных шортах, из-под которых вот-вот должно было кое-что показаться, но, увы, этого не происходило. Не могу сказать, что я не мечтал о более откровенных сценах, но, как и большинство подростков в начале 90-х годов, я не рисковал открыто искать жесткое порно. Когда мне исполнилось восемнадцать, я, сгорая от стыда, проник в богемный книжный магазинчик и купил, краснея, дорогой альбом Роберта Мэплторпа (чьи фотографии анального фистинга и пирсинга уздечки были слегка радикальнее того, к чему я привык). Это было самое большее, на что я осмелился пойти, рискуя именем и репутацией, для утолнения своих постыдных желаний. А потом появился интернет, и с тех пор у меня не было надобности смотреть дурацкую рекламу тренажеров.

Появление интернета породило идеальные условия для потребления порнографии. Ученые называют это эффектом "тройного двигателя": дешевизна, доступность и анонимность. В 2010 году 40 миллионов американцев (треть из них – женщины) являлись постоянными потребителями порнопродукции. Около 35 % загрузок связано с порнографией. Два с половиной миллиарда отправляемых за день электронных писем содержат порно. Четверть всех поисковых запросов (68 миллионов) касается порнографии. Примерно 12 % сайтов можно назвать порнографическими^[31]. Около 90 % детей в возрасте 8–16 лет видели в интернете материалы "для взрослых" (чаще всего когда "делали уроки"). В среднем дети впервые сталкиваются с порнографией в возрасте одиннадцати лет.

Несмотря на грандиозные культурные и технические перемены, за прошедшие десятилетия показатели ОСП, полученные Кинси, не слишком изменились. (Индекс ОСП с тех пор слегка снизился.) Исследование, проведенное в 1987 году, показало, что лишь 5 % старшекласников и 3 % студентов ежедневно занимаются мастурбацией. Исследование 1994 года (респондентами выступили мужчины 18–59 лет) показало, что 1,2 % американцев регулярно мастурбирует более одного раза в день. А в 2002 году (эпоха интернета давно началась) обычный студент мужского пола занимался мастурбацией в среднем трижды в неделю^[32]. Что касается секса, в котором партнером выступает не собственная рука, то, согласно опросу 1994 года, 7,6 % мужчин-американцев в то время занимались сексом с партнером (в браке или вне его, гомо- или гетеро-) четыре и более раз в неделю.

Число оргазмов, на которые способен мужчина за определенное время, физиологически ограничено, но даже учитывая это, средние значения неразрывно связаны с культурным контекстом. Рассмотрим, как концепция Кинси применима к центральноафриканскому народу ака, миролюбивым охотникам и собирателям. В 2010 году антропологи Барри и Бонни Хьюлетт обнаружили, что состоящие в браке ака занимаются сексом четыре-пять раз за ночь. Не то чтобы они не получали от этого удовольствия, однако ака считают секс в первую очередь работой, "поиском детей". "Задача пениса в том, чтобы найти ребенка", – сообщил один из информантов. "Я делаю это пять раз каждую ночь. Если я не буду делать это пять раз, жена будет недовольна, потому что она хочет поскорей иметь детей", – объяснил другой. Даже после того, как женщина забеременела, гиперсексуальное поведение сохраняется: ака верят в "питательное семя". Идея в том, что мужское семя является "молоком", которое требуется зародышам (что напоминает ритуал глотания семени у мужчин новогвинейского народа самбия). Многократное оплодотворение беременных жен является для ака культурным требованием^[33]. Мужчины, конечно, отдыхают несколько ночей в неделю и употребляют эквивалент виагры – кору дерева болумба, которую якобы лучше всего запивать пальмовым вином. Кроме того, после рождения ребенка надолго объявляется мораторий на секс. И все равно рядом с женатыми ака мы выглядим монахами.

Неясно, сопоставимо ли число оргазмов, испытываемых женами ака, с показателями их мужей (зачатие может произойти и без оргазма), однако у нас есть данные, как часто достигают оргазма американки. В 1953 году вышла книга Кинси "Половое поведение самки человека"^[34]. Кинси и его коллеги обнаружили, что, в отличие от семяизвержений у мужчин, ОСП у женщин зависит от их семейного положения. Незамужние женщины испытывали в среднем 0,5 оргазма в неделю, замужние – 2,2.

Если не принимать во внимание старые сексистские книги, написанные Эллисом и прочими, то бросается в глаза почти полное отсутствие исследований о женщинах с сексуальной зависимостью, и это указывает на то, что женщины составляют меньшинство обращающихся к врачам. (Кафка указывает, что на одну гиперсексуальную женщину приходится пять гиперсексуальных мужчин. Это вполне соответствует теории родительского вклада.) В 2006 году было проведено исследование среди 1171 шведок, и семьдесят из них (около 7 %) были названы "гиперсексуальными". Остается загадкой, почему исследователи решили, что тринадцать оргазмов в месяц – это рубеж между "нормальной сексуальностью" и "гиперсексуальностью" (насколько мне известно, ничего особенного в этом числе нет). Для мужчин-шведов планка была установлена выше. Чтобы исследователи признали тебя "гиперсексуалом", нужно

испытывать минимум семнадцать оргазмов в месяц (еще одна странная цифра). И 151 мужчина (около 12 %) вполне заслужил это звание.

Плюс к тому, что шведские гиперсексуалы (мужчины и женщины, геи, бисексуалы и гетеросексуалы) достигали пика чаще, чем их сограждане, у них было еще несколько схожих черт. По сравнению с не-гиперсексуалами они, например, раньше начинали половую жизнь, имели более разнообразные сексуальные предпочтения, чаще платили за секс, чаще характеризовали себя как эксгибиционисты, вуайеристы и садомазохисты (не могу не вообразить магазин вроде "ИКЕА", до потолка заставленный коробками с масками и зажимами для сосков). Но не все так весело у шведских гиперсексуалов. Женщины, принадлежащие в этой категории, чаще сообщали, что становились жертвами сексуального насилия. В общем, и мужчины и женщины ощущали меньшую удовлетворенность своей сексуальной жизнью, чем не-гиперсексуалы, а также имели больше проблем в отношениях с партнерами, чаще заражались венерическими заболеваниями, чаще обращались за медицинской помощью из-за сексуальных проблем.

Здесь снова возникает тема дистресса: негативные эффекты возникали лишь у гиперсексуалов, которые активно занимались "обезличенным" (*impersonal*) сексом: так ученые обозначили секс с непостоянным партнером. Напротив, гиперсексуалы, часто и помногу занимавшиеся сексом с постоянным партнером, оказались самыми счастливыми из всех респондентов^[35]. Так что проблема не в гиперсексуальности. Скорее то, как проявляется повышенное половое влечение, определяет, возникнут ли у человека трудности. Как и другие сексуальные меньшинства, большинство гиперсексуалов живет в обществе, не всегда проявляющем терпимость к неопасным различиям в эротических пристрастиях, имеющих биологическую основу. Что касается людей, не состоящих в отношениях (или состоящих – с не-гиперсексуальным партнером), их желание или потребность испытывать оргазм несколько раз в день может привести к поиску случайного (или "обезличенного") секса. Частые занятия сексом без обязательств ("промискуитет") до сих пор не приветствуются даже таким относительно прогрессивным обществом, как шведское.

Иногда случается, что непреходящее и лихорадочное состояние возбуждения возникает практически внезапно у человека, который раньше не отличался особенно высоким либидо, и тогда гиперсексуальность свидетельствует о настоящем кризисе. Ведь отдельные участки мозга отвечают за наши мысли и поведение, включая связанные с сексуальными реакциями. Личность человека и уровень полового влечения может кардинально измениться в результате физической травмы некоторых отделов мозга или под влиянием наркотических веществ, а также как реакция на инфекции и вирусы, попавшие в мозг. Так что если обычный человек внезапно превращается в де Сада, это может быть признаком, что у него проблемы под капотом.

Вот, например, случай двадцативосьмилетней домохозяйки из Индии. Ее половое влечение внезапно стало запредельным, она была постоянно возбуждена и, наконец, стала испытывать множественные оргазмы. Это не было похоже на нее, и поскольку ее неумное желание начало создавать трудности в отношениях с мужем, она обратилась к гинекологу. Врач не смог объяснить ее гиперсексуальность. Загадку разрешил после нескольких дней раздумий эпидемиолог из соседней больницы. Оказалось, несколько месяцев назад ее укусил больной бешенством соседский щенок. Она не знала, что щенок болен, и не обратила на это внимания. (Это же был щенок, а не Куджо.) К сожалению, к тому времени, когда разобрались, что это был предупредительный сигнал о бешенстве, разрушающем ее мозг, было слишком поздно. "Она скончалась на четвертый день", – подвели печальный итог врачи.

Бешенство – лишь одно из неврологических заболеваний, при которых может проявиться гиперсексуальность. Патологически высокое либидо иногда возникает при синдроме Туретта, рассеянном склерозе, болезни Хантингтона и особенно при синдроме Клувера – Бьюси. Это необычное расстройство, которое может быть вызвано рядом факторов, включая герпетический энцефалит и кислородную

недостаточность. Скорее всего, эта болезнь существует с незапамятных времен, но была впервые описана в 1939 году Генрихом Клювером и Полом Бьюси. Они копались в голове живых резусов, чтобы понять природу эпилептических припадков. Когда ученые удаляли фрагменты медиальных отделов височной доли (где, как теперь известно, находится первопричина этого заболевания), макаки настолько возбуждались, что начинали тереться об операционный стол. С тех пор синдром Клювера – Бьюси несколько раз оказывался в центре внимания, когда человек с этим заболеванием совершал преступление на сексуальной почве, а судье предстояло решить, виновен ли обвиняемый. В такой же ситуации оказался судья в истории с “Клеменсом”. Вызывает недоумение, что, даже имея свидетельства психиатров о том, что гиперсексуальность является признаком нарушения работы мозга, большинство современных судей проявляют куда меньше снисхождения к нарушителям с синдромом Клювера – Бьюси, чем проявил судья в 1886 году к человеку, страдающему сатириазом.

Между прочим, Крафт-Эбинг, похоже, был на верном пути. В пятилетнем возрасте “Клеменс” перенес травму головы: его ударили мотыгой. В записях Крафт-Эбинга указано, что на теменной и лобной костях пациента и сорок лет спустя после травмы заметна вмятина (“кожа плотно покрывала [череп]”), и когда автор “Половой психопатии” надавливал на эту вмятину, болевые импульсы распространялись на нижнюю ветвь тройничного нерва. Неврология находилась в зачаточном состоянии, и Крафт-Эбинг не увидел связи между поступком “Клеменса” и старой травмой. Сейчас известно, что пациенты с повреждениями этой зоны коры испытывают трудности с самоконтролем.

Внезапные изменения полового влечения у человека могут сигнализировать о серьезной внутренней проблеме, но из таких “состояний”, как “бешенство матки”, “нимфомания”, “сатириаз” и, наконец, “повышенное половое влечение”, сделали настоящие болезни. Помимо того, что подобные диагнозы отражают наши предубеждения, практика медикализации необычных явлений принесла мнимым больным больше вреда, чем пользы. Показатель ОСР не у всех одинаков, и разброс значений иллюстрирует тот факт, что в этой области человеческой природы наблюдается большое биологическое разнообразие. Различие в силе полового влечения (даже крайние случаи) – то же самое, что разница в цвете кожи, форме носа и переносимости лактозы. Судить человека за большую или меньшую выраженность этих черт столь же бессмысленно, как и приписывать моральное значение тому, как гены определяют место человека в спектре сексуального разнообразия.

Каких бы взглядов на гиперсексуальность (то есть на “чрезмерные проявления полового поведения, приемлемого в культуре”) вы ни придерживались, готов поспорить, что вы нашли у себя черты, сходные с некоторыми описанными здесь “нормофилами”. В следующих главах мы встретим других персонажей, и, вероятно, им вы будете сопереживать меньше. Но – будьте честны с собой!

Глава

4

Амур-психопат

Сейчас же призывает она [Венера] к себе сына своего крылатого, крайне дерзкого мальчика, который, в злонравии своем общественным порядком пренебрегая, вооруженный стрелами и факелом, бегаёт ночью по чужим домам, расторгая везде супружества, и, безнаказанно совершая такие преступления, хорошего решительно ничего не делает^[36].

Апулей

В детстве я не боялся Амура, поскольку не подозревал, что это злой демон. До 70-х годов темная сторона его природы была почти незаметна мне благодаря усилиям “Холлмарк” и прочих цензоров, которые приукрасили Амура, дополнив образ детским жирком и умильной улыбочкой. Амур превратился в очаровательного херувимчика, розового, как поросенок, милого, как ягненок, лукаво глядящего с витрин магазинов накануне Дня св. Валентина. Школьники вырезают из бумаги фигурки Амура и украшают ими

классы, и ничто не напоминает о его злом начале. Современный Амур шаловлив. Амур древних был настоящим психопатом.

Образ Амура был создан римским писателем Луцием Апулеем. У Апулея Амур был отнюдь не озорным младенцем с крылышками, как у колибри, а импульсивным божеством, повергавшим в сексуальный хаос все существа. Даже бесстрашный Аполлон считал его "диким и жестоким, словно ужасный дракон":

Он на крылах облетает эфир и всех утомляет,
Раны наносит он всем, пламенем жгучим палит.
Даже Юпитер трепещет пред ним и боги боятся.
Стиксу внушает он страх, мрачной подземной реке.

История, сочиненная Апулеем, выглядит как черная комедия. Венера, мать Амура, ревнует людей к смертной Психее, превзошедшей ее красотой. Желая досадить ей, Венера просит сына пустить отравленную стрелу в девушку, чтобы та возжелала самого ужасного из людей:

Заклинаю тебя узами любви материнской, нежными ранами стрел твоих, факела твоего сладкими ожогами, отомсти за свою родительницу. Полной мерой воздай и жестоко отомсти дерзкой красоте, сделай то единственное, чего мне больше всего хочется: пусть дева эта пламенно влюбится в последнего из смертных, которому судьба отказала и в происхождении, и в состоянии, и в самой безопасности, в такое убожество, что во всем мире не нашлось бы более жалкого.

Амур врывается ночью в жилище Психеи с намерением выполнить волю матери, но останавливается, пораженный красотой Психеи. Любуясь, как она спит, Амур нечаянно укалывается собственной стрелой. Это навечно связывает их узами и позволяет Психее, через брак с Амуром, войти в римский пантеон. Отношения со свекровью у Психеи сложились, мягко говоря, напряженные.

Амур у Апулея, хотя любовь и спасает его, – отнюдь не романтик-сводник, а дьявол, подвергающий незадачливых обывателей приступам всепоглощающей страсти, которая ослепляет их настолько, что в приступе гиперсексуальности они совершают поступки, подобные тем, о которых мы говорили в главе 3. Аллегория своевольного бога, от скуки или в качестве услуги другим богам поражающего сердца смертных, награждая их непотребной страстью, напоминает холодную бездумность природы, когда речь идет о парафилиях.

В 20-х годах XX века многие из парафилов оказывались на кушетке в кабинете австрийского психиатра Вильгельма Штекеля. Борьба пациентов с собой представлялась ему отчасти комичной. Его веселили "экзотичные" извращения. *Variatio delectat!* [Разнообразие радует!] – изумлялся он в книге с кошмарным названием "Половые aberrации": "Как многочисленны вариации, созданные Эротом, чтобы сделать монотонность обычного полового органа интересной для сексолога". Именно Штекель – автор термина "парафилия". Первая часть слова, *пара-*, по-гречески значит "другой" или "за пределами", а "филия" переводится примерно как "любовь"^[37].

Отцом Штекеля был малообразованный еврей-ортодокс, а мать, хоть и была неприятной женщиной, все же имела образование. Штекель учился у Крафт-Эбинга и, кроме того, некоторое время был другом и последователем Фрейда. Они сильно поссорились из-за того, что известный вспыльчивостью и неспособностью хранить секреты Фрейд проболтался о таинственной перверсии самого Штекеля их общему коллеге, психоаналитику Эрнесту Джонсу. Поскольку Эрнест оказался более надежным хранителем секретов, чем Зигмунд, для нас так и осталось загадкой, о чем именно шла речь. Штекель унес свой секрет в могилу. В 1940 году он покончил собой в номере лондонской гостиницы. Ему было семьдесят два, и у него был диабет, в результате чего на одной ноге развилась гангрена. Штекель принял огромную дозу аспирина, чтобы избежать ампутации^[38].

Этот плачевный финал привлек мое внимание по двум причинам. Во-первых, я и сам диабетик, и мое невротическое воображение иногда рисует картину: меня отправили в некий богом забытый дом престарелых, и я сижу там один, в комнате, из-за болезни сетчатки кажущейся мне мутной, и поглаживаю

культы ног. Во-вторых, за восемнадцать лет до своего самоубийства Штекель описал в книге "Половые aberrации" фетишиста – любителя ампутанток. Этот человек был врачом, и верхом наслаждения он считал оказаться в постели с "прелестной девушкой, у которой ампутирована нога выше колена и которая носит деревянный протез". Как это часто бывает, этот фетишист был разборчив в деталях. "Меня оставит совершенно холодным вид, изображение или даже половой акт с женщиной, у которой ампутированы обе ноги", – прибавил он для ясности.

Сейчас любителей отсутствующих конечностей вежливо называют акротомофилами (от греч. *акрон* – "конечность" и *томо* – "отрезать"), однако встречаются они достаточно давно. Известен случай 1890 года, описанный хирургом Дж. Фрэнком Лидстоном: пациент, одержимый идеей быть с женщиной с ампутированной правой ногой. Они некоторое время встречались, расстались, и мужчина отныне желал встречаться лишь с девушками с тем же дефектом. Штекель также описывает людей с выраженным влечением к ампутантам. Он назвал этот феномен "отрицательным фетишем" (никакого осуждения – просто арифметика частей тела). Легко поддаваться искушению и решить, что подобные акротомофилии девиантные влечения есть результат влияния интернет-порно, где, как на карнавале, отыщется что угодно. (Действительно, существует полно сайтов для взрослых с акротомофилией, которую ее приверженцы называют "мания одноножки"^[39].) Впрочем, у *большинства* парафилий очень длинная история, и, вероятно, Сеть просто свела вместе маргиналов, находящихся в сексуальной изоляции. Сам по себе интернет не породил кардинально новые виды парафилий^[40]. (Еще одна причина сомневаться в верности гипотезы – то, что психологические истоки парафилий берут начало в раннем детстве, задолго до того, как люди отправляются в Сеть за порнографией.)

Сам факт, что где-то существуют акротомофилы, уже приносит мне успокоение. Когда я слышу такие страшные истории, как о Штекеле, я сразу напоминаю себе, что по мере того, как по очереди будут чернеть пальцы у меня на ногах из-за сиропа, текущего вместо крови по моим диабетическим венам, я буду медленно превращаться в восхитительного красавца для кого-то с подходящей конфигурацией сексуальных предпочтений. Какой-нибудь гей-акротомофил отнесется к отсутствию у меня ноги с неменьшим энтузиазмом, чем когда ею любовался мой приятель-подофил. (Не могу сказать с уверенностью, но *думаю*, что пальцы, пораженные гангреной, он все же сосать не стал бы.) Мысль о том, что, потеряв часть тела, я обрету почитателя, все же неутешительна. Тем не менее, есть на свете люди, которым строгие стандарты красоты – молодость, здоровый цвет лица, хорошая физическая форма и полный набор конечностей – не указ.

Ученые исследуют парафилии уже более ста лет, однако до сих пор поразительно мало знают о влечении к ампутантам, лошадям, трупам, ступням ног – и чему бы то ни было другому^[41]. Конечно, можно описывать парафилии во всех шокирующих подробностях (и тогда мы не будем отличаться от праздных зевак), можно их классифицировать (этим занимаются психиатры) или даже выявить происхождение парафилии, начиная с детства (то есть этиологию – это задача психоаналитиков). В каждом из этих случаев останутся вопросы без ответа. Например, почему из двух человек с похожим набором генов и жизненным опытом один становится парафилом, а второй – нет? Почему парафилия гораздо чаще встречается среди мужчин, чем среди женщин (эксперты утверждают, что это соотношение – чуть ли не 99 к 1)? И почему парафилии, если они развились, необратимы?^[42]

Эти вопросы остаются без ответа не из-за отсутствия интереса к ним или нехватки талантливых ученых. Наоборот, с первых дней развития сексологии эта область привлекала внимание выдающихся исследователей. Трудность разрешения этих загадок лежит в их сути: их невозможно изучать в рамках контролируемого эксперимента. Представьте, что вы ученый, задавшийся целью наконец понять, почему один ребенок становится, скажем, мелиссафилом (это половое влечение к пчелам; *мелисса* по-гречески –

“пчела”), а второй вырастает в человека, который категорически против того, чтобы в сексе участвовали жалящие насекомые.

Вероятно, если в подходящий момент рассказать детям байку о пестиках и тычинках, птичках и пчелках, это сработает. Но невозможно случайным образом определить одну (экспериментальную) группу детей с “пчелиным фактором развития” и другую (контрольную) группу “без пчел”, а следующие пятнадцать лет плевать в потолок, ожидая, пока дети вырастут, чтобы проверить, кто из них стал мелиссафилом. Во-первых, неясно, какие именно экспериментальные действия нужны. Возможно, родители должны включать каждый вечер аудиозапись жужжания перед тем, как уложить малышей в кроватки, чтобы этот звук совпал с их первыми эротическими снами? Или поставить улей в детской комнате, чтобы когда дети будут играть в “доктора”, присутствие пчел стало на всю жизнь ассоциироваться с половым возбуждением? Я надеюсь, вам понятно, в чем проблема. Причина у мелиссафилии, да и у любой другой парафилии, есть, но как ее найти, не нарушая этических норм, – это головная боль сексологов.

Поскольку проведение экспериментов, которые бы позволили добраться до истоков парафилий, методологически непозволительно, то поиск истоков сексуальной девиантности в детстве по необходимости ограничен интервью, подробным описанием случаев и анкетированием людей, открыто признающих свою парафилию. Это примеры качественных исследований, и они не всегда могут исчерпывающе ответить на вопрос. (При использовании *количественных* методов в ходе экспериментов накапливаются данные, которые переводятся в числовую форму и могут быть подвергнуты математической обработке. А в рамках *качественных* исследований при помощи интервью, описания ситуаций и анкетирования собираются эмпирические данные, которые исследователь интерпретирует по собственному усмотрению.) Кажется, почему бы просто не расспросить взрослых об их сексуальном опыте? Увы, такие методы объективными не назовешь.

Что касается участников исследования, то абсолютно всё, начиная с ложных воспоминаний, желания рассказать исследователю то, что он якобы ожидает услышать, и заканчивая элементарной ложью, может существенно исказить картину. В то же время, если исследователи задают наводящие вопросы, нечетко формулируют варианты ответов или трактуют неясные ответы в пользу своей гипотезы, полученные данные становятся бессмысленными. Профессионалы, проводящие качественные исследования, предвидят это и сводят ошибки к минимуму при помощи верной организации эксперимента, но и лучшее в своем роде исследование не может достоверно установить причинно-следственную связь. С другой стороны, радуется, что качественные исследования позволяют получить намного более красочные и подробные описания опыта и восприятия участника исследования и взглянуть изнутри на его психику, а этого невозможно достичь одними поведенческими экспериментами. Качественные методы позволили собрать бесценную информацию о парафилиях и сформулировать убедительные теории (некоторые из них мы обсудим). Поэтому я полагаю, что резонно принять торговый принцип “качество на риск покупателя”: если исследование полностью полагается на то, что люди *рассказывают* о своих желаниях и половой жизни, а не на то, что они *думают* или *делают*, – покупатель, будь осторожен.

Прежде чем мы перейдем к обсуждению того, в чем у ученых есть некоторая уверенность относительно парафилий, важно кое-что сказать о роли контролируемых экспериментов в изучении формирования девиантности в реальном времени. Хорошо это или плохо, этические барьеры при выращивании девиантных грызунов или домашних животных значительно ниже, чем при потенциальной попытке превратить детей в мелиссафилов. И некоторым ученым удалось заложить предпосылки и получить черты, явно напоминающие парафилию, у других видов путем манипуляции аспектами раннего развития.

В рамках одного исследования ученые случайным образом выбирали новорожденных крысят-самцов, которых выкармливала крыса, чьи соски были покрыты веществом с запахом лимона, и сумели вырастить крыс-лемонофилов. У этих самцов возникала эрекция и происходила эякуляция только при контакте с самками, источавшими тот же цитрусовый аромат, что и их мать. В ходе другого эксперимента

ученые поменяли местами новорожденных козлят и ягнят: козлят воспитывали овцы, а ягнят – козы. Когда животные достигли репродуктивного возраста, их вернули в компанию сородичей. Опыт раннего детства оказал различное влияние на самок и самцов. Ставшие взрослыми козлы и бараны не проявляли ни малейшего интереса к самкам своего вида, а пытались спариться исключительно с самками того вида, среди представителей которого они выросли. Козы и овцы, напротив, оказались гораздо менее щепетильны в выборе партнера и в равной мере были готовы к спариванию с баранами и с козлами.

Иными словами, реакция самцов на необычные условия развития фундаментально отличалась от реакции самок. У самцов произошел *половой импринтинг*, то есть в сознании запечатлелось влечение к животным того вида, среди которых они выросли, а самки сохранили существенно большую эротическую гибкость. Крысы, бараны и козлы отделены от нас многими ветвями филогенетического древа, поэтому мы не вполне можем применить эти данные к парафилиям у нашего вида. Но скоро мы познакомимся с примерами из жизни людей, которые очень напоминают половой импринтинг, и увидим разницу между мужчинами и женщинами, подозрительно напоминающую разницу между полами у копытных.

Смею вас заверить, на страницах этой книги вас не ждет извращенная версия Маугли. Насколько мне известно, нет девочек, которых воспитали бонобо и которые, став взрослыми, стали тереться клиторами о клиторы самок обезьян. Однако я не могу упустить возможность вкратце рассказать вам о Люси, самке шимпанзе, воспитанной во многом как ребенок психологом Морисом Темерлином в конце 60-х годов. Темерлин пишет, что когда Люси созрела, ее любимым занятием стала мастурбация и разглядывание фото обнаженных *мужчин* на развороте "Плейгерл". Люси аккуратно раскладывала журнал на полу и прикладывала свои набухшие гениталии к изображению пениса. (Честно говоря, я немного завидую. Моя мама не так уж часто покупала мне "Менс фитнес", а вот Люси удалось заставить Темерлина оформить ей подписку на "Плейгерл".)

Нам, людям, жалко отдать несколько детенышей на воспитание другому биологическому виду, чтобы посмотреть, как это скажется на их сексуальности. Большинство родителей, эти любящие и ответственные засранцы, не желают пожертвовать младенцев для амбициозного проекта^[43]. Однако нас можно сгруппировать в зависимости от того, что нас сильнее всего возбуждает. Когда не получается установить прямую причину, на сцену выходят классификация и систематизация. Поэтому, прежде чем мы погрузимся в хитроумные теории и концепции, связанные с парафилиями, надо разобраться с организационными вопросами.

Эксперты попытались привести в порядок эту непокорную подобласть психиатрии, рассортировав сексуальных девиантов. Есть много подходов к классификации парафилий, причем существенно различных ("повышенное половое влечение" присутствует в "Международной статистической классификации болезней и проблем, связанных со здоровьем", но не в "Диагностическом и статистическом руководстве по психическим расстройствам"). По большей части они согласуются. Во избежание путаницы мы будем пользоваться ДСР, чтобы разобраться с необъятным количеством не вписывающихся ни в какие рамки случаев. Этот подход хотя бы предоставит нам терминологию для описания сексуальной девиантности, а при обсуждении таких вопросов чрезвычайно важно найти общий язык.

В ДСР указаны восемь парафилий: эксгибиционизм, фроттеризм (это когда человек трется своими половыми органами или трогает руками незнакомых людей в общественных местах, например в метро или лифте), педофилия, мазохизм, садизм, вуайеризм и трансвестизм. После оглашения всего списка можно представить, что подходящим названием для него стало бы: "Все то, за что от тебя отречется собственная мать" – и очень жаль. Есть множество других парафилий. Ею может стать что угодно на свете, "включая сам свет", как заметил один психиатр^[44]. Но основной список ограничивается этими восемью пунктами из практических соображений. Если в ДСР внести все яркие фетиши и необычные сексуальные ориентации,

там не останется места ни для единого психического расстройства, не имеющего отношения к половым органам.

В ДСР нашлось место для самых необычных парафилий: они попадают в девятую, остаточную, категорию "Прочие парафилии". Случается, что гиперсексуальность ("сексуальную зависимость") диагностируют как "прочие половые расстройства". Точно так же большинство парафилий в ДСР не перечисляется: вместо этого их относят к "прочим". Некоторые из "-филий", с которыми мы встречались (например зоофилия, некрофилия, подофилия, акротомофилия), можно отнести к "прочим", и в дальнейшем мы познакомимся с дополнительными примерами этих необычных отклонений.

Классификация девиантности может быть достаточно трудна. Представьте, что у одного человека несколько парафилий и они могут переходить четкие грани, указанные в ДСР. Так, первый человек с несколькими парафилиями, которого я встретил, был одновременно гебефилом и пигофилом с примесью фроттеризма. Гебефил (от имени греческой богини юности Гебы) предпочитает иметь дело с подростками одиннадцати-четырнадцати лет, а для пигофилов главное – ягодицы. Смешайте все – и получится персонаж, с которым я однажды столкнулся. Смутно припоминаю детали, но дело совершенно точно происходило в зоомагазине около клетки с морскими свинками... некий дядя тогда словно потерял рассудок при виде тощей фигуры двенадцатилетнего мальчика, которым я тогда был. Моя старшая сестра отошла в другой конец магазина, оставив меня выбирать трехцветную морскую свинку. Я сразу решил, что назову ее Трикси (теперь мне кажется, что эта кличка больше подходит проститутке). Когда этот дядя в пятый или шестой раз предложил мне наклониться, чтобы получше рассмотреть животных в клетке, стоящей на полу (он все время повторял: "Ой, прости" – и будто бы случайно проводил рукой по моей попе), я начал подозревать, что дело не в нашей общей любви к морским свинкам. Учитывая, что он делал это рукой, а не прижимался ко мне своим пенисом – по крайней мере эту грань приличия он смог соблюсти, – педант скорее предпочтет термин "тачеризм" вместо "фроттеризма". И то и другое обозначает совершенный тайком непрошенный физический контакт с незнакомыми людьми в общественных местах для сексуального удовлетворения, но различается в зависимости от применяемой для этого части тела.

Винить этого человека за его пристрастия стоит не более, чем за то, что у него выются волосы. Однако вместо того, чтобы оставить свои девиантные желания у себя в голове, он позволил им выйти наружу и схватил меня за задницу. Мы знаем, что психиатрия в процессе взросления имела возможность поучиться на собственных ошибках в сексе. Так, не стоит называть женщину нимфоманкой, как Сторер, просто потому, что ей нравится секс, и не стоит пытаться, как Эллис, превратить гея в натурала. Эти непростые уроки прошлого во многом объясняют, почему Американская ассоциация психиатров достаточно снисходительна к парафилиям. Принцип можно сформулировать так: насколько бы ни были странны ваши желания, если вы не причиняете вреда никому и ничему и если ваша сексуальность не является причиной личностного дистресса, значит, вы не соответствуете критериям психического заболевания, связанного с парафилией.

Не могу сказать, что в тот день мне был причинен вред. Однако если бы моя сестра не вернулась, когда дядя пытался облапать меня раз в шестой, и учитывая, что я был настолько наивен, что вполне бы мог сделать все, что он мне скажет (в том числе пойти за ним к его машине), этот мужчина слишком близко подошел к опасной черте, даже для моих относительно либеральных взглядов на природу вреда. Так что вне зависимости от того, что он чувствовал себя комфортно, будучи гебефилом и пигофилом, любимым занятием которого было ощупывать подростков в общественных местах, и не испытывал дистресса из-за своих пристрастий, обычный психиатр, просматривающий запись камеры наблюдения, счел бы этого человека психически больным. А обычный гражданин, увидевший то же самое, назвал бы его, конечно, преступником.

Из восьми указанных в справочнике парафилий к пяти не применяется критерий личностного дистресса: педофилии, эксгибиционизму, вуайеризму, фроттеризму и садизму. Авторы руководствовались тем соображением, что большинство видов сексуальной девиантности достаточно безобидно, а эта пятерка

по своей сути вредоносна. Но черта, разделяющая “вредоносное” и “безвредное”, не всегда очевидна. В следующей главе мы подробно рассмотрим эту крайне важную тему. (И не забывайте: болен ли человек психически, и нарушил ли он закон – это две совершенно разные темы. Главное – мог ли человек повести себя иначе^[45].) Вернемся к классификации. Психолог Джеймс Кантор считает, что парафилии можно объединить в две широкие категории. В первую попадают те, при которых объект сексуального интереса отличается от обычного человека репродуктивного возраста. Так, Шарль Бодлер рассказывал, что испытывает пристрастие к гигантессам и карлицам. (Влечение к людям, значительно отличающимся по росту, называют анастеемафилией.) Впрочем, тот же Бодлер утверждал, будто однажды съел мозг ребенка, а также что у него есть бриджи для верховой езды, сшитые из кожи собственного отца, так что, вероятно, к заявлениям поэта стоит отнестись скептически. К категории парафилий с необычными эротическими объектами относятся также орнитофилия (влечение к птицам), савантофилия (влечение к людям с умственными отклонениями) и хазмофилия (влечение к трещинам, щелям и прочим деталям рельефа, которых не найти на теле человека).

Ко второй категории парафилий, по Кантору, относятся такие, при которых самым возбуждающим элементом секса является нечто отличное от полового акта с желающим того партнером или прелюдии к нему. Здесь стоит упомянуть стигиофилов [от названия реки Стикс], которые подпрыгивают, как на сковородке, при мысли, что попадут в ад; психрофилов (которые, наоборот, возбуждаются, когда им холодно или когда они видят, как дрожит от холода другой), а также климакофилов (которые якобы испытывают сильнейший оргазм при падении с лестницы).

Такие парафилии крайне редки. Самыми частыми из второй категории являются фроттеризм, эксгибиционизм и вуайеризм. Курт Фройнд, которого считают отцом экспериментальной психологии, полагал, что в основе этих парафилий лежит нарушение ритуала ухаживания. Фройнд писал, что чаще всего половой связи между здоровыми взрослыми предшествует “подготовительный” этап. Это поведение призвано продемонстрировать эротический интерес, получить зеленый свет на дальнейшие действия. “Это фаза, когда взглядами и движениями рук партнеры обмениваются сигналами и приглашениями, – уточняет психолог Джон Мани. – Люди флиртуют, кокетничают, соблазняют и добиваются расположения друг друга. Это называется фазой ухаживания, а у животных – брачными играми”. Фройнд считал, что некоторые люди “застревают” на одном из этапов фазы ухаживания и в результате начинают достигать наибольшего сексуального удовлетворения, например от прикосновений (фроттеризм), или от демонстрации сексуального интереса к потенциальному партнеру (эксгибиционизм), или от получения особого права созерцать другого человека в сексуальном контексте (вуайеризм). В соответствии с этой моделью парафилии являются преувеличенными проявлениями ритуального ухаживания. Мани объясняет: каждая из фаз ухаживания каким-либо образом “вышла на первый план, вместо того чтобы оставаться вспомогательным элементом. Она вытесняет главное событие, которым является половой акт, и перетягивает внимание на себя”.

Итак, в первую группу парафилий по Кантору включены те, где необычным является объект желаний, а во вторую – те, где все внимание уделяется необычному поведению. Полезно провести это различие, когда речь идет о девиантной сексуальности, но заметьте: эти категории не являются взаимоисключающими. То есть человек может быть парафилом в том, что объект его страсти так же необычен, как и его любимое сексуальное занятие. (Пселлизофил-небулофил, верх наслаждения для которого – заниматься мастурбацией в тумане и слушать, как кто-то заикается, понял бы, что я имею в виду.)

В случае фетишизма граница между эротическими объектами и эротическими парафилическими действиями может быть нечеткой. Как мы увидим, объект фетиша не является сам по себе эротическим объектом – это символический эрзац-заменитель гениталий эротического объекта. Сексуальное

удовлетворение с объектом-фетишем может зависеть от ритуала, а может и не зависеть. Так что это не всегда идеальное совпадение с категорией парафилий, основанных на необычных действиях. Вообще-то предметом фетиша может стать что угодно: инвалидные кресла и костыли, слуховые аппараты, резиновые шапочки для плавания, вообще любой суррогат идеального партнера. Некоторые фетишисты имеют склонность к краже объектов фетиша (хрестоматийный пример – нижнее белье), и вторичная kleptomания создает для них дополнительные проблемы. Также многие парафилы очень не любят расставаться с дорогими их сердцу коллекциями фетиш-объектов, которые они собирали долгие годы и хранили, как сокровища. Штекель называл такие коллекции “фетишистскими библиями”. У одного пожилого мужчины с пубефилией была такая старая коллекция лобковых волос, что многие экспонаты, вклеенные в альбом, давно поседели. (Можно лишь гадать, играли ли какую-то роль принципы управления отвращением, о котором мы говорили выше, при неожиданной встрече с кладками лобковых вшей в этом фолианте.)

Для фетишиста определенный предмет имеет физическую связь с телом эротического объекта, будто тот впитал “суть” этого человека и поэтому вызывает такое возбуждение. Это принципиально. Только что купленные, ни разу не надетые туфли вряд ли вызовут у фетишиста интерес. Но его заинтересуют туфли, которые носил некто, кого он считает привлекательным. Или фетишист может фантазировать, что тот человек их носил. Магазин секонд-хенда для фетишиста – настоящий бордель. Точно так же, если ваш фетиш – мужское нижнее белье, вы, когда припечет в очередной раз, не будете в нетерпении разрывать упаковку новеньких труселей из универмага, а, скорее, достанете испачканные спермой плавки, принадлежавшие любимому порноактеру – да-да, те самые, купленные на интернет-аукционе на прошлой неделе.

Даже для фетишистов без парафилии нетрудно понять, чем привлекательно прикосновение предмета, имеющего близкую связь с человеком, которому вы симпатизируете. Не знаю, как вы, а я бы покривил душой, если бы сказал, что никогда не испытывал возбуждения от банки газировки. В школе я одно время занимался самоудовлетворением, глядя на банку из-под “Кока-колы”, выброшенную мальчиком (увы, натуралом), в которого я был влюблен. Поскольку у меня не было шансов оказаться ближе к его губам, чем так, его образ волшебным образом слился с этой банкой. Кстати, несколько исследований в области психологии потребления показали, что люди скорее купят одежду, к которой прикасались физически привлекательные продавцы^[46]. Такой случайный фетишизм встречается достаточно часто. Но в клиническом, парафилическом смысле “истинный фетишизм” – это феномен, когда фетиш возбуждает сильнее, чем эротический объект, обозначаемый этим фетишем, и без него почти невозможно получить сексуальную разрядку.

“Предметофилы” (“объектофилы”) в некоторых отношениях совершенно иные, нежели фетишисты-парафилы: для первых предмет страсти не является символической заменой эротического объекта, их влечение к этому предмету никак не связано с тем, что он прикасался к желанному человеку. В случае предметофилов сам предмет становится эротическим объектом. Важнее всего вот что: они убеждены, что предмет отвечает им взаимностью. Стулья, лестницы-стремянки, шали, книжные шкафы... Все, что только можно вообразить. С точки зрения предметофилов, любой предмет во вселенной может безумно, глубоко и страстно полюбить человека. (Полагаю, не стоит забывать об этом, когда вы будете стучать кулаком по капоту сломавшейся машины. Если она мазохистка, ей может понравиться и она продолжит в том же духе.)

Психотерапевт Эми Марш считает, что причиной поведения предметофилов является редкое неврологическое заболевание, которое называется “соощущение персонификации предмета” (*object personification synesthesia*), в результате чего им кажется, что неодушевленные предметы суть личности, которые испытывают эмоции, а также половое влечение^[47].

У этих людей вызывают возбуждение конкретные предметы, а не все вещи определенной категории. В 1979 году шведка Эйя-Рита Эклеф попала на первые полосы в связи с тем, что вышла замуж

за Берлинскую стену. Сейчас она считает себя вдовой. Позднее американка Эрика Лабри-Эйфель стала героиней документального фильма, где было показано, как она конструирует свой брак с Эйфелевой башней. Новобрачным непросто уединиться из-за туристов, постоянно снующих вокруг. (Поскольку Эрика считает, что 325-метровое сооружение – женского пола, их отношения в этом смысле лесбийские. Полагаю, Эрику можно назвать бисексуалкой: в прошлом она состояла в отношениях с немногословным джентльменом, многим известным как Золотые Ворота.) В том фильме Эрика сдержанно приподняла плащ, села верхом на одну из массивных стальных балок в основании Эйфелевой башни и тем скрепила брачный союз. (Кстати, миссис Эйфель известна не только своей любовью к башне, но и тем, что она – один из лучших в мире спортсменов-лучников.)

Обычно (если это слово уместно) мысли предметофила устремлены к обыденным вещам, а не к ярким знаменитостям вроде Берлинской стены или Эйфелевой башни. В 2010 году Эми Марш провела десятки интервью с предметофилами. Она интересовалась у них: “Какую черту находите в вас наиболее привлекательной предмет (предметы) вашего влечения?” Некая женщина, находящаяся в любовных отношениях с флагом по имени Либби, ответила: “Ну, Либби всегда говорит, что у меня хорошее чувство юмора. Мы так веселим друг друга! С ними [флагами] почти невозможно говорить серьезно, они постоянно прикалываются”. А мужчина, увлеченный звукоорежиссерскими пультами, заметил, что его электронные “любовники” обожают черты его лица: “Я полноват, а им это нравится... У меня пальцы искривлены в виде шеи лебедей^[48], а им нравится. Еще им нравится, что пальцы – шершавые”.

И, раз уж речь зашла о руках и пальцах, не следует обходить вниманием парциалистов (вспомните подофила, лишившего невинности мои пальцы ног). Этих людей больше волнуют не сами предметы. Их эротический интерес полностью обращен на определенную (нерепродуктивную) часть тела. Вольтер, у которого было неплохое чувство юмора, парциалистом точно не был. В 1748 году Вольтер в письме своей любовнице (и одновременно – племяннице) г-же [Марии Луизе] Дени дает понять, что без ума от каждого сантиметра ее тела. Уведомляя о скором приезде в Париж, он сообщает: “Покрываю тысячей поцелуев Вашу пышную грудь и восхитительный зад, всю Вас целиком, Вас, которая столько раз дарила мне эрекцию”. Но вольтеровская “монотонная простота” в почитании женского тела, как напомнил бы Штекель, не перестававший удивляться сексуальному разнообразию, – не повод для уныния.

В книге “Половые аберрации” Штекель знакомит нас с двадцативосьмилетним немецким коммерсантом П. Л.: “Когда к нему [П. Л.] притрагивается рукой красивая женщина, моментально возникает эрекция”. После психоаналитического расследования Штекель решил, что фиксация П. Л. уходит корнями в детство, а именно – в первый сексуальный опыт (в семилетнем возрасте), о котором Штекель по неясным причинам решил проинформировать нас на латыни: “Ему особенно нравилось *cum nonnullis commilitonibus mutuam masturbationem tractare*”. Вот пример того, как глубокомысленно звучит любая фраза на языке права. В переводе глубина сразу теряется: П. Л. с удовольствием занимался взаимной мастурбацией с мальчиками своего возраста. Причем занятия эти продолжались до позднего подросткового возраста, и П. Л. отмечал, что симпатизирует исключительно мальчикам с бледными красивыми руками. Прочие не вызывали у него эрекции.

Штекель объясняет, что со временем П. Л. оставил свои гомосексуальные привычки и (якобы) стал возбуждаться от мысли о женщинах – по крайней мере, о женских руках: “Никакая сила не заставила бы его теперь притронуться к мужскому половому органу. Один лишь вид пениса другого мужчины вызывает у него отвращение”. Однако в книге не говорится о том, перестал ли П. Л. фантазировать о мальчишеской руке на *собственном* пенисе, и я готов поставить последний доллар – нет, не перестал. Как бы то ни было, П. Л. желал остепениться и завести семью, для чего познакомился с очаровательной девушкой, которая, как ему виделось, идеально подходила на роль жены. Все в ней было безукоризненно, “она обладала всеми женскими добродетелями”. Однако, по иронии, у девушки были очень крупные руки, а под ногтями часто

бывала грязь, что, безусловно, привело бы в замешательство любого уважающего себя фетишиста. П. Л. не смог с этим смириться. Воображаю, как решительный П. Л. возвращается домой от Штекеля. Он идет по перрону. Клубится паровозный дым. Накрапывает дождь. Красивая женщина ждет П. Л. Он прикладывает палец к ее дрожащим губам: "Нет, дорогая, дело не в тебе. Дело во мне! Ну, во мне – и в твоих чертовых клешнях".

Даже детальнейшая классификация половых девиаций не может предвидеть все парафилии, и часто непонятно, как систематизировать некоторые из них. Рассмотрим, например, случай "орального парциализма". Я не уверен, верный ли диагноз поставили австралийские психиатры, но, как вы сейчас увидите, их замешательство простительно.

Наша история из рубрики "невероятно, но – увы! – факт" произошла в 1998 году в сельском районе Австралии. Главный герой – необщительный юноша девятнадцати лет с крайней формой ожирения (он весил более 140 кг). Парень был в запущенном состоянии. Он страдал от клинической депрессии и впервые попал в поле зрения врачей из-за неудовлетворительной гигиены. У него появились язвы под мышками, внизу живота и в паху. Отец приволок сына к врачу (это нужно было сделать гораздо раньше) и объяснил, что гнойные раны у того не проходят *почти пять лет*.

Вначале прогноз был положительным, что удивительно. Парню прописали обычный курс антибиотиков. Рассчитывая, что он начнет соблюдать правила гигиены, врачи ждали, что язвы пройдут. Но, как оказалось, пациент не очень-то стремился от них избавиться. Он *полюбил* свои язвы. В дальнейшем выяснилось, что он якобы потерял лекарства. Когда врачи стали допытываться у него, каковы истинные причины отказа от лечения, он признался, что все дело в сексе. Психиатры позднее объяснили:

Основным стимулом в воображении пациента был женский рот. Фантазия заключалась в том, что женщина облизывает пальцы или слегка прикусывает свои губы... Пациент прикладывает пальцы к язвам в паху или под мышками и слизывает гной... и находит его вкус и запах возбуждающим, хотя и не может указать точно, как именно... это вызывает сексуальную стимуляцию.

История этого одинокого толстяка показывает, как воображение может превратить самые нелепые вещи в предметы влечения. Вероятно, вы также обратили внимание, что в наших примерах фигурируют в основном мужчины. Мне бы хотелось рассказать вам и о парафилах женского пола, но не забывайте, что, по самым консервативным оценкам, соотношение мужчин и женщин среди парафилов – 99 к 1. Это огромное гендерное различие также проявляется в бесконечном диапазоне девиаций. Есть два исключения. Первое – это предметофилы. Среди них женщины с редким "соощущением персонификации предмета", возможно лежащим в основе этой парафилии, встречаются столь же часто, как и мужчины. Второе – садомазохизм: среди его приверженцев мужчин всего в двадцать раз больше, чем женщин. (И все же в этой подгруппе гораздо больше мазохисток, чем мазохистов. Мы до боли подробно обсудим садомазохизм в следующей главе.)

Здесь опять стоит обратиться к животным. Как и в случае коз и овец, которых поменяли местами, соотношение полов среди парафилов показывает разницу мужской и женской сексуальности. Самцы человека, чье эротическое сознание сформировалось в раннем детстве таким образом, что оно реагирует лишь на определенные стимулы, напоминают тех самых копытных, которые возбуждались не от представителей собственного вида, а от тех, среди которых они выросли. Будь то животные или люди, похоже, что половой импринтинг является чисто мужской особенностью. В отличие от самцов, козы и овцы испытывали возбуждение не только от самцов собственного вида, проявляя "эротическую гибкость" (то есть способность возбуждаться от широкого диапазона стимулов). Любопытно, что эротическая гибкость гораздо заметнее у женщин, чем у мужчин.

Социальный психолог Рой Баумейстер собрал данные о разнице между мужчинами и женщинами и вывел нечто вроде парафилической аксиомы: "К тому моменту, когда у мужчин начинают проявляться сексуальные вкусы, они менее склонны к изменению или адаптации, чем женщины". Огромный объем данных, которые он проанализировал, подтверждает теорию большей сексуальной гибкости у женщин

и ограниченный диапазон у мужчин. Женщины, считающие себя гетеросексуальными и находящиеся в отношениях с обоими полами, например, почти всегда занимаются оральным сексом с другими женщинами во время группового секса, в то время как гетеросексуальные мужчины из той же группы почти никогда не занимаются оральным сексом друг с другом. (Гетеросексуальные мужчины в группе обычно занимаются сексом только с женщинами.) И вообще женщины гораздо чаще мужчин считают себя бисексуальными. Также они более склонны менять сексуальную самоидентификацию с гетеро- на гомо- (и наоборот) во взрослой жизни. Более того, лесбиянки чаще, чем геи, заявляют, что их ориентация – это их выбор, что, конечно, имеет смысл лишь в случае, когда человек бисексуален и решает следовать одним из возможных путей. (Между прочим, если ханжа, выступающий против геев, искренне убежден, что это намеренный выбор или “образ жизни”, можно заключить, что частое употребление этим человеком таких слов вполне может быть лингвистическим отражением его или ее собственных бисексуальных желаний.)

Работа психолога Мередит Чиверс также иллюстрирует значительную гибкость женской сексуальности. Чиверс обнаружила, что и у гетеросексуальных женщин, и у лесбиянок наблюдается прилив крови к гениталиям (как реакция на половое возбуждение) в ответ на удивительно широкий спектр стимулов. Например, женские половые органы отзываются не только на предпочтительный пол (мужчин для гетеросексуальных женщин и женщин – для лесбиянок), но и на неpreferential пол. Они также демонстрируют признаки возбуждения на физиологическом уровне при просмотре видеозаписей того, как представители других биологических видов занимаются сексом, особенно на сцены половых актов у бонобо. Последний упомянутый результат был воспроизведен несколько раз, так что его нельзя списать на совпадение. Чиверс поясняет, что сами женщины не всегда осознают собственное возбуждение под влиянием таких стимулов. По крайней мере, они не признают возбуждение в той же степени, о какой свидетельствует объективное состояние их половых органов. Иными словами, у влагалища есть собственное мнение. Полагаю, всякое возможно, но вряд ли в женском мозге секс-парад^[49] возглавляет парочка совокупляющихся бонобо.

Когда Чиверс провела подобные эксперименты с мужчинами (не-парафилами), используя пенильный плезмограф (см. главу б), она обнаружила совершенно другую закономерность. В общем, в отличие от женщин, “южный мозг” мужчины находился в согласии с “северным”, то есть реакция пениса соответствовала тому, как мужчины сами описывали свои сексуальные ориентации. Если мужчина определял себя как гетеросексуала, его пенис реагировал на фотографии женщин и оставался вялым при виде обнаженных мужчин, а пенисы гомосексуалов вставали по стойке смирно при виде мужчин и опадали при виде женщин. Но даже самые откровенные сцены с участием бонобо оставили мужчин обеих ориентаций безразличными. Чиверс заключила, что у мужчин, в отличие от женщин, нет заметного различия между сознательным и подсознательным, когда речь идет о половом возбуждении^[50].

С точки зрения эволюции (другие интерпретации мне неизвестны) различия между полами при возбуждении объясняются тем, что женская половая гиперреактивность в далеком прошлом являлась адаптивной. Десятки тысяч лет назад даже после самых непривлекательных сексуальных сигналов мог последовать половой акт, так что хотела того женщина (взаимное согласие) или нет (изнасилование), способность к быстрому физиологическому возбуждению (вагинальному увлажнению) давала возможность застраховаться от травм. “Цена за отсутствие [генитальной] реакции на сексуальные знаки, включая неpreferential, – объясняет психолог Саманта Доусон, – для женщин выше, чем для мужчин”. Справедливость этой теории подтверждают также результаты исследований, согласно которым женщины реагируют возбуждением половых органов на изображения сексуального насилия, в то время как те же женщины сознательно объявляют насилие отвратительным, пугающим.

Нет нужды говорить, что рассмотренные случаи описывают относительные, а не абсолютные различия между мужской и женской сексуальностью. Тем не менее (как показывает работа Роя

Баумайстера, Мередит Чиверс и других ученых), если половой импринтинг у женщин и происходит на ранних стадиях развития, то для подавляющего большинства из них он может быть гораздо проще перезаписан, чем для мужчин^[51]. Стоит отметить, что классификация парафилов в ДСР не делит людей по признаку пола. Если бы не теория врожденных различий между полами, из-за которых этот раздел диагностического справочника остается почти исключительно вотчиной мужчин, трудно было бы объяснить это обстоятельство сексизмом. Я никогда не слышал, чтобы кто-то жаловался, будто парафилии – мужская привилегия, и я вполне уверен, что большинство мужчин-парафилов с радостью поделились бы этим “богатством” с прекрасным полом.

У мужчин-парафилов возникает эрекция так же, как и у не-парафилов. Просто их влекут необычные эротические объекты. Многие сексологи (и многие парафилы) убеждены, что это связано с неким событием или событиями раннего детства. То есть это половой импринтинг, как и у самцов крыс, сосавших пахнущие лимоном соски. У мужчин “отпечаток” проявляется очень рано, обычно между четвертым и девятым годами жизни, и правильнее думать об этой пятилетке (плюс-минус несколько лет в обе стороны) как о сенситивном, нежели о критическом, периоде. В подростковом возрасте этот эротизированный отпечаток пробуждается благодаря приливу гормонов (тестостерона), превращающих мужскую репродуктивную систему в работающую без выходных фабрику спермы (см. главу 3).

Со времен Штекеля большинство теорий, объясняющих причины парафилий, основывались на неофрейдистской психодинамике (где упор делается на бесконечную битву между сознательной и бессознательной сферами психики)^[52]. Но, вне зависимости от того, что вы думаете о Фрейде и его идеях, нет недостатка в исследованиях, подтверждающих справедливость теории полового импринтинга в отношении мужчин-парафилов. Вспомните, например, акротомофилов – любителей недостающих конечностей. Случилось так, что участник одного из обстоятельнейших исследований механизма возникновения девиантных желаний стал фетишистом-акротомофилом. Кажется, невозможно документировать все детали ранней биографии мужчины, чтобы определить роль каждого события в развитии пожизненного влечения к чему-либо (к тем же отсутствующим конечностям) – однако ученые фактически сделали это.

В 1963 году группа детских психологов (это были не фрейдисты) из Городского университета Нью-Йорка приступила к долгосрочному наблюдению за 131 ребенком (с момента рождения до шести лет). Целью исследования (его спонсором выступил Национальный институт здравоохранения) было изучение отношений матери и ребенка и их влияние на эмоциональное развитие и социализацию последнего. Ученые снимали на пленку взаимодействие матерей с детьми (например, при кормлении, или во время игры) и анализировали записи и сопоставляли уровень социализации ребенка с привязанностью к матери. И такая связь обнаружилась: у детей, прочно связанных с матерями (и отцами, как выяснилось), дела шли гораздо лучше и в школе, и за ее стенами.

В 1994 году другой команде ученых (на этот раз среди них были неофрейдисты) удалось разыскать большинство из тех, кто в 60-х годах участвовал в исследовании. Теперь им было чуть за тридцать. Психоаналитики Генри Мэсси и Натан Шайнберг провели с каждым очень подробное интервью и расспросили буквально обо всем, что произошло с ними со времени первого исследования. Результаты оказались поразительными. Те дети из видеозаписей 60-х годов, у кого были наиболее прочные отношения с матерями, превратились во взрослых людей с наиболее здоровыми социальными связями, включая отношения с супругами (у вступивших в брак). Но нас интересует другое: события раннего детства, которые могли повлиять на сексуальность. Большинство респондентов в этом плане оказались достаточно скучны, по крайней мере они не спешили делиться деталями. Единственным исключением оказался видный мужчина, женатый, занимающий управляющую должность в рекламной компании, который в ходе интервью слегка неохотно поделился с интервьюером: “Единственная странная черта моей половой жизни – меня возбуждают фантазии о сексе с женщиной без ноги”. Ему не удалось найти жену-ампутантку, но он нашел жену в полной комплектации, готовую симулировать отсутствие ноги (не знаю как) во время секса.

Вначале мужчина и не подозревал, как и почему эта пикантная деталь поглотила его внимание. Он вспоминал, что уже в возрасте пяти-шести лет испытывал возбуждение при мысли о женщине без ноги. Он даже невинно поделился этим наблюдением со своим приятелем примерно в том же возрасте. Он продолжал размышлять об этом в ходе интервью, и к нему пришло озарение. Мэсси и Шайнберг решили, что событие, о котором он вспомнил, и стало первопричиной его акротомофилии.

Эту ситуацию можно считать уникальной. Воспоминания этого человека удалось проверить благодаря подробным записям, собранным за много лет до описываемых событий. Парафилия уходила корнями в возраст, о котором он сам говорил: пять лет и три месяца. В 1968 году семейная пара из соседнего дома на время ремонта переехала в дом его семьи. Когда он обсуждал это вроде бы тривиальное событие, он внезапно вспомнил, что у привлекательной соседки нога была в гипсе, и это поразило мальчишеское воображение. Однажды муж с женой сидели за кухонным столом, а он играл под ним. Он видел, что поврежденная нога женщины лежала на коленях мужа, и он ласково гладил ее, как больную собаку. Он услышал, как кто-то спросил: "Когда это уберут?", и не понял, что речь идет о гипсе, а не о ноге. Он находился в том возрасте, когда мальчишки боятся, что отцы кастрируют их из ревности (не забывайте – работали неофрейдисты), и это опасение преобразовалось в парафилию, а женщины-ампутантки превратились в героинь, пожертвовавших конечностями, чтобы спасти его пенис. Запах гипса и образ культи впечатались в мозг, подобно прустовскому следу в памяти, оживленному подростками-андрогинами^[53].

Вероятно, фрейдистам объяснить акротомофилию проще потому, что речь идет о недостающей части тела, а таких историй предостаточно. Но я бы хотел рассказать еще одну историю. Кроме того, что она иллюстрирует половой импринтинг у мужчин, это одно из наиболее ярких проявлений комплекса кастрации. Психиатры Томас Уайз и Рам Калианам описали случай А., бухгалтера сорока девяти лет. Мальчиком он обнаружил в идеально организованной библиотеке своего отца-врача медицинские фотографии обнаженных ампутанток, и эти снимки вызвали у него половое возбуждение. После колледжа А. служил в армейских частях, расквартированных за границей, и нередко прибегал к услугам проституток-ампутанток. В возрасте двадцати восьми лет он вернулся в Америку и несколько лет спустя женился на женщине, в подростковом возрасте потерявшей ногу из-за остеогенной саркомы. Она, однако, стеснялась своего недостатка и одергивала А., когда он пытался ласкать или целовать то, что осталось от ее ноги. Они были женаты много лет, но никогда толком не обсуждали пристрастия А. В один прекрасный день жена обнаружила коллекцию порнографии с ампутантками, собранную мужем, что привело к ужасному скандалу.

Теперь у А. не было возможности дать выход акротомофилическим желаниям (мужчина вовсе не собирался изменять жене, но больше не мог заниматься самоудовлетворением, глядя на любимые картинки), и он оказался лишен "буфера", который все эти годы смягчал подсознательный страх кастрации. Психиатры считают, что в результате А. регрессировал до уровня Эдипа, восприняв роль ревнивого отца и одновременно начав фантазировать об отрезании пениса.

Должен сказать, что эта идея – достичь оргазма, совершая манипуляции с эрегированным пенисом и попутно воображая его же устранение, – одна из монументальнейших когнитивных задач. Тем не менее, А. с ней справился. Чего он, однако, не предвидел – так это боли и обширной кровопотери. Когда ситуация не получила желаемой эротической окраски, А. пришлось звонить в скорую помощь. Санитары обнаружили причину его страданий и упаковали ее в лед, а удивленные хирурги в больнице пришили на место теперь уже навсегда поникший пенис, и единственное удовольствие, которое его владелец отныне смог получать, было связано с опорожнением мочевого пузыря.

Хотя в психиатрии долго доминировал неофрейдизм, другие теории также объясняли парафилии. К сожалению, проверить их столь же трудно, как и гипотезу, будто бухгалтер-фетишист среднего возраста, одержимый ампутантками, отрезал себе пенис в отчаянной попытке устранить подсознательный страх

кастрации, сохранившийся с дошкольного возраста. В 80-х годах сексолог Джон Мани выдвинул теорию "карты эротической любви" (*erotic love map*), объясняющую формирование парафилий. Он считал, что люди рождаются со стандартным набором "инструкций", выполнение которых приводит к формированию "нормального гетеросексуального взрослого". Однако в раннем детстве могут произойти события, которые нарушат "естественный" ход событий, и развитие сексуальности может стать непредсказуемым. По мнению Мани, парафилии возникают не из-за импринтинга, а из-за того, что ребенок воспитывается в сексуально нездоровой среде^[54]. Особенно он критиковал культуру Соединенных Штатов, которую считал исключительно пуританской (и сравнивал с "ядовитым туманом во время биологической войны"), из-за чего, как ему казалось, увеличивается вероятность развития парафилий. Мани писал:

Как грибы, которые все равно пробьются сквозь асфальт, [карту эротической любви] невозможно законсервировать. Однако постороннее вмешательство может привести к нарушениям ее нормального развития. Обычные детские гетеросексуальные игры могут быть отягощены излишними запретами и наказаниями. В этом случае стандартная гетеросексуальная карта не развивается в мозге как положено^[55].

Эта теория не исключительно умозрительна. Мани, помимо убеждения в том, что вина за девиантность лежит на среде, одним из первых сексологов указал на то, что в племенных обществах о парафилиях и не слышали^[56]. Например, у африканского народа ила принято, что девочки, не достигшие полового созревания, в сезон урожая выбирают себе "мужа" среди ровесников и живут вдвоем, как муж и жена, что предполагает возможные половые эксперименты. Мани считал, что Запад сам порождает столько озабоченных. Мне кажется, он в чем-то прав. Жалобы о нашествии девиантов действительно звучат странно, если увидеть ситуацию с этой стороны: будучи обществом воинствующих невеж в вопросах секса, мы пожинаем то, что посеяли. Мани жалел этих маргиналов и видел в парафилах жертв большой культуры, которые не виноваты в том, что у них проявляются отклонения от "нормы":

[Парафилии] не выбирают по доброй воле. Их невозможно контролировать силой воли. Наказания их не предотвращают, уголовное преследование не истребляет, а лишь подпитывает. Человек с парафилией пережил катастрофу... Триумф заключается в том... что страсть уцелела в катастрофе, будучи перенесена на более безопасный объект в ходе парафилического повторения. К сожалению, эта победа мнимая, поскольку позднее она приведет к еще большей трагедии, как это присуще парафилиям.

Теория Мани о смещенной "карте эротической любви" связана с современными попытками объяснить истоки парафилий через эффект Зейгарник. Будь вы хоть парафилом, хоть нет, вам наверняка не раз доводилось испытать его на себе. Эффект Зейгарник обозначает неустанные попытки поиска, предпринимаемые мозгом, когда мы не завершили какое-либо действие. Например, вы внимательно смотрите кино, но в тот момент, когда близка развязка, включается пожарная сигнализация и вам приходится покинуть зал. Пока вы топчетесь у кинотеатра в надежде, что тревога ложная, мозг продолжает перемалывать сюжет. Не очень-то приятное чувство.

Перенесем эффект Зейгарник в контекст парафилий: если у ребенка зарождается половое чувство (что нормально), а его любопытство не удовлетворено, мозг запускает программу решения этой задачи. Секс таинствен, и дети чувствуют заговор молчания: взрослые, очевидно, скрывают нечто очень серьезное. (Интересно, что многие сексологи, включая Хэблока Эллиса, считали, что дети, отличающиеся любознательностью и умом – те, кто интуитивно решает задачи, – наиболее подвержены развитию парафилий.)

Большинство из нас считает детей четырех-девяти лет асексуальными, но если это действительно тот возраст, когда происходит половой импринтинг, отрицание детской сексуальности может увеличить вероятность того, что мы воспитаем чудесных девиантов. В конце концов, шансы на то, что сработает эротизированная версия эффекта Зейгарник, гораздо выше, если учесть, что мир ребенка, где якобы нет места сексуальности, на самом деле переполнен таинственными знаками. Возможно, когда у мальчиков сочетается генетическая предрасположенность к половому импринтингу и пытливость ума, требующая

разгадать тайну этих знаков, это преображает обыденные аспекты, которые в противном случае не несли бы сексуального подтекста. Смещение сексуального объекта воздействует на психику, на нейронные сети, отвечающие за половое возбуждение, и вуаля: получите парафилию. Возможно, обществу следует задуматься, в каком возрасте объяснять детям, что такое секс. Более полувека назад Альфред Кинси сокрушался о положении парафилов и прочих "извращенцев". Он указывал, что общество полагает, будто добилось морального прогресса в вопросах сексуальности: "Мы больше не сжигаем на кострах тех, кто одержим дьяволом от рождения, но возлагаем вину на человека за одержимость бесами, возникающую после рождения". К сожалению, это верно и сегодня. Но я убежден, что все может измениться. Чем лучше мы будем понимать друг друга, тем меньше станем бояться.

Глава

5

Пристрастия и пристрастность

Поскольку речь здесь идет о боли, это такая боль, которую мазохист способен обратить в удовольствие. Это страдание он, с помощью одному ему известной алхимии, может трансформировать в чистую радость.

Жан Полан, предисловие к роману Полин Реаж "История О" (1954)

Что первое приходит вам на ум, когда вы слышите "садо-мазо"? Велика вероятность того, что вы ответите: "Трилогия 'Пятьдесят оттенков'". Или же опишете чувственную сцену вроде этой: мерцающие свечи, кубик льда у торчащего соска, горячий воск, капающий на вздрагивающий обнаженный живот, маска, конская упряжь, туго перевязанная мошонка и роторасширитель на пружине... Ну-ну, уважаемые извращенцы, не увлекайтесь. В любом случае, доминантно-субмиссивные отношения ("раб" – "господин") встречаются чаще, чем может показаться. Около 11 % из нас, вне зависимости от пола, хотя бы один раз имели личный опыт садомазохизма, а 5 % мужчин и 7 % женщин признают, что в их эротическом репертуаре есть "словесное унижение", к которому они регулярно прибегают. И это лишь те, кто готов поделиться такими подробностями.

Большинство так называемых садистов в СМ-сообществе не такие уж на самом деле садисты, ну а "мазохисты" не особенно глубоко погружаются в свою роль. Джон Мани, писавший о типичном любителе бондажа и дисциплины, где большое внимание уделяется безопасности обеих сторон, называл его "бархатным драконом". Несмотря на то, что садизм включен в пятый пересмотр ДСР как одна из наиболее вредоносных парафилий, вряд ли врачи поставят психиатрический диагноз артистичной женщине, которая любит иногда связать "маленькую сучку", в чьей роли добровольно выступает муж, и цапнуть его за ягодицу. Такие игры могут причинить боль, но после них не потребуется реконструктивная хирургическая операция. Чтобы определить, попадает ли пациент в категорию истинных сексуальных садистов, психиатры оценивают два фактора: причиненная боль должна быть реальной, и садист получает удовольствие от того, как страдает человек, который не соглашался на это добровольно. Обычно парафилы-садисты попадают в поле зрения психиатров после того, как совершат преступление^[57].

Это вполне логично. Ведь боль приятна лишь тогда, когда она приятна. Когда сумасшедшие нападают на невинных, боль и секс против воли почти всегда идут рука об руку. Однако если применить те же два критерия к садомазохистам, которые отходят максимально далеко от торной тропы, известной другим членам сообщества, там достаточно боли и страданий. Но принимающая сторона пошла на это добровольно. Не забывайте, что вред определяется субъективно. Культурные различия играют не последнюю роль^[58]. А с мазохистами-экстремалами вопрос вреда очень усложняется. Например, вот случай "Мясника" (*Der Metzgermeister*) из немецкого Потенбурга.

Дело было еще до "Копы-каннибала" Джилберто Валле. (Полицейский из Нью-Йорка был признан виновным в том, что планировал похитить, убить и съесть женщину. Или съесть, а потом убить? Последовательность установить не удалось.) "Мясника" звали Армин Майвес. В обычной жизни мастер по ремонту компьютеров, Майвес весной 2001 года нашел мазохиста по имени Бернд Юрген Брандес, который желал быть съеденным. "Ищу хорошо сложенного мужчину восемнадцати-тридцати лет для забоя

и потребления”, – гласило объявление Майвеса на сайте *Cannibal Café* (который, спешу сообщить, давно закрыт). А Брандес, казалось, хотел быть тщательно переваренным. Даже Амур-психопат не смог бы подстроить более трагическую встречу. (После главы 4 вам, вероятно, хочется узнать, как называется парафилия, связанная с каннибализмом. Это ворарефилия – от лат. *vorare*, “глотать”, “пожирать”).

Из видеозаписи (этот кошмар был записан от начала до конца) явствует, что Майвес (поедающий) ничуть не принуждал Брандеса (поедаемого). Можно даже сказать, что мазохист сам подталкивал садиста. Брандес буквально умолял сомневающегося Майвеса откусить его пенис. Не будем вдаваться в подробности, но вскоре после этого Майвес поджарил на сковородке откушенный орган с вином и чесноком, и парочка *вместе* продегустировала его. (Впоследствии Майвес объяснил, что его “трудно прожевать”). Перематываем запись... и вот труп Брандеса висит на мясницком крюке в комнате-бойне в этом доме ужасов, хозяин которого постепенно поглотит двадцать килограммов отборного мяса. Я ни в коем случае не хочу сказать, что “С” или “М” в этом случае не были психически больными людьми. Не нужно быть психиатром, чтобы это понять. И все же если попытаться применить критерии ДСР относительно боли и согласия, есть неувязка: Майвес искал совершеннолетнего партнера. Теперь сложите вместе добровольное согласие и очевидное желание собственной смерти у мазохиста, и становится понятно, почему у судебного психиатра такая тяжелая работа. Поставить диагноз единственному выжившему партнеру из этого плотского союза может быть проблематично с философской точки зрения, учитывая крайне необычное отношение жертвы к произошедшему^[59].

Попытки объективно оценить боль и четко определить, что обозначает согласие, предпринятые для постановки диагноза “садизм”, столкнулись со сложностями на другом конце болевой шкалы. В данном случае проблема не в согласии (очевидно, что другой не хочет делать то, что приносит удовольствие садисту). Но есть некоторые виды сексуального поведения, которые со стороны не выглядят “болезненными” в обычном смысле. Нам даже может показаться, что в таких действиях нет ничего сексуального, но для того, кто совершает их, именно в этом заключается злой умысел. Возьмем, например, щекотку. Несмотря на то, что из-за щекотки человек может заливаться смехом и улыбаться до ушей, щекотка может быть крайне неприятной. Щекотание по взаимному согласию достаточно часто практикуют любители садомазохизма, и обычно это вполне безобидное занятие. Но когда человека щекочут против его воли, это превращается в пытку.

Если совместить садистские наклонности и титиллагнию (парафилию, при которой половое возбуждение возникает от щекотки), станет совсем не до смеха. Психиатр Эмиль Гутхальф в 1947 году занимался пациентом (женатый мужчина тридцати девяти лет, преуспевающий юрист из Нью-Йорка; любопытно, что именно там наблюдается много случаев девиантного поведения), который испытывал жгучее желание кого-либо пощекотать. И это было отнюдь не безобидное желание: наиболее частой фантазией этого человека во время мастурбации было защекотать кого-либо *до смерти*, по меньшей мере – до потери сознания. То, что мужчина был садистом, придавало случаю необычную окраску, однако он едва ли был первым, кто прибежал к щекотанию со злым умыслом. В Китае при династии Хань (III в. до н. э.) вельмож таким образом пытали, не оставляя на теле следов. А спустя много веков некая жительница Вены подала на развод из-за домашнего насилия: муж много лет, истязая, щекотал ее^[60].

Следуя теории полового импринтинга у мужчин, Гутхальф счел, что необычная страсть пациента берет истоки в детстве: в семилетнем возрасте тот однажды почувствовал возбуждение, когда во время игры его поборол и щекотал старший брат. Повзрослев, этот мужчина считал половой акт отвратительным и вместо этого истязал свою бедную жену. Психиатр отмечает также, что пациент иногда находил проституток, которые соглашались на то, чтобы их связывали и щекотали: “Но такие проститутки были слишком дороги, и он не мог позволить себе долго оплачивать их услуги”. Ранее мужчина платил мальчикам, чтобы они непрерывно щекотали друг друга, а он, глядя на это, мастурбировал, таким образом переживая сцену из детства, но теперь в роли наблюдателя.

Немного жаль, что этот человек жил в то время. Сейчас бы он точно нашел в интернете пару в лице кого-нибудь мазохиста с книсмолагнией (парафилия, при которой человек возбуждается от того, что его щекочут) или даже птеронофила (тот, кто возбуждается, когда его щекочут птичьим пером). Если бы этот пациент нашел себе подходящего парафила, его действия наверняка причинили бы гораздо меньше вреда его жене, проституткам и детям.

Садизм – не единственная парафилия, где вопрос вреда может вызвать сомнения как у психиатров, так и у любого, кто размышляет о необычной сексуальной жизни других. Как недавно напомнила нам милейшая Кейт Аптон, здесь просто не существует объективной реальности: то, что причинит вред мне, не обязательно повредит вам, и наоборот. Когда я закончу это предложение, цифра уже изменится, но пока на планете живет 7 088 343 858 человек. Пусть все на свете, кроме одного, ощущают вред абсолютно одинаково, и, тем не менее, тот единственный человек будет так же прав (или неправ), как и все остальные. Нет “единственно верного” восприятия секса. Это спорный вопрос, поскольку культуру направляет не логика, а огромная толпа. И все же даже если 7 088 343 857 человек воспринимают нечто определенным образом, оно не становится объективным фактом. Что причинило вред им всем, не причинило вреда ему. Все, вопрос закрыт. (Что для одного – кошмар, для другого – предел мечтаний.) Уверен, ворарефил Брандес сказал бы то же самое, если бы его уже не съели.

Все это замечательно, заметите вы, но как быть с более серьезными вопросами, чем спор о щекотании перышком? Например, что делать с педофилией? Неужели и в этом случае понятие “вреда” субъективно? И да, и нет. Мы ступаем на опасную тропу, и сейчас особенно важно ориентироваться на здравый смысл. Нет ни малейшего сомнения, что детям, подвергшимся сексуальному насилию, нередко причиняется непоправимый вред – не только психологический, но и физический. Только идиот станет отрицать, что дети могут долго и мучительно переживать насилие со стороны взрослых. Отрицание этого противоречит научным исследованиям, подтверждающим, насколько реальна такая травма.

Но исследования показали и то, что не всякий ребенок, вступивший в сексуальный контакт с взрослым, перенес травму. В следующей главе мы обсудим возрастные эротические ориентации (их минимум пять), но главное, что разница между шестилетним ребенком и шестнадцатилетним подростком поистине огромна. (Сам термин “педофилия” настолько часто употребляется неверно, что уже трудно вернуться к его изначальному смыслу. Область “хронофилии”, как называл ее Джон Мани, становится достаточно сложной.) Шестилетний ребенок, возможно, субъективно не испытает почти никакого вреда в тот момент, когда взрослый совершает с ним развратные действия, но это не значит, что ему не причинен значительный вред. По мере того, как дети взрослеют и начинают понимать, что именно с ними произошло, ситуация может восприниматься все более драматично. Можно сказать, что ребенок, подвергшийся сексуальному насилию, несет с собой всю жизнь бомбу с часовым механизмом. Есть некая вероятность, что она не взорвется, но если это произойдет, последствия будут катастрофическими. Нечто похожее может произойти и с подростками (многие из нас испытывают сожаление, что кто-то воспользовался нашей наивностью, в том числе и в вопросах секса), однако у шестнадцатилетнего подростка со столь же интенсивными гормонально-обусловленными желаниями, что и у взрослого, с которым он вступает в связь, тараканы в голове совсем другой породы.

Крайне спорный ответ “да” на вопрос о том, субъективен ли вред сексуальных отношений с взрослыми, относится к случаям, когда, став взрослыми, люди не воспринимают свои детские или подростковые отношения как травматичные. По неизвестной причине бомба не взорвалась. (И, как бы невероятно это ни выглядело, есть и те, кто во взрослом возрасте вспоминает произошедшее как положительное событие.) Что касается ответа “нет” на тот же вопрос, то он относится к тому, что по мере взросления отношение ребенка к сексу неизбежно меняется. Те, кто говорит, что шестилетняя девочка, которая не понимает, что с ней происходит, не пострадает, потому что в общем у нее все в порядке

(или даже “ей нравится”, как утверждают некоторые растлители малолетних), не понимают, что эмоциональные травмы имеют эффект замедленного действия и могут вызвать катастрофические последствия спустя годы. Если мы встретим эту девочку двадцать лет спустя, мы, вероятно, увидим женщину, разрушенную воспоминаниями о тех событиях, которые были абсолютно неважными для нее в шестилетнем возрасте. Бомба взорвалась.

И, несмотря на то, что не обязательно в каждом случае причиняется вред, крайне высок риск разрушения жизни ребенка ради желаний взрослого. (Обратите внимание, что это утверждение верно вне зависимости от культурных различий символического отвращения: если человек чувствует боль, вред от нее реален.) Когда речь идет о сексуальных экспериментах подростков со взрослыми, когда дистанция между субъективным настоящим и субъективным будущим немного сокращается, то некоторые исследователи считают, что вред не настолько существенен, как часто думают. Брюс Райнд, эксперт в области изучения “межпоколенческой сексуальности”, сам взорвал бомбу, опубликовав в 90-х годах, мягко говоря, вызвавшие споры результаты своего исследования. Почти полную уверенность в нанесении субъективного вреда – в прошлом, настоящем и будущем – гарантирует отсутствие *согласия* несовершеннолетнего. Речь идет не о юридическом смысле этого слова, а о согласии как психическом состоянии (то есть о желании и готовности что-либо сделать). Райнд занимался как раз последним, то есть согласием в психологическом смысле.

В 1998 году Брюсу Райнду и его соавторам, Филипу Тромовичу и Роберту Баузерману, удалось поставить Американскую психологическую ассоциацию (она, в отличие от Американской ассоциации психиатров, объединяет клинических психологов, ориентированных на научные исследования) в неудобное положение. Ассоциации пришлось публично признать: не во всех ситуациях секс взрослого и несовершеннолетнего причиняет последнему вред. Вернее, АПА сцепилась со всеми политиками страны из-за того, что стала отстаивать этот крайне неполиткорректный взгляд. Все началось с того, что Райнд и его коллеги опубликовали в “Психологическом бюллетене”, выпускаемом ассоциацией, результаты своего исследования. Авторы заявили: неверно называть “сексуальным насилием над ребенком” событие, которое сам ребенок, повзрослев, не воспринимает как причинившее ему вред или вред от которого невозможно определить известными эмпирическими методами.

Самым непростым для АПА было то, что это заявление являлось не просто спорной точкой зрения нескольких ученых. Исследование Райнда и его коллег представляло собой метаанализ ранее опубликованных данных о 35303 студентах со всего мира. Проект Райнда по изучению насилия над детьми отличался от прочих тем, что данные были взяты не из медицинских баз о взрослых людях (тех, кто обратился за помощью из-за проблем, проявившихся вследствие изнасилования и так далее в детском и юношеском возрасте), а были выделены методом случайной выборки из общего числа студентов. Используя широкую неклиническую выборку, Райнд и его соавторы обнаружили, что большинство из рассказавших о том, что до совершеннолетия они имели сексуальные контакты по взаимному согласию с совершеннолетними, были предрасположены к серьезным психологическим проблемам не в большей мере, нежели те, кто таких контактов не имел.

Очень важно помнить, что большинство этих психически здоровых людей не пали в детстве жертвами насилия. Среди них в основном были те, кто в подростковом возрасте имел некие сексуальные контакты с кем-либо по другую сторону проведенной законодателем черты, отделяющей подростков от взрослых (вскоре мы увидим, что в разных странах черта проведена по-разному, и в исследовании Райнда анализировались данные из многих стран). Кроме той странной истории с гебефилом-пигофилом (которому я не дал согласия даже после того, как он в четвертый раз схватил меня за костлявую задницу), у меня в детстве и юношестве не было подобного опыта с взрослыми людьми, и поэтому мне трудно судить. Но мне кажется, что если бы “мистер Апрель” 1991 года – мускулистый, зеленоглазый, с гладкими ногами, покрытыми капельками воды, с влажными волосами, одетый, как мне смутно помнится, лишь в набедренную

повязку – сошел с разворота календаря в комнате общежития моей сестры и поведал мне тайны любви между мужчинами, то в свои пятнадцать я не чувствовал бы, что мне причиняют вред^[61].

Возможно, вы подозреваете, что у Райнда и его коллег был некий умысел (многие обвиняли их в этом), однако они предупредили, что результаты их исследования не должны быть использованы для изменения существующих законов о сексе с несовершеннолетними. Скорее они стремились поставить под сомнение некоторые распространенные мнения о безусловном вреде таких экспериментов в период взросления. Но об этом узнала радиоведущая консервативных взглядов доктор Лора Шлезингер. (Ее степень, кстати, – по физиологии, а не по психологии, но это никогда не мешало ей давать советы относительно психического здоровья, одобренные ветхозаветными страшилками.) Она растревожила осиное гнездо, обвинив Райнда в занятиях лженаукой и в апологии педофилии. Вдобавок печально известная “Североамериканская ассоциация любви мужчин и мальчиков” (САЛММ) с восторгом восприняла результаты исследования и похвалила их на своем сайте. Вскоре разверзся политический ад.

О работе Райнда узнали (трудно сказать – от Лоры Шлезингер или благодаря сайту САЛММ) некоторые члены Конгресса. К весне 1999 года Аляска, Калифорния, Иллинойс, Оклахома, Луизиана и Пенсильвания вынесли резолюции, осуждающие выводы Райнда. Двенадцатого июля 1999 года произошло нечто, не имевшее прецедента в истории психологии. Нижняя палата Конгресса приняла резолюцию № 107, в которой 355 членов палаты (еще менее способных, чем Шлезингер, оценить работу по психологии) высмеяли эмпирическую работу Райнда и объявили (наплевав на данные), что все без исключения сексуальные отношения между несовершеннолетними и совершеннолетними являются насильственными и вредными. Несколько недель спустя Сенат единогласно одобрил антирайндовскую резолюцию (сто голосов за, против – ни одного). Ни один сенатор не осмелился пойти против течения. Ведь это бы обозначало конец его карьеры: он бы прославился как “тот самый извращенец”, признавший исследование Райнда^[62].

Тем временем члены экспертной комиссии АПА продолжали сражаться с вашингтонскими бюрократами из-за последствий публикации. В конце концов их дело – наука, а не морализаторство. АПА упорно защищала решение редактора “Психологического бюллетеня” опубликовать работу Райнда. Более того, она была тщательно проверена другими экспертами в этой области, после чего ее рекомендовали к публикации. Данные Райнда продолжают вызывать споры. Некоторые исследователи до сих пор считают спорными его методы и мотивы, а другие считают спорными мотивы тех, кто подвергает сомнению результаты Райнда. В результате ученые с обеих сторон решили на время оставить все как есть и “согласились, что можно не соглашаться друг с другом” (что на самом деле значит ругать друг друга себе под нос, но не устраивать публичных скандалов). В 2006 году психолог Хизер Ульрих воспроизвела результаты 1998 года и осторожно заметила, что презумпция безусловного вреда для несовершеннолетних от сексуальных отношений с взрослыми – это излишне упрощенный подход, не учитывающий всех различий субъективного восприятия людьми событий их собственной жизни.

Понятно, что невозможно занять сколько-нибудь устойчивую позицию по этому вопросу. Если из результатов Райнда вы вынесли, что “иногда допустимо” заниматься сексом с несовершеннолетними, для многих вы превращаетесь в сторонника соращения малолетних. С другой стороны, если вы считаете, что любой человек, занимающийся сексом с несовершеннолетним, манипулирует невинным ребенком, значит, вы сглаживаете спорные моменты. Эти разногласия возникают, по-моему, из-за того, что мы не определились с терминами. Когда именно заканчивается “детская невинность”? У большинства из нас есть некое представление о том, что когда-то она у нас была, но как измерить или эталонировать такое абстрактное понятие? В какой именно момент вы утратили невинность? Может, у вас ее никогда и не было? Или вы до сих пор ее не потеряли?

Не многие из нас наивны настолько, чтобы считать, будто это происходит в полночь, отделяющую детство от взрослой жизни, тем более что в разных культурах эта граница проходит в разном возрасте. Законы, определяющие возраст совершеннолетия, влекут множество неловких философских проблем, из-за которых ко многим (в том числе к самим подросткам, занимающимся сексом с кем-либо на три-четыре года младше их самих) в нашем обществе относятся несправедливо. Когда речь идет о сексе в определенный законом день, концепция "согласия" внезапно приобретает вместо хронологического психическое наполнение. Секс с кем-либо в день его или ее совершеннолетия (но прежде, чем часы пробьют полночь) превратит вас в преступника даже в том случае, если инициатива принадлежит не вам. Что при этом происходит в голове вашего партнера, в расчет никто не примет. В другой ситуации несовершеннолетний понесет такое же наказание, как если бы он был совершеннолетним – и как раз из-за своего умысла. Шестнадцатилетнего мальчика, который изнасилует женщину после того, как она отвергнет его притязания, скорее всего, подвергнут наказанию как совершеннолетнего. А женщину, которая уступит напору этого подростка, прокуроры сочтут преступницей (а его самого – жертвой). Иными словами, психическое состояние несовершеннолетних принимается в расчет лишь тогда, когда те сами причиняют вред. Не знаю, как вы, а я вижу здесь логическую неувязку.

Законы, устанавливающие возраст совершеннолетия, задуманы для того, чтобы защитить детей и подростков от сексуальных посягательств взрослых (к сожалению, таких много, и родителям есть о чем беспокоиться). Но прямолинейный подход к вопросу эмоциональной зрелости имеет свои недостатки. Хотя это и не поощряется, нет ничего противозаконного в том, чтобы заниматься сексом с взрослыми, чья умственная и эмоциональная зрелость в силу определенных причин осталась на уровне ребенка. Возьмем как крайний пример взрослых с синдромом Дауна. Средний уровень умственного развития у них сравним с уровнем восьмилетнего ребенка, и, тем не менее, заниматься сексом с ними не является преступлением, если человеку больше 18 и он "добровольно согласился" – в отличие от секса с семнадцатилетним подростком с трехзначным ай-кью. Так что если перед нами стоит задача защитить тех, кто может стать жертвой из-за своей интеллектуальной незрелости, стоит принимать в расчет хронологический возраст, а не уровень умственного развития. Давным-давно я имел несчастье сходить на свидание с взрослым человеком, не отличавшимся особым умом, и смею уверить, я убедился, что меры, предпринимаемые для защиты таких людей, часто не достигают своей цели.

Недавние исследования, проведенные когнитивным нейробиологом Сарой-Джейн Блейкмор, демонстрируют, что нет границы, четко отделяющей психологическую взрослость, основанную на анализе мозга. Префронтальная кора головного мозга, которая считается ответственной за принятие решений в половой сфере из-за ее ключевой роли в долгосрочном планировании, эмпатии и социальной осведомленности, продолжает развиваться до тридцати с лишним лет. У некоторых эта область мозга находится в стадии развития и на пятом десятке. Те, кто выступает за секс с несовершеннолетними, приводят аргумент, что в разных культурах возраст совершеннолетия определяется по-разному. Тут в правоте им не отказать, и возраст совершеннолетия меняется даже в одном культурном контексте.

Первый в истории закон, ограничивающий возраст сексуальных отношений, появился примерно за семьсот лет до того, как на телеэкраны вышла программа "Поймать хищника" (*To Catch a Predator*). В соответствии с Первым Вестминстерским статутом (1275), мужчина, вступивший в половую связь с несовершеннолетней (с ее согласия или без него), считался совершившим уголовный проступок (*misdemeanor*). Английские правоведы трактуют "совершеннолетие" в данном случае как возраст, в котором девушки могли законно вступать в брак, а в то время он составлял двенадцать лет. То есть если мужчина был женат на той же двенадцатилетней девочке, закон не применялся бы. В последующем законы, целью которых было защитить детей (девочек) от посягательств взрослых (мужчин), распространились по миру. И в каждом случае возраст совершеннолетия сильно отличался.

Так, в XVI веке североамериканские колонии восприняли британскую норму, определяющую "возраст согласия" в десять лет, и эта норма оставалась законодательно закреплена в тридцати семи штатах

до второй половины XIX века. Среди других штатов, существовавших в 80-х годах XIX века, лишь в девяти было принято решение повысить этот возраст до двенадцати лет. (В Делавэре возраст снизили до уму непостижимых *семи* лет.) Лишь к концу XIX века "возраст согласия" подняли до шестнадцати лет почти по всей стране. Инициаторы этой реформы изначально желали определить наступление совершеннолетия в восемнадцатый день рождения, и им по большей части удалось это к 1920 году. Некоторые члены феминистского движения даже надеялись повысить его до двадцати одного года, что совпадало с возрастом, когда женщины могли наследовать имущество^[63].

В Европе законодательство также менялось. В эпоху Просвещения во Франции и за ее пределами приобрели популярность идеи Жан-Жака Руссо. Его взгляд на ребенка как на "чистый лист" сохранился вплоть до наполеоновских времен, придя на смену отношению к детям как к маленьким взрослым. Под влиянием Руссо люди стали воспринимать ребенка как чистое создание, подверженное отрицательному либо положительному влиянию. Руссо заложил основы возрастной психологии, и в его время начали разделять детей по возрасту в ходе обучения. Теперь считалось, что психика детей и подростков качественно отличается от психики взрослых и что она поочередно проходит этапы эмоционального и когнитивного развития. (То есть развитие заключается не просто в накоплении фактов, а в том, что сам способ обработки информации и восприятия мира со временем претерпевает изменения.) Тем не менее сексуальное развитие детей и их готовность к сексуальным связям даже на пике этого радикального Просвещения рассматривалось как отдельная тема. В этот период "возраст согласия" во Франции составлял лишь одиннадцать лет и был повышен до тринадцати только в 1863 году.

К концу XIX века другие европейские государства, например Португалия, Швейцария, Испания и Дания, также установили барьер на уровне тринадцати лет. Сейчас Испания осталась единственной европейской страной, сохранившей этот "возраст согласия". Большинство других государств увеличили его до четырнадцати, пятнадцати или шестнадцати лет. После Промышленной революции детская проституция вынудила Англию и Уэльс поднять "возраст согласия" на Британских островах до тринадцати-шестнадцати лет, что отозвалось и в Америке.

В 20-х годах XX века в Чили "возраст согласия" составлял двадцать лет, сейчас – шестнадцать. Сто лет назад в Италии "возрастом согласия" были шестнадцать лет, сейчас – четырнадцать. Если проанализировать современные данные, складывается впечатление, что перед нами таблица случайных чисел от 13 до 21 (а это широкий диапазон): тринадцать – в Аргентине, восемнадцать – в Турции, шестнадцать – в Канаде, двенадцать – в Мексике, двадцать – в Тунисе, шестнадцать – в Западной Австралии, пятнадцать – в Швеции, и так далее. Историк Стивен Робертсон отметил, что "сейчас, более восьми столетий спустя после появления первого писаного закона о 'возрасте согласия', единственной константой остается отсутствие логики". Это напоминает сравнение двух противоречащих друг другу религий. Из наблюдения Робертсона можно сделать два вывода: либо в некоторых обществах установлен единственно верный "возраст согласия", а все остальные заблуждаются, либо каждое общество определяет "возраст согласия", исходя из собственных представлений о человеческой сексуальности и взглядов на психическое развитие. Объективный анализ противоречащих друг другу религий заставит нас признать, что нет доказательств в пользу первой версии. И, значит, мы имеем дело со второй.

В контексте нашего несколько провокационного обсуждения важно помнить о различии моральной логики, когда мы рассматриваем поступок как нечто гораздо более вредоносное, нежели мысль. Даже когда речь об "истинных педофилах" (тех, кто испытывает влечение к *детям*, а не подросткам), мысли, сколько неприятными они бы нам ни казались, не могут насиловать, растлевать, избивать. Не покидая сознания, такие желания не причиняют вреда детям: вред возникает лишь тогда, когда мысли воплощаются в поступки. Но есть еще один важный критерий парафилии, указанный в пятом пересмотре "Диагностического и статистического руководства по психическим расстройствам": дистресс (*см. главу 4*).

Так что вне зависимости от того, причиняет ли парафилия вред окружающим, она может вредить самому несчастному парафилу. Голоса, которые слышит шизофреник, могут вызывать у него дистресс вне зависимости от того, отвечает ли он вслух на эти галлюцинации. Если целый день некто провоцирует тебя или говорит гадости, жить очень непросто. Точно так же жизнь с парафилией может быть сущим адом, даже если она крепко заперта в черепной коробке. Парафилия – это видение мира через своеобразную сексуальную призму, и эту призму невозможно исправить или разбить, по крайней мере, не прибегая к лоботомии. Девиантные желания парафила гораздо тяжелее поддаются лечению, чем голоса, изводящие шизофреника. (А уж если вы шизофреник с парафилией, я могу лишь надеяться, что есть Бог, который пощадит вашу измученную душу.)

Из предыдущей главы, в которой затрагивались вопросы половых различий в половом импринтинге и эротической гибкости, мы узнали, что если у мужчины сформировались определенные сексуальные пристрастия, то изменению они не подлежат. Так или иначе, парафилу придется смириться с тем, что его пристрастия “общественно неприемлемы”. Хороший психолог может помочь ему скорректировать поведение, избежать явно неверных решений и бороться с дурными привычками, либо уменьшить либидо при помощи медикаментов (например, препарата депо-провера). Но все же уникальный набор предпочтений человека настолько глубоко укоренен в сознании, что его не изменить, как нельзя изменить отпечатки пальцев. Пересуды о том, следует ли рассматривать парафилию как “сексуальную ориентацию” и признать ее таковой по политическим и социальным причинам, не имеют никакого отношения к делу. Нет никаких сомнений, что парафилии – это сексуальные ориентации. Мозг парафилов направляет их к нетипичным эротическим объектам (или поступкам), как мозг других людей направляет их к нормальным объектам.

Педофилы не единственные, кому суждена жизнь, полная тревог. У тех, чьи эротические объекты буквально умещаются на ладони, ноша не менее тяжела. Это формиофилы (от греч. “муравей”). Трудности, возникающие у них в связи с такой необычной парафилией, описал в 1987 году психиатр из Шри-Ланки Ратнин Девараджа. К нему на прием явился замкнутый молодой человек, который попросил помочь ему избавиться от “отвратительной привычки”. (Я думаю, мы с вами давно перешли черту, и вас уже ничто не может шокировать.) Этот молодой человек помещал маленьких существ вроде улиток, лягушек, муравьев и тараканов на свои эрогенные зоны (обычно гениталии, анус и соски) и занимался самоудовлетворением, глядя на шевелящиеся жвалы насекомых или, может быть, на влажный след слизняка, с трудом преодолевавшего пересеченную местность мошонки. Девараджа так описывает жизнь этого человека с потухшим взглядом, словно сошедшего со страниц сценария к фильму Тима Бертона (если бы тот занимался нишевой порнографией): “Он был подавлен, у него не было ни работы, ни друзей. Большую часть времени он посвящал сбору [насекомых]”. После года психотерапии пациенту удалось снизить частоту формиофилических сеансов до одного раза в неделю (в начале лечения – три-четыре раза). “[Теперь] он регулярно вступает в общение с противоположным полом”, – с оптимизмом отмечал Девараджа (но оговорил, что “пациент еще не имеет опыта полового сношения”).

Из этой истории ясно, что у формиофила была нежелательная для него самого парафилия, которая портила ему жизнь. Субъективно она причиняла ему вред, потому что являлась причиной дистресса. Но обратите внимание, что формиофилия – не единственная причина дистресса. Если бы этот человек вырос в обществе, где формиофилы, например, почитались бы как воплощения божеств, то, скорее всего, его переживания были бы совсем иного свойства^[64]. Иными словами, уровень дистресса парафила прямо зависит от того, насколько в данном обществе отклонение считается опасным, смешным или позорным. Некрофилов, принимая во внимание объект их страсти, будут скорее демонизировать, а трансвеститы чаще становятся объектами насмешек (особенно в английских плохих скетчах). Стыдят (и боятся) сильнее всего педофилов. Когда человек всю жизнь вынужден защищать, обосновывать или скрывать парафилию, от которой и сам рад избавиться, в обществе, которое не только не понимает ее, но и не стремится к ее

пониманию, то очевидно, что такая ситуация – рассадник дистресса. Эти люди всю жизнь сидят в комнате ужасов, где, забившись в угол, нервно грызут ногти.

Гомосексуальность уже не считается парафилией, но я – гей, который первые двадцать лет жизни пытался сойти за гетеросексуала – могу уверить вас, что попытки скрыть свою истинную природу очень изнурительны. Предлагаю вам эксперимент. Представьте, что вы стали участником программы защиты свидетелей и вам жизненно понадобился новый образ – гомосексуала. Вы должны в одиночку уехать туда, где вас никто не знает, и ради вашей собственной безопасности, а также тех, кто вам дорог, убедить всех, что вы гей. Только не переусердствуйте: это вас выдаст. Придерживайтесь стереотипов, но не слишком, и не расслабляйтесь ни на минуту, потому что некоторые могут попытаться вывести вас на чистую воду, изображая, что “понимают” вас. Определить, не притворяются ли они, трудно, и поэтому лучше перестраховаться и исходить из того, что это ловушка. Следите за своими словами, взглядом, за тем, чем вы занимаетесь в свободное время, с кем вас видят, но будьте бдительны: насколько близко бы вы ни сошлись с кем-либо в этой вашей новой жизни, ни одна душа не должна узнать, что вы гетеросексуал. От этого зависит ваша жизнь и все, что вам дорого. Что бы вы ни делали, *не будьте собой*.

Если вы сможете прожить в таких непростых условиях двадцать, сорок, шестьдесят или восемьдесят лет и не начать испытывать дистресс, то в вас есть что-то нечеловеческое. А ведь многие именно так живут всю жизнь^[65]. Однако полно девиантов, которые не переживают из-за своей сексуальной ориентации. Большинство парафилий либо настолько редки (например, литофилия – влечение к камням), либо часты (фут-фетишизм и так далее), либо тривиальны (как катоптронофилия – потребность в сексе перед зеркалом), что для их носителей выглядеть “нормальными” не является вопросом жизни и смерти. Если они и поделятся своими предпочтениями с окружающими, им либо не поверят, либо сообщат, что “таких полно”, либо посочувствуют: “Вот это и есть твой *большой секрет?*”

Тем не менее есть сексуальные ориентации, которые невозможно скрыть, и испытующие взгляды могут причинять человеку страдания, особенно если ему не хочется привлекать внимание. Некоторые носят свою девиантность напоказ, как в случае трансвеститов. Есть множество категорий людей, которые носят одежду противоположного пола, причем у каждой группы собственная мотивация. У некоторых она явно сексуальная, а у других не имеет отношения к эротике. Бывают и те, чья мотивация ученым до сих пор не вполне ясна, и вскоре мы увидим, почему эта неизвестность продолжает оставаться причиной серьезных конфликтов. Какими бы ни были причины, вызывающие потребность преобразиться в противоположный пол, эти люди не могут всю жизнь прятаться. За неимением скелета подходящей формы и хорошего хирурга их девиантность очевидна.

Это не всегда плохо, особенно для тех, кто прятаться не желает. Вначале рассмотрим категорию трансвеститов, у которых в переодевании отсутствует сексуальная мотивация, или, по крайней мере, она не является главным источником вдохновения. У так называемых *drag queens* – мужчин, профессионально изображающих женщин, – сексуальная мотивация необязательна (как и у *drag kings* – женщин, на сцене изображающих мужчин). Преображение в другой пол для них – способ заработка; ими движет не либидо, а деньги, любовь к ремеслу и страсть к выступлениям (или сочетание всех трех факторов). Кроме того, есть мужчины-трансвеститы, для которых переодевание определенно носит сексуальный характер^[66]. Наибольшее возбуждение вызывает трение о кожу предметов женского туалета (обычно это нижнее белье под дорогим деловым костюмом); текстура ткани, тактильные ощущения и другие чувственные атрибуты одежды вызывают у них мысли о женщинах. Трансвестизм встречается не так часто, как садомазохизм, но и не редко: около 3 % мужчин-гетеросексуалов хотя бы раз в жизни возбуждались от переодевания в женскую одежду^[67]. Гомосексуалов-трансвеститов не бывает: женское белье напоминает о сексе с женщиной.

Среди тех, кто носит одежду противоположного пола, есть и люди, принадлежащие к трансгендерному сообществу. Они переживают так называемую гендерную дисфорию, то есть их биологический пол (определяемый хромосомами XX или XY) не совпадает с ощущением собственного пола, что может быть крайне неприятно^[68]. При описании гендерной дисфории обычно употребляется выражение "женщина в мужском теле", но бывают и обратные случаи, когда "мужчина находится в женском теле" (как в случае Чаза Боно, сына – ранее дочери – певицы Шер). Между теми транссексуалами, которые из мужчин превратились в женщин (МЖ), и теми, кто из женщин превращается в мужчин (ЖМ), есть большое различие. Большинство МЖ-транссексуалов (около 75 % в западном мире) гетеросексуальны, а почти все ЖМ-транссексуалы гомосексуальны^[69].

Тут начинается путаница, но на самом деле все не так сложно. Представьте, что каждый из нас состоит из трех частей. Во-первых, у нас есть биологический пол, мужской или женский (за исключением редких хромосомных отклонений), указанный в свидетельстве о рождении. Во-вторых, у нас есть ощущение половой принадлежности, гендер – субъективное восприятие того, мужчина вы или женщина. Обычно биологический пол и гендерная принадлежность совпадают. И, наконец, у каждого есть сексуальная ориентация, обозначающая, что нас привлекают мужчины, женщины или – в случае бисексуалов – и те, и другие. (Существуют и асексуалы, которых не привлекают представители ни одного из полов.) Важно понимать, что в каждом человеке пол, гендер и сексуальная ориентация могут сочетаться в любых комбинациях. У большинства пол, записанный в свидетельстве о рождении, соответствует самоощущению, а при достижении определенного возраста их привлекают представители противоположного пола. Но нередко встречаются и отклонения от нормы. У меня, например, сочетание "М – М – М", то есть мой пол от рождения – мужской, я всегда считал себя мужчиной, и меня всегда привлекали исключительно мужчины.

Когда речь идет о трансгендерах, терминологический туман скрывает ту или иную конфигурацию трех указанных элементов. Например, многих МЖ-трансгендеров привлекают женщины, поэтому после изменения пола с мужского на женский при помощи хирургической операции и приема гормональных препаратов они часто начинают считать себя лесбиянками. А женщины, которые изначально были лесбиянками, завершив смену пола на мужской, становятся в своих глазах мужчинами-гетеросексуалами. Но в то время, как внешние половые признаки могут подвергаться кардинальным переменам, эротические пристрастия (по крайней мере, у тех, кто родился мужчиной) остаются неизменными. Иными словами, вне зависимости от гендера (субъективной половой принадлежности), если человек, родившийся мужчиной, является гетеросексуалом, а спустя тридцать-сорок лет меняет пол на женский и приобретает соответствующие половые признаки, ориентация этой новой женщины останется той же. (Спросите у любой жены – или бывшей жены, муж которой стал женщиной. Ее супруг ни минуты не был геєм.) Этот человек может считать себя теперь лесбиянкой, но его (ее) ориентация осталась прежней.

Вот мы и пришли к серьезному конфликту. Противостояние приверженцев двух теорий стало настолько жестким, что дело дошло до угроз и взаимных оскорблений в социальных сетях^[70]. Большинство ученых придерживается мнения, что у транссексуальных геїв и лесбиянок отсутствует эротическая мотивация к перевоплощению в противоположный пол, а движет ими желание избавиться от гендерной дисфории (чаще всего это люди, которые были очень женственными мужчинами или мужеподобными женщинами). Однако некоторые известные сексологи убеждены, что в случае с гетеросексуальными транссексуалами (МЖ, у которых отсутствуют явные признаки "женственности", в отличие от их гомосексуальных МЖ-собратьев) дело обстоит иначе. Противоречивая теория, которую я вам сейчас изложу, относится исключительно к одной категории трансгендеров: людям, биологический пол которых – мужской, гендер – женский и которых всегда интересовали исключительно женщины.

Начало спора об "истинной" мотивации этих (с точки зрения биологии) мужчин, которых привлекают женщины, относится к 1989 году. Тогда психолог Рэй Бланшар провозгласил существование парафилии, заключающейся в том, что "мужчина возбуждается от мысли о себе как о женщине". Бланшар назвал это

явление *аутогинефилии*. По мнению Бланшара и его единомышленников, гетеросексуальные МЖ-транссексуалы желают стать женщинами не столько затем, чтобы облегчить дискомфорт от гендерной дисфории, а чтобы приобрести тело желанного эротического объекта. Как вы можете представить, эта теория не нашла популярности у транссексуалов. Многие из них решили, что их считают лжецами, когда они говорят о гендерной дисфории.

Но Бланшар не взял теорию с потолка. В 1986 году он пригласил для участия в эксперименте группу гетеросексуальных МЖ-транссексуалов (до операции). Бланшар дал им задание пофантазировать о том, как они надевают женскую одежду, наносят макияж и так далее. К пенису каждого был прикреплен плетизмограф, с помощью которого экспериментатор измерял степень полового возбуждения.

Бланшар отметил, что "значительная" эрекция наблюдалась даже у мужчин, утверждавших, что для них переодевание связано не с сексом, а лишь с тем, что "в душе они женщины". При этом, предупредил ученый, эти мужчины не обязательно глгали; он предположил, что они просто не признавались себе.

Если Бланшар прав, то аутогинефилия – это ярко выраженная форма трансвестизма. Этих мужчин возбуждает не только одежда, но и образ женщины как таковой, женская суть, к которой они стремятся. Имея в виду, насколько предвзято к таким людям относится общество (представьте, что о вас без тени смущения говорят "оно" и "это существо"), нетрудно понять, почему концепция аутогинефилии обидела многих в трансгендерном сообществе. Однако, кроме данных самого Бланшара, существует немало подтверждений его теории в старых материалах. Вот, например, запись 1940 года, в которой пожилой трансвестит описывает свои ранние эротические воспоминания. (Я обнаружил этот анонимный фрагмент в архиве Альфреда Кинси в Университете Индианы)^[71]:

Моя сексуальная жизнь началась в возрасте двенадцати или тринадцати лет. И она сразу же была связана с желанием носить одежду для девочек. Я обнаружил, что стоит мне надеть платье, юбку или туфли на каблучке, как у меня возникала эрекция. Позднее я спрашивал других трансвеститов, испытывали ли они нечто подобное, и ответы почти всегда были положительными. Если мне нужно было получить сексуальное удовлетворение, все, что мне нужно было сделать – это надеть женскую одежду, или подумать о мальчике, переодетом девочкой, или взглянуть на фотографии мужчин, изображающих женщин... Я отождествлял себя с женским образом.

Ни одна современная сексологическая теория не вызвала столько споров, сколько теория аутогинефилии Бланшара. Несмотря на нападки, никто пока не предпринял попытку повторить эксперимент. Вне зависимости от того, верна теория Бланшара или нет, трудно представить более безобидную парафилию, нежели аутогинефилия. (Человек возбуждается от мысли о себе в образе идеализированного представителя противоположного пола.) Неважно, что выступает "истинной мотивацией": эротические предпочтения или гендерная дисфория, однако дистресс, от которого нередко страдают транссексуалы, возникает из-за того, что это не представляющее угрозы меньшинство ведет скрытную жизнь среди нетерпимого большинства.

Однако бывает, что сама парафилия становится причиной схода лавины дистресса, и это никак не связано с общественной атмосферой. Вспомним, например, двадцатилетнего фетишиста-чихуна из Лондона. Не путайте это с практикой "носолингуса" (сосание носа партнера для получения сексуального удовлетворения). Этот молодой человек (кстати, он актер) имел совсем иные назальные пристрастия. Не могу сказать, как это называется: эта парафилия настолько необычна, что пока не нашелся ученый, который подобрал бы греческое слово. Но больше всего пациента возбуждало – быть свидетелем приступа чихания привлекательного мужчины. Психиатр Майкл Кинг объясняет: "Его интерес был во многом связан с желанием уметь так же привлекательно чихать". Ни врач, ни пациент не могли с уверенностью сказать,

что послужило толчком для необычного стремления. В соответствии с теорией полового импринтинга это могло быть связано с тем, что в детстве пациент часто страдал от аллергии.

В сравнении с прикладыванием к заднему проходу беспозвоночных такой фетиш даже мил. Но страсть этого молодого человека портила ему жизнь. За каждым углом его ждал взрыв чихания, и это приводило к весьма неуместным оргазмам. К тому же, в свободное от работы на сцене время, парень отчаянно пытался повысить собственную привлекательность, изображая "красивое" чихание. Этим он лишь убедил всех, что постоянно болеет, и его вполне предсказуемо (адаптивная реакция на демонстративное распространение микробов) стали избегать. Однажды он завязал отношения, но приревновал к манере чихания своего партнера, и тот в итоге собрал чемодан и ушел. Ну, парень хотя бы попытался. Вообразите лицо человека, который вот-вот чихнет. Не самый выигрышный ракурс, не правда ли?

Субъективность, дистресс, вред, девиантность, дети, невинность, моральное осуждение, индивидуальные различия, половой импринтинг, религия, общество, психические заболевания – все, как видите, очень запутано. Эта тема столь же неопытна, как и носовой платок фетишиста-чихуна в конце дня. Но чтобы увидеть, насколько все запутано, надо рассмотреть тему вблизи. То, что мы увидели в этой главе, не всегда приятно, и все же это лучше, чем соблюдать дистанцию. Общественное обсуждение заканчивается бесконечным переключением вины друг на друга за то, что некоторые из нас не соответствуют эротическим стереотипам. В этом винят людей, которые якобы сами решили стать девиантами, порнографию, дьявола (куда же без него!), плохих родителей, плохие примеры для подражания, культуру, подавляющую сексуальное выражение, а также психиатров, которые продолжают считать представителей сексуальных меньшинств "больными". Это бесконечный спор. С позиций морали единственное, что имеет значение – это причиняет ли определенная девиация вред. Если нет, а мы тем не менее продолжаем третировать человека, то мы перестаем быть положительными героями и становимся злодеями.

Глава

6

Подобающий возраст

Уайльд. Когда мы познакомились, ему было около шестнадцати.

Прокурор. Пытались ли вы когда-либо поцеловать его?

Уайльд. Что вы, ни в коем случае! Он меня не интересовал. Он был, к сожалению, крайне несимпатичным.

Из показаний Оскара Уайльда (3 апреля 1895 года)

Давайте ненадолго покинем лаборатории, судебные залы, кабинеты психиатров и отправимся в Лас-Вегас. Представьте, что вы заходите в огромное казино, проходите через галереи звенящих и перемигивающихся лампочками игровых автоматов, пересекаете вычурное фойе (здесь позолота и зеркала), минуете завсегдаев заведения с отсутствующим взглядом, похоже, приросших к стульям, и останавливаетесь перед внушительным игровым автоматом. Вы сразу замечаете, что это не простая машина. Это игровой автомат сексуальных наклонностей. Звучит забавно, но ставки здесь колоссально высоки. Во-первых, вы играете не за себя, а за другого человека, который еще не родился и даже еще не зачат. И хотя игра никак не повлияет на вас, жизнь – половая жизнь – этого человека в ваших руках. Если вам повезет, он получит спокойствие, любовь, семью и людскую приязнь. А если вы окажетесь в проигрыше, этому человеку предстоит жизнь, полная страданий, тревоги, ненависти к себе, стыда и одиночества.

Поскольку в случае выигрыша сами вы не получите ничего, играть можно бесплатно. И, в отличие от игры с большинством "одноруких бандитов", в данном случае ваши шансы (или, скорее, шансы той безымянной души, за которую вы играете) велики. Однако сыграть можно лишь однажды, и вы ощущаете неловкость из-за такой ответственности. С другой стороны, чтобы ребенок появился на свет, кто-нибудь должен сыграть в эту игру, и если вы откажетесь, это сделает другой. Поэтому вы делаете глубокий вдох,

представляете себе личико ребенка, за которого вы ввязались в эту дьявольскую игру, протягиваете руку к "бандиту" и дергаете рукоятку...

Об "одноруком бандите" известно следующее. Как и любой другой игровой автомат, он запрограммирован так, чтобы по собственному алгоритму выдавать случайный результат. Единственная разница в том, что алгоритм учитывает множество факторов, которые в совокупности определяют сексуальность человека: гены, внутриутробное развитие, биохимия мозга, события в раннем детстве, взаимоотношения в семье, культурная среда и бесчисленное количество прочих переменных. Это сложная система, которую невозможно разобрать на части и которой уж точно невозможно управлять. Если хотите, можете держать кулаки или молиться, пока барабаны вращаются, но какие бы ритуалы вы ни совершали, на результате это не скажется.

Ну, по крайней мере, правила игры ясны. Вы видите, например, что у машины четыре окошка в ряд. Результат в каждом из них будет отражать определенный аспект человеческой сексуальности. В первом окошке барабан, определяющий *сексуальную ориентацию*. Здесь четыре варианта: гетеро-, гомо-, би- или асексуальность. Во втором окошке – *эротический объект*: другой человек, животное, неодушевленный предмет или вовсе ничего (у асексуалов). В третьем окошке – преобладающее *эротическое поведение*: нормальный половой акт, парафилия ритуала ухаживания (эксгибиционизм, вуайеризм, фроттеризм и так далее), какая-либо иная из множества парафилий или исключительно мастурбация. Наконец, в четвертом окошке будет показана уготовленная для человека *эротическая ориентация по возрасту*. (Именно о ней пойдет речь в этой главе.) Последний барабан предполагает шесть вариантов: педофилия (дети), гебефилия (подростки), эфебофилия (подростки старшего возраста), телейофилия (взрослые), геронтофилия (пожилые) и пробел (на случай асексуальности). Как всегда с "однорукими бандитами", главное – это выпавшая комбинация.

Скорее всего, после того как вы потянете рычаг, вы увидите наиболее вероятное статистически сочетание: гетеросексуал – человек – нормальный половой акт – телейофилия. Если так, можно поздравить того, для кого вы только что выиграли социальный джек-пот. Вы обеспечили ему или ей жизнь нормального человека, который с наибольшим удовольствием будет заниматься нормальным сексом с другими взрослыми в рамках добровольных отношений. (А если не рожденный пока младенец – девочка, ее шансы сразу улучшаются. Например, 99 к 1, что она получит выигрышную комбинацию.)

Но причина, в силу которой играть в эту игру – сущая нервотрепка, заключается в том, что, как говорил Форест Гамп, никогда не знаешь, какая начинка попадет. В нашем случае всякий раз, когда мы беремся за рычаг, мы будто берем шоколадную конфету из коробки. Почти ничтожна вероятность того, что человеку достанется следующая комбинация: бисексуал – животные – парафилия ритуала ухаживания – геронтофилия (это вполне может обозначать, что еще не родившееся создание будет с удовольствием демонстрировать свои гениталии буйволам обоих полов на последнем издыхании). Тем не менее, это странное сочетание в принципе возможно. Вероятнее всего отклонения от наиболее частой комбинации будут встречаться в одном-двух факторах. В наши дни некоторые комбинации могут принести общественные дивиденды. Предположим, вам досталась комбинация: гетеросексуал – человек – прочие парафилии (сексуальный мазохист) – телейофилия. Радуйтесь: Э. Л. Джеймс и ее трилогия о "пятидесяти оттенках" помогли стереть клеймо с желающих быть закованным или выпоротым, ну а садистов, готовых предложить свои услуги, всегда в достатке. Но все может быть гораздо хуже. Ведь отклонение всего в одном аспекте может обозначать настоящий конец света, например в комбинации "гетеросексуал – человек – нормальный половой акт – педофилия". И если кому-то выпала такая участь, его ожидает очень тяжелая жизнь.

Никого в нашем обществе не боятся и ненавидят так, как педофилов. Но так было не всегда. Из предыдущей главы, где мы говорили о "возрасте согласия", мы узнали, что "педо-паника" имеет

недавнее происхождение. Мелани-Анжела Нейи и Кристен Згоба, социологи, проанализировали закономерности освещения темы насилия над детьми в американской и французской прессе. Они провели контент-анализ статей за пятнадцать лет в достаточно либеральных газетах "Нью-Йорк таймс" и "Монд". Нейи и Згоба выяснили, что слова "педофил" и "педофилия" почти не появлялись ни в одном, ни в другом издании до 1995 года. Исследователи приурочивают начало "педо-паники" к середине 90-х годов, когда дома у многих появился интернет и резко увеличилось количество киберпреступлений, связанных с детьми. Но главным событием, давшим толчок панике, стал скандал в католической церкви в 2002 году. Причем новую жизнь обрело не только слово "педофил". Частота употребления словосочетания "сексуальный хищник" (*sexual predator*) в 1990–2005 годах выросла на 900 %. Поразительно, что когда паника усиливалась, в обеих странах заметно снижалось количество зарегистрированных случаев насилия над детьми.

Я понимаю, что об этом страшно и подумать, однако если видеть в каждом встречном коварного педофила, то вряд ли стоит говорить о здоровье общества. Не сомневаюсь, что и сам параноидально стремился бы защитить своих воспитанников от педофилов, если был бы родителем (по крайней мере тех воспитанников, которые не лают, не грызут обувь и не виляют хвостом – садисты-зоофилы вызывают у меня одновременно страх и ярость). Как бы то ни было, есть объективная научная реальность, и ради всеобщего психического здоровья нам следует внимательно ее рассмотреть.

Если исходить из того, что вы не педофил и не геронтофил и, следовательно, вас не возбуждают ни восьмилетние, ни восьмидесятилетние, я полагаю, вы согласитесь со мной: вы не выбирали самостоятельно возрастную эротическую ориентацию, как не выбирали, быть ли вам геем, гетеро- или бисексуалом. Хотя утроба вашей матери не слишком напоминала казино (хотя кто знает, чем она питалась в период беременности), тем не менее барабаны игрового автомата начали вращаться в тот момент, когда сперматозоид оплодотворил яйцеклетку, а (если вы мужчина) остановился примерно тогда, когда вы задували свечки на торте в десятый день рождения. Дамы и господа! Вот суровая реальность: так же, как ребенок может быть гомосексуалом, он может быть и фетишистом, садистом или даже, как ни странно, педофилом. Гормональные изменения, которые пробудят его или ее сексуальность и из-за которых ребенок, возможно, станет (потенциально) опасным взрослым, наступят несколько лет спустя, но это неважно. Барабаны почти остановились.

Когда педофил станет взрослым, он может быть с нами полностью согласен и ясно сознавать, что лишь взрослые обладают достаточной эмоциональной зрелостью, необходимой для нормальных половых отношений. Однако, поскольку взрослые не вызывают у педофила сексуальных реакций, это бессмысленно. Уговаривать педофила, что его должны привлекать взрослые, а не дети, – все равно что говорить лесбиянке, что ей просто пока не встретился хороший парень, или убеждать транссексуальную женщину, что ее гендерная дисфория скоро пройдет, или уверять мужчину-гетеросексуала, что ему очень понравится анальный секс с женщиной (удачи вам с последним пунктом). Так что если мы стремимся искоренить сексуальное насилие над детьми, нет смысла просто стоять с огромной судейской метлой и заматывать в тюрьмы и лечебницы бесконечное множество взрослых педофилов, в то время как появляются все новые и новые. Для начала надо понять, почему их так много и как они к этому пришли.

Все это очень непросто. Первым шагом может стать признание того, что педофилия – это действительно сексуальная ориентация. И как в случае любой сексуальной ориентации, причины надо искать в раннем развитии, а не в извращенном противоправном решении взрослого "стать" педофилом. Не все даже из тех, кто занимается наукой, готовы занять объективную позицию, не подразумевающую моральных оценок этой проблемы. Но когда это произойдет, возможно, исследования других, менее проблемных ориентаций, дадут подсказки, как изучать определенные черты в детстве, чтобы предсказать, станет ли ребенок педофилом.

В начале 90-х годов сексологи Дж. Майкл Бейли и Кеннет Цукер стали пользоваться термином "пре-гомосексуальность" для описания детей, которые с высокой долей вероятности станут предпочитать

представителей своего пола. Используя множество методов (в том числе долгосрочное наблюдение за детьми по мере их взросления, а также ретроспективные исследования, в рамках которых взрослые гетеро- и гомосексуалы рассказывали о детстве), ученые выделили факторы, которые предсказывают вероятность развития гомо- или гетеросексуальности за пределами статистической погрешности. Оказалось, что старые стереотипы имеют наибольшую прогностическую ценность. Существует множество исключений, но, грубо говоря, проявление "нетипичных" для своего пола черт в раннем детстве наиболее тесно связано с гомосексуальностью во взрослом возрасте. Девочки, склонные к агрессивным играм с мальчиками, скорее станут лесбиянками, чем их сверстницы, а у мальчиков, которые любят играть в куклы и наряжаются вместе с девочками, больше шансов стать геями. Нам может это не нравиться, но в основе этих стереотипов – реальность^[72]. В работе Бейли и Цукера описывается лишь статистически значимая закономерность, а не некий непререкаемый закон квир-вселенной. Бывает и так, что вполне мужественные мальчики становятся геями, а среди будущих лесбиянок встречаются принцессы, играющие в куклы. Но авторы исследования действительно обнаружили "накопительный эффект": чем больше у ребенка проявляется нетипичных для его пола признаков, тем выше вероятность того, что он станет геем или лесбиянкой. (У меня, например, проявлялись черты обоих полов: в начальной школе на переменах мне нравилось играть в классики больше, чем в футбол, но когда я играл в спортивные игры, я был известен как безжалостный коротышка, который больно пинался.)

В принципе, используя предсказательный подход, можно определить, у кого из детей больше шансов, вырасти, превратиться в "ценителя малолетних" (*minor-attracted adults*) – это самоназвание придумали педофилы и гебефилы. Очевидно, большинство родителей без энтузиазма отнесется к тому, чтобы называть своего семилетнего ребенка "пре-педофилом", но это не значит, что эта концепция не имеет смысла. И если нами движет искреннее желание уменьшить вред, причиняемый детям, попытки эмпирического анализа, подобного описанному, могут оказать большую помощь. Вероятно, в том возрасте, когда станет можно научно определить, что некто – педофил, будет уже невозможно изменить его возрастную эротическую ориентацию. Но если с умом подойти к этому, можно повлиять на ситуацию, просвещая этих молодых людей об испытании, выпавшем на их долю, и об ответственности, которая лежит на их плечах. Подобная рациональная реакция может помочь пре-педофилам справиться со страхом отверженности. Когда они начинают сознавать, что по мере того, как они взрослеют, их продолжают привлекать те, кто гораздо младше, в отсутствие общественной поддержки у них возникают симптомы дистресса. (Недавнее исследование показало, что педофилы и гебефилы начинают узнавать – и волноваться по этому поводу – о природе своих запретных желаний в возрасте шестнадцати-семнадцати лет.) Никому от этого хорошо не становится. Если среди нас будут ходить педофилы-мизантропы и обвинять окружающих в своей тяжелой доле, то это просто вопрос времени – когда именно сработает взрывное устройство. В такой ситуации им будет легче оправдать и рационализировать любой вред, который они могут нанести, и в результате риск для детей увеличится.

И все же, чтобы этот предупредительный подход возымел должный эффект, кроме логики и здравого смысла (а эти элементы в атмосфере паники обычно быстро выходят из строя), необходимо иметь гораздо более глубокое понимание педофилии, чем нынешнее. В отличие от пре-гомосексуалов, которых часто видно невооруженным глазом, у потенциальных педофилов нет столь заметных черт, которые могли бы представлять научный интерес. Не существует эквивалента "хлюпика" среди пре-педофилов. К тому же вам вряд ли удастся найти взрослых открытых педофилов, кроме уже пойманных полицейскими. А если изучать детские воспоминания этих людей, они могут выявить черты не столько пре-педофилии, сколько неумения держать себя в руках.

Дело осложняется и тем, что, по словам судебного психиатра Майкла Сето, правоохранительная система различает два типа педофилов-нарушителей: тех, чьи преступления не подразумевают непосредственного контакта с жертвой (обычно что-то связанное с детской порнографией), и тех, кто был

в непосредственном контакте с детьми (растлители). Очевидно, что эти категории нарушителей не взаимоисключающие, но ясно также, что между ними есть различие. Сначала рассмотрим первый тип.

Сето пишет, что статистически лишь один из восьми мужчин, арестованных за владение детской порнографией, совершил также преступление, когда он прямо контактировал с ребенком. И, несмотря на мнение, будто мужчины, которые смотрят детскую порнографию, рано или поздно причинят вред ребенку, статистика свидетельствует об обратном. Сето пишет, что эти люди в большей степени склонны к сопереживанию, не характерному для нарушителей, ищущих контакта. Педофилы не обязательно жестоки. Их нормальная способность к сопереживанию помогает им держать себя в руках.

В 2011 году биолог Милтон Даймонд опубликовал результаты исследования о детской порнографии, которое вызвало ожесточенные споры. Прежде считалось, что чем доступнее эротика и порнография, тем реже совершаются преступления сексуального характера в отношении женщин (для потенциальных преступников-мужчин мастурбация при просмотре порнографии "замещала" сексуальное насилие). Даймонд продемонстрировал, что в обществах, где в определенный период была разрешена детская порнография, в тот же период число зарегистрированных случаев насилия над детьми уменьшалось. В 1948–1989 годах в Чехословакии было строгойше запрещена демонстрация сексуальности во всех формах (под запретом находились даже относительно невинный "Плейбой" и дешевые любовные романы, хотя, думаю, мне все же удалось бы достать спортивные журналы с мускулистыми мужчинами). В 1989 году коммунистический режим рухнул и ускоренными темпами начала развиваться доморощенная порноиндустрия. Практически моментально чехи из зоны тотального запрета переместились в зону свободного рынка, где все было дозволено и можно было законно приобрести любую порнографию, включая детскую. Сравнивая статистику сексуальных преступлений против детей за семнадцать лет до бархатной революции с уровнем 1989–2007 годов, Даймонд заметил резкое уменьшение зарегистрированных случаев сексуальных преступлений не только в отношении детей, но и женщин. (Преступления несексуального характера, напротив, в тот же самый период участились, то есть нельзя объяснить данные о сексуальных преступлениях улучшением общественного настроения в связи с политическими переменами.)

Данные Даймонда говорят сами за себя, и нет причин сомневаться в их достоверности – как и в справедливости теории катарсиса из-за доступности для масс порнографии. Результаты его исследования настолько сложно принять по причине того, что речь идет о *детях*. Тем не менее, анализ японской и датской статистики подтвердил, что доступность легальной детской порнографии прямо связана со снижением уровня насилия над детьми (то же самое вы услышите от многих педофилов и гебефилов – что порнографические материалы помогают им избежать причинения прямого вреда детям). И все же трудно решить, как применить эти данные. Допустим, меньше детей подвергнется насилию благодаря доступности детской порнографии, но что делать с детьми, которые участвовали в производстве этого "эрзаца"? Для них это не замещение. Даймонд и его чешские соавторы признают: "Мы не одобряем участие детей в производстве и распространении порнографии, но использование искусственно созданных материалов может помочь решить эту проблему". Впрочем, в большинстве стран детская порнография, созданная при помощи компьютера, также категорически запрещена, так что и этот вариант в настоящее время не годится. Нам, конечно, может быть это неприятно, но запрещение искусственных детских моделей, созданных специально для педофилов, не имеет большого смысла, если рассматривать этот шаг в контексте причинения вреда. Даймонд убедительно продемонстрировал: такой запрет увеличивает вероятность того, что пострадают реальные дети. В отсутствие искусственных эротических объектов, не обладающих сознанием (и которым, следовательно, вред причинить нельзя), таких, как искусственные модели, единственным оставшимся вариантом, представляющим собой некий баланс между прагматическим подходом и защитой детей, представляется некая правительственная программа, в рамках которой конфискованную детскую порнографию распределяют между педофилами (которым поставлен такой диагноз), особенно теми из них, кто склонен (повторно) совершить преступление, подразумевающее прямой контакт с ребенком. Вероятно, для этих целей можно применять давно произведенные запрещенные

материалы, на использование которых получено разрешение у взрослых теперь моделей. Понятно, что это не очень веселая история, но это кажется выходом в ситуации, где предельно необходим рациональный подход. Учитывая, например, что в современной Греции педофилия официально признана психическим заболеванием и предполагает выплату пособия, возможно, не за горами “терапевтическое” распространение детской порнографии ради снижения потенциального вреда для реальных детей. Мишель Фуко сказал в одной из лекций: “В то самое время, когда монстр своим существованием преступает закон, он вызывает, по сути дела, не ответ закона как таковой, а нечто совсем другое: насилие, попытки просто-напросто покончить с ним, или медицинское попечение, или просто жалость”^[73].

Из двух категорий преступников – осужденные за владение детской порнографией и осужденные за совращение малолетних – педофилами являются скорее первые. Странно, скажете вы: совратитель малолетних – и не педофил? Ничего странного: многие растлители (согласно некоторым исследованиям, таких более половины) совершают насильственные действия с детьми лишь потому, что не имеют возможности реализовать свои желания с взрослыми (*opportunistic offenders*). Они используют детей как суррогат. Такие люди нередко бывают садистами, пьяницами либо имеют те или иные поражения лобных долей головного мозга. С клинической точки зрения они не являются “истинными педофилами”, поскольку в лаборатории проявляют большее половое возбуждение, глядя на обнаженных взрослых, чем на детей. Можно сравнить педофилов-приспособленцев с описанными Кинси мужчинами, выросшими на фермах. Те, кому не доставалась женщина, занимались сексом с козой (или другим пасущимся неподалеку млекопитающим). И как последние не являются “истинными” зоофилами, так и первые – не “истинные” педофилы. Они набрасываются на того, кто очень не вовремя попался им на глаза, а в остальном полагаются на свое воображение.

Совсем иное дело те, кто постоянно находится в поиске порнографии, где фигурируют дети (в случае гебефилов – подростки), игнорируя при этом океан легкодоступного порно с участием взрослых. Такие люди явно проявляют признаки ориентации на несовершеннолетних. Несмотря на то, что в исследованиях не всегда разделяют два подтипа педофилов-преступников (владельцы порно и ищущие прямого контакта с ребенком), известно о некоторых чертах, особенно часто присущих второй категории. Прежде чем я расскажу о них, хочу предупредить, что это лишь статистические корреляции (совместная встречаемость этих черт и педофилии выше среднестатистической). Даже если вы знаете кого-то, кому присущи такие атрибуты (например, вашему новому бойфренду), все равно крайне маловероятно, что он испытывает влечение к детям допубертатного возраста. (Точно так же, если у кого-либо нет ни одной из этих черт, это не значит, что он не педофил.)

Возможно, вы помните Джеймса Кантора, с работой которого мы познакомились при обсуждении различий между парафилиями, связанными с эротическим объектом (человеком или предметом) и с эротическими действиями (то, чем вам нравится заниматься). Он провел исследования, позволившие вывести несколько закономерностей, связанных с педофилией. По неизвестным ныне причинам, например, педофилы чаще невысокого роста. Также обнаружилось, что среди педофилов гораздо больше левшей. Обычно леворукость рассматривается как генетическая особенность, не имеющая специального значения, но она может возникнуть и в результате повреждений мозга в период внутриутробного развития. Поэтому можно предположить, что часто встречающаяся леворукость среди педофилов указывает на врожденные неврологические причины их сексуального интереса к детям (или предрасположенность к этому виду полового импринтинга). Кантор обнаружил еще одну закономерность: чем младше жертвы педофилов, совершающих насильственные действия, тем ниже коэффициент умственного развития преступника. Это не указывает на корреляцию ай-кью с возрастной эротической ориентацией (если так, то геронтофилы – все как один! – были бы гениями, а педофилы – слюнвявыми идиотами), но дает дополнительную информацию о том, что в мозге педофилов-растлителей что-то не в порядке.

Однако интереснее всего вот что: Кантор обнаружил аномалии в плотности белого вещества в мозге педофилов. В интервью в 2012 году он объяснял:

"Белое вещество" – упрощенное название аксонов, покрытых миелиновой оболочкой, и глиальных клеток, которые передают импульсы в сером веществе, из которого состоит кора головного мозга... Представьте, что серое вещество – это дома, подключенные к электросети, а белое вещество – линии электропередач... [У педофилов] либо не хватает таких линий, либо это неподходящие линии, либо они соединяют не те районы, и когда эти люди видят детей, в их мозге активируются не защитный и родительский инстинкты, а половой. Все очень запутано.

Но даже если все дело в белом веществе, все равно неизвестно, что есть первопричина. По сути, мы не знаем, что посоветовать будущим матерям, чтобы их младенцы, в чьих маленьких головках уже вяжется сеть из белого вещества, не выросли педофилами. Возникают те же проблемы, что и при попытках придумать (этически допустимые) эксперименты с участием детей, которые позволили бы выяснить точную причину парафилий. Здесь об этом не может идти и речи. Этические проблемы при превращении детей в мелиссафилов (любителей пчел) меркнут в сравнении с перспективой, что новорожденных в рамках контролируемого эксперимента случайным образом разделят на "педофилов" или "не-педофилов". Представьте, что вы родитель ребенка в группе с условием "педофил", и вы терпеливо ждете, подтвердится ли гипотеза и превратится ли ваш непоседливый малыш во взрослого, который будет возбуждаться при виде шести- и семилеток.

Для иллюстрации того, насколько трудно установить причины педофилии, имея лишь данные о корреляциях, приведу пример анкетного опроса тысячи трехсот мужчин, проведенного в Финляндии. У тех участников, у которых, по их словам, в детстве были некие сексуальные взаимодействия с ровесниками (например, играли в "доктора"), было больше шансов во взрослом возрасте проявлять сексуальный интерес к детям младше пятнадцати лет. На первый взгляд, это признак полового импринтинга. Но можно трактовать это соотношение и иначе – причем не менее убедительно. Вполне может быть, что дело не в импринтинге, возникшем в результате ранних эротических переживаний, а в том, что эти мальчики были пре-педофилами и у них изначально наблюдалась склонность вступать в сексуальные игры с детьми.

Нет ясного подтверждения тому, что пережитое в детстве насилие со стороны педофила является причиной того, что жертвы в будущем сами станут педофилами. Существуют данные, что те, кто испытал насилие в детстве, с большей вероятностью сами применяют сексуальное насилие к детям (эффект замкнутого круга, когда жертва превращается в агрессора), но обычно это явление объясняют какой-нибудь неофрейдистской теорией о власти и контроле или моделью социального подражания. Однако это необязательно свидетельствует об возрастной эротической ориентации бывшей жертвы, ныне агрессора. Возможно, если насилие произошло в критический период развития ребенка и привело к случайному возбуждению, есть большая вероятность того, что у мальчика появится парафилия, связанная с влечением к причиняющему ему вред взрослому, напоминающему насильника, или к эротическим ситуациям, схожим с переживанием насилия – а это само по себе страшный отпечаток.

Как и в случае парафилий, где наблюдается огромный разрыв в соотношении женщин и мужчин, женщин-педофилов очень мало (некоторые сексологи считают, что их вообще нет). Вы, вероятно, качаете головой: трудно в это поверить, если вспомнить газетные истории об учительницах, совращающих мальчиков. Но не забывайте, что педофилом называется тот, чьи основные сексуальные предпочтения направлены на детей, не достигших полового созревания. Это слово действительно часто употребляется, когда с отвращением описывается любой взрослый, который занимается сексом с несовершеннолетним. Однако учительница, замешанная в скандале с участием старшеклассника с волосатой грудью, педофил ровно настолько же, насколько может считаться геронтофилем двадцатилетняя девушка, занимающаяся сексом с сорокалетним мужчиной. При отсутствии задержек в развитии большинство старшеклассников уже

достигли полового созревания, а большинство сорокалетних не выглядят как старики (если они, конечно, не злоупотребляют метамфетамином).

И все же случаи "истинной педофилии" среди женщин встречаются, хотя и крайне редко. Это очень грустные истории, героини которых совершали насильственные сексуальные действия по отношению к шокирующе маленьким детям. И хотя сам факт сексуальных действий с детьми не является прямым признаком педофилии, в сочетании с навязчивыми фантазиями он указывает на педофилию. В книге "Педофилия и половые преступления против детей" Майкл Сето рассказывает несколько таких историй. В одном случае молодая мать сыновей года и трех лет сообщила о своем поведении в органы опеки и попечительства после того, как совершила акты фелляции со своими детьми и мастурбировала, вспоминая о случившемся^[74]. Другая занималась оральным сексом с двумя четырехлетними девочками, за которыми ей доверили присматривать, и возбудилась при их купании. При этом в центре ее сексуальных фантазий находились исключительно дети. Судя по результатам исследований об этой, к счастью, небольшой группе населения, большинство женщин, совершающих насильственные сексуальные действия в отношении детей, на самом деле не педофилы: это застенчивые запуганные женщины, которых склонили к соучастию мужчины-педофилы. В большинстве случаев эти женщины сами жертвы насилия (во всем его разнообразии) или смертельно боятся мужчин. Женщины составляют менее 1 % всех нарушителей законов, связанных с детской порнографией. Это поразительно мало, учитывая, что женщины, по некоторым данным, потребляют около трети порнографической продукции.

Чтобы научно подтвердить, что некая женщина страдает педофилией, исследователи могли бы предложить ей для просмотра изображения обнаженных моделей разного возраста и для оценки возбуждения измерить прилив крови к тканям влагалища (как к мужчинам применяют плетизмограф). Но такого рода исследования относятся к сфере судебной медицины, а если вы еще не заметили, подавляющее большинство сексуальных преступников – это мужчины. Тем не менее давно существует гипотеза, основанием для которой являются данные о гиперреактивности женских половых органов. В соответствии с этой гипотезой, женщины более склонны, чем мужчины, проявлять половое возбуждение от детей и стариков. Это эмпирический вопрос, и, подозреваю, в ближайшее время ответ на него не будет найден: дамы вряд ли будут выстраиваться в очередь, чтобы помочь ученым. Но даже если гипотеза верна, то из криминальной статистики видно, что вероятность того, что женщины, идя на поводу у подсознания, станут интересоваться восьми- и восьмидесятилетними, равна тому, что они станут ходить на свидания с бонобо. Напомню, согласно гипотезе Мередит Чиверс гиперреактивность женских половых органов ко всем и всяческим стимулам, даже непривлекательным (спаривающиеся обезьяны, сцены изнасилования, обнаженные мужчины, если вы лесбиянка и обнаженные женщины – если нет, а также, возможно, дети и старики), появилась в ходе эволюции, чтобы снизить риск физических травм для женщин.

Как уже упоминалось, половые органы женщины могут испытывать серьезные разногласия с ее собственными желаниями.

Фаллос, напротив, недвусмысленно указывает на то, к чему лежит душа мужчины. Это волшебная лоза, указующая путь к кладью его страстей. Мы уже говорили о том, как ученые при помощи пенильного плетизмографа изучали различные проявления человеческой сексуальности. Наиболее часто этот прибор употребляется в судебной медицине, чтобы отличить "истинных" педофилов от "приспособленцев"^[75]. Но изначально этот прибор для обнаружения эрекции у мужчин (своего рода детектор лжи) был придуман совсем для другого.

В 50-х годах представители чехословацкой армии обратились к психиатру Курту Фройнду, тогда работавшему в одной из пражских клиник. Проблема заключалась в том, что все больше призывников, чтобы избежать воинской службы, объявляли себя гомосексуалами. Поэтому военные пригласили Фройнда, чтобы тот разработал надежный метод, позволяющий отделить гомосексуальные зерна

от гетеросексуальных плевел. Они обратились по верному адресу. Фройнд, как и военное начальство, без доверия относился к тому, что люди рассказывали о своей половой жизни. К тому же его больше интересовала прикладная биология страсти, нежели вопросы психодинамики, которыми задавался один венский теоретик с похожей фамилией. Фройнду был необходим четкий способ определения сексуальной ориентации. И он быстро понял, что эрекция расскажет больше, чем он смог бы узнать за время беседы в клинике, где пациент будет лгать и изворачиваться. Когда речь идет о тайных желаниях, писал Фройнд, пенис может навсегда сделать бессильным искусство лжи. (Фройнд знал, что такое жить под прикрытием. Будучи евреем, он пережил Холокост. Родители Фройнда и его младший брат погибли в Освенциме.)

С тех пор, как Фройнд впервые представил на суд генералов-гомофобов свой пенильный плетизмограф, этот аппарат усложнился, однако принцип его работы остался прежним. Мужчина садится на стул. К пенису присоединяется датчик, определяющий приток крови к тканям (этот прибор настолько чувствителен, что может зафиксировать увеличение объема крови менее чем на один кубический сантиметр – большинство мужчин это даже не почувствуют), после чего мужчине в случайном порядке показывают изображения обнаженных людей из различных эротических категорий^[76]. Экспериментатор тем временем отмечает изменения, происходящие с прибором самого мужчины. Вначале метод применялся для обнаружения симулянтов, и если оказывалось, что их пенисы вставали по стойке “смирно” при виде привлекательных женщин, их отправляли защищать отечество. Но по мере того, как становилась заметной эффективность метода, Фройнд стал находить и другие сферы применения изобретенного аппарата, например для обнаружения педофилов. Ведь если прямо спросить гетеросексуала, считает ли он некую семиклассницу привлекательной, он может ответить что-нибудь вроде: “Кого, ее? Ну, она славная девочка, но я бы не сказал, что она ‘привлекательна’. Разве она еще не слишком маленькая?” Фройнду хотелось узнать, насколько пенис находился в согласии с социально приемлемой реакцией своего владельца.

Сегодня вы можете получить ответ на этот вопрос, взглянув на содержимое жесткого диска компьютера мужчины, как и поступает полиция при расследовании преступлений, связанных с детской порнографией. Но аппарат Фройнда до сих пор часто применяется для подтверждения (скорее – для “диагностирования”) возрастной эротической ориентации обвиняемого.

В наши дни тест с использованием плетизмографа является вариацией метода “Гуляющие нагишом” (*Walking Nudes Test*), разработанного Фройндом и усовершенствованного Рэем Бланшаром (например, в лаборатории в Торонто, куда Фройнд переехал в 1968 году из-за того, что компартия стала преследовать его за диссидентство). Помните Бланшара? Мы обсуждали его противоречивую теорию аутогинефилии у МЖ-транссексуалов. В молодости он работал психологом в пенитенциарной системе Канады и стал одним из самых доверенных сотрудников Фройнда в Северной Америке. Их сотрудничество продолжалось до 1996 года, когда восьмидесятилетнему изобретателю плетизмографа, будучи не в силах переносить боль из-за неизлечимого рака легких, который распространился на лимфатические узлы в шее и грозил перейти на мозг, проглотил горсть мышечных релаксантов и обезболивающего, запив их бутылкой вина. Плетизмограф продолжил свою карьеру, и к 2002 году, когда Бланшар разработал тест “Гуляющие нагишом” (вы сейчас испробуете его на себе), судебные медики могли предугадать почти любую уловку, к которой может прибегнуть педофил с пенисом в плену у фройндовского аппарата^[77].

Тест начинается, конечно, с пениса-доносчика. Хочется вам того или нет, специалист по решению суда присоединит его к аппарату. Вы сидите в удобном кресле, свет приглушен. “Устраивайтесь поудобнее”, – быть может, скажут вам. Вам даже предложат одеяло, чтобы сохранить благопристойность. Чем спокойнее обстановка, тем меньше тревожности, которая может помешать. (На заре плетизмографии мужчинам даже предлагали алкоголь. “Так можно достичь некоторого расслабления”, – пояснял гостеприимный доктор Фройнд.) Если вы очень нервный и у вас обычно не встает в таких условиях, либо же у вас трудности с эрекцией из-за состояния здоровья или возраста (не забывайте, что и старики-импотенты могут быть педофилами), уверяю, у вас все получится: в последнее время стало нормой давать участникам теста порядочную дозу виагры.

Если вы волнуетесь по поводу поведения своего бедного пениса (вы же знаете, он не всегда вас слушается), возможно, вам захочется закрыть глаза и не смотреть. Чтобы потянуть “стоп-кран”, может, вам удастся вообразить что-нибудь отвратительное, вроде половых органов в язвах. Или сцену инцеста. Например, вы занимаетесь оральным сексом со своей стонущей бабушкой, и, чтоб уж наверняка, добавьте бабушке бородавки... Не очень-то приятно вообразить такое, особенно будучи любящим внуком, но, знаете, это очень действенное средство, когда в раздевалке вы окружены мускулистыми гетеросексуалами. Такой метакогнитивный прием работает и в обратную сторону. В данном случае, если вас не привлекают взрослые, вы можете вообразить ребенка в тот момент, когда изображение обнаженного взрослого появляется на экране. Гумберт Гумберт в набоковской “Лолите” смог отдать супружеский долг тридцатилетней матери Лолиты, Шарлотте Гейз, лишь вообразив, что занимается сексом с ее двенадцатилетней дочерью. (“Свет моей жизни, огонь моих чресл. Грех мой, душа моя... Гумберт был вполне способен иметь сношения с Евой, но Лилит была той, о ком он мечтал”^[78].) Однако эта стратегия не сработает в тесте “Гуляющие нагишом”: на зрачки направлена камера для фотографирования сетчатки, которая позволяет удостовериться, что вы внимаете с должным усердием^[79].

Перед вами три экрана, на которых демонстрируются видеозаписи трех улыбающихся обнаженных моделей примерно одинакового возраста. Они медленно приближаются. Иными словами, эти зрительные стимулы представляют собой обнаженных детей и взрослых, выполняющих роль эротических посланников или, скорее “мучеников”, для педофилов, гебефилов и телейофилов^[80]. По мере того, как модели приближаются к камере, крупным планом показывают их половые органы. А в это время эксперт наблюдает за вашими гениталиями, как во времена Фройнда.

Демонстрируемые эротические триптихи нельзя назвать развратными; они скорее напоминают урок анатомии, чем порнографию. Тест “Гуляющие нагишом” не только создает иллюзию личного внимания моделей к участнику теста, но и для верности демонстрирует не одну, а несколько моделей из каждой возрастной категории. Например, если вы гебефил, увеличиваются шансы, что в ком-либо из моделей-подростков вы увидите “нимфетку” или “фавненку” (набоковский термин, обозначающий нимфетку мужского пола). Только подумайте: чтобы в тесте были представлены модели младшего возраста, нашлись родители, согласившиеся на использование изображений собственных детей от пяти до десяти лет для отсеивания педофилов из тысяч сексуальных преступников (таких, как вы). Когда дойдет очередь до подростковой группы, перед вами на экране появится очередная обнаженная тройца, чьи родители дали согласие на использование их изображений для обнаружения мужчин, у которых возникает сексуальная реакция на детей подросткового возраста. И наконец, перед вами продефилируют обнаженные взрослые, чьим видом вы можете сполна насладиться (посмотрим, так ли это в вашем случае). Каждый является примером здорового человека репродуктивного возраста, с полным набором вторичных половых признаков. Кстати, вам покажут моделей не только предпочтительного для вас пола, а обоих полов – мальчиков и девочек, мужчин и женщин, – чтобы точно определить, что именно вам выпало в первом окошке “игрового автомата”. (Есть свидетельства того, что педофилы с большей вероятностью бисексуальны, нежели мужчины с другими возрастными эротическими ориентациями.)^[81]

И все это затеяно для того, чтобы ваш пенис указал вам дорогу в определенную категорию. Кто вы: педофил, гебефил или телейофил? Не забывайте (возможно, это позволит некоторым вздохнуть с облегчением), что тест “Гуляющие нагишом”, как и любой другой способ фаллометрии, призван определить, какой возраст вызывает у вас сексуальную реакцию *в наибольшей степени*, но это не значит, что *исключительно* этот возраст для вас привлекателен. Нередок приток крови к половым органам телейофила при виде подростков или даже иногда детей. Именно поэтому взрослый телейофил помнит, как в седьмом классе ему нравилась одноклассница, хотя сегодня он не посмел бы и думать в таком ключе о двенадцатилетней девочке. И все же тогда, в школе, его сильнее возбуждала грудастая двадцатитрехлетняя физичка, чем его ровесница, но *ни тогда, ни сейчас* у него нет стопроцентного эротического иммунитета к симпатичной двенадцатилетней девочке. Также нельзя утверждать, что у любого

педофила или гебефила будет полностью отсутствовать реакция на взрослых. Вопрос в том, представители какой возрастной категории вызывают у него наиболее сильное возбуждение. (В случае с парафилиями ситуация похожа. Мужчины-парафилы способны испытать некое возбуждение от эротических стимулов, не связанных с их необычными вкусами, но именно потакание их эротическим причудам вызывает самую надежную реакцию.)

Можно с уверенностью сказать, что большинству мужчин и безо всяких тестов известна их возрастная эротическая ориентация. Однако физически все дети развиты очень по-разному. Некоторые подростки обладают всеми внешними признаками взрослых (а кончается дело тем, что за это можно попасть за решетку). Возраст первой менструации (менархе) у девочек в развитых странах составляет около двенадцати лет и продолжает снижаться. Но есть значительная вариативность. Огромные различия в темпе взросления двух девочек, живущих на одной улице, могут быть обусловлены их генами, общественно-экономическим положением, уровнем стресса, отношениями с родителями, рационом и многими другими факторами. Где-то рано созревшая пятиклассница поправляет лифчик и ерзает, потому что только что ввела себе тампон в школьном туалете. Одновременно плоскогрудая старшеклассница паркуется около школы (она уже получила водительские права, но до сих пор ждет первых месячных)^[82]. У юношей темп полового созревания также разнится. Помню, как в восьмом классе я похвастался приятелю, что у меня пробились редкие волоски под мышками. На это он басом заметил, что ему надоело ежедневно бриться.

С юридической точки зрения имеет значение лишь *хронологический (календарный) возраст*. И неважно, что некая пятнадцатилетняя курильщица, мать двоих детей, покрытая татуировками, выглядит как двадцатичетырехлетняя проститутка: она несовершеннолетняя. А вот для ученых хронологический возраст почти не имеет значения: их интересует главным образом *биологический возраст*. Внешность человека обычно (но не всегда) соответствует его хронологическому возрасту. За месяц интенсивной работы гормонов у подростка могут произойти серьезные физиологические изменения. Это может означать, что взрослый, привлеченный таким подростком, – отнюдь не гебефил, а введенный в заблуждение телейофил. Поэтому в этой области судебной психиатрии исследователей интересует, какая возрастная категория наиболее привлекательна для мужчины, а не просто возраст человека, который вызвал у него возбуждение^[83].

Сейчас в плетизмографических исследованиях участвуют модели, выбранные в соответствии со *шкалой Таннера*. В 1978 году английский педиатр Джеймс Таннер опубликовал труд "От эмбриона к человеку: физическое развитие от зачатия до зрелости" и описал в подробностях (включая ширину ареолы и диаметр пениса, цвет и структуру вульвы и мошонки), какие физиологические изменения происходят в организме мужчин и женщин по мере того, как они проходят шесть ступеней сексуального развития (от рождения до репродуктивной зрелости). Я вполне могу представить, насколько неловким был кастинг моделей Таннера, особенно для детей и подростков, учитывая такое количество критериев интимного характера. Когда мне было тринадцать, я оказался в кабинете турецкого педиатра-эндокринолога, от которого пахло сигаретами и марлей. Одной рукой он щупал мои яички, а другой показывал родителям, что у тринадцатилетнего мальчика яички должны быть размером с грецкие орехи, а не с виноградины. Врач объяснил, что стоит подумать о гормональных инъекциях (которые мне и делали следующие несколько лет). Но суть в том, что каждая степень по Таннеру определяется уникальным сочетанием физиологических признаков, характерным для определенного этапа полового созревания. То сочетание признаков, которое в наибольшей степени вас воодушевляет, и определяет вашу возрастную эротическую ориентацию.

В то время, как я оказался на том конфузном приеме у врача, я, наверное, соответствовал III степени по Таннеру (мальчики 11–12,5 года): "Объем яичек 6–20 мл, мошонка растет, длина пениса до 6 см, густеют волосы на лобке, ломается голос, увеличивается мышечная масса, может наблюдаться припухлость груди

(гинекомастия), может начаться образование спермы, рост ускоряется до 7–8 см в год”. Если плетизмограф показывает, что именно такой тип организма привлекает вас сильнее всего, то вы гомосексуал-гебефил... и, вполне вероятно, католический священник.

Последнее, конечно, шутка. Но мы могли наблюдать в ходе сексуальных скандалов в католической церкви, где 90 % жертв составляют мальчики, что гомосексуальная гебефилия является одной из наиболее ядовитых начинок, которую может выдать “однорукий бандит”. В Древней Греции, однако, такая комбинация обозначала бы джек-пот. Платон утверждал, что педерастия – это одна из черт, отличающая эллинов от варваров^[84]. Так что если вы гомосексуал и вас привлекают не мальчики, а взрослые, считайте, что вам еще повезло. В течение большей части истории люди от вас отворачивались бы – во всяком случае чаще, чем в наши дни. (Джон Мани, самый неординарный сексолог среди своих коллег, занимающихся судебной психиатрией, считал, что некоторые мальчики склонны к андрофилии, то есть их возбуждают взрослые мужчины. “Если я вижу мальчика лет десяти-одиннадцати, который испытывает сильное влечение к мужчине двадцати или тридцати с лишним лет, и если эти чувства взаимны... то я не стал бы считать ее ни в коей мере патологической”, – заявил Мани в 1991 году в интервью журналу *Paidika*, который был скорее новостной рассылкой группы поддержки педофилов, чем научным журналом^[85].)

Современным гомосексуальным идеалом выступает пара мужчин примерно одинакового возраста и общественного положения, состоящих в “универсальных” отношениях, то есть каждый из них выполняет в сексе как активную, так и пассивную роль. Однако в прошлом мужчинам позволялись гомосексуальные связи лишь в том случае, если они не оказывались снизу: если они, а не им, вводили пенис, то их мужественность не подвергалась сомнению. А это означало, что мужчины могли заниматься сексом лишь с теми, кто занимал более низкое социальное положение, и обычно это оказывались мальчики. Причем не только в Древней Греции. В исторической литературе описано, как по всей Азии, в Австралии, Меланезии, Китае, Японии и большей части исламского мира мужчины занимались сексом с мальчиками. Несколько веков назад самураев, а также берберов из оазиса Сива в походах сопровождали мальчики-компаньоны, а девочки и женщины оставались дома.

Лесбиянкам тоже не чужды гебефилические традиции. В середине 80-х годов XX века в Лесото обнаружилось, что до замужества многие женщины ухаживали за девочками-подростками и создавали с ними романтические связи. Такие “дочки-матери” не только позволяли экспериментировать, но и оказывали эмоциональную поддержку девочкам из неблагополучных семей.

Помимо гомосексуальности, ведутся споры о том, как концептуально определить гебефилов, точнее – считать ли их состояние болезнью. Большинство психиатров считает педофилов психически больными людьми^[86]. В том, считать ли психически нездоровыми гебефилов, мнения разделились. Следует ли внести тех, кого привлекают в основном несовершеннолетние старшего подросткового возраста, в “Диагностическое и статистическое руководство по психиатрическим расстройствам” вместе с педофилами – или, напротив, влечение к подросткам (хотя оно нечасто встречается и не является общественно приемлемым) все же “естественно”, “нормально” и не может считаться психиатрическим расстройством? В зависимости от выбранного варианта ответа на этот вопрос возникают различные юридические последствия. Власти некоторых американских штатов, имея поддержку Американской ассоциации психиатров, вправе неограниченно долго содержать гебефилов в психиатрической лечебнице после отбытия тюремного заключения за преступления сексуального характера (будь то преступление, связанное с порнографией или подразумевающее непосредственный контакт с несовершеннолетним), если будет признано, что высок риск повторного совершения преступлений.

Становится все труднее установить, относится ли определенная сексуальная ориентация к настоящим психическим расстройствам. В 1992 году психиатр Джером Уэйкфилд предложил в качестве критерия *биологическую неэффективность*: если некоторая характеристика не является адаптивной эволюционной реакцией, ее можно считать проявлением болезни. На первый взгляд это вполне логично. Но если бы АПА или другая организация, занимающаяся вопросами психического здоровья, приняла этот

критерий, было бы резонно сказать: в этом случае не следовало исключать из “Диагностического и статистического руководства” гомосексуальность и другие девиантные психосексуальные черты. Например, до 2013 года благополучно перестроившимся транссексуалам ставили диагноз “расстройство половой идентификации”.

Что до гомосексуальности, то множество неподтвержденных теорий объясняют ее с эволюционной точки зрения (например, помогать воспитывать своих племянников, у которых на четверть совпадают с нами гены; в этом смысле я очень плохой дядя, поскольку живу за сотни километров от племянников). Но вне зависимости от того, есть ли доля правды в этих дарвинистских гипотезах, глупо спорить с очевидным: половое влечение исключительно к представителям противоположного пола – куда более эффективная стратегия воспроизводства, чем влечение только к собственному полу. В 1973 году, когда АПА переквалифицировала гомосексуальность, определив ее как “нормальную форму человеческой сексуальности”, появился очень важный прецедент. После этого использование в психиатрии понятия “нормы” применительно к сексуальности перестало быть полным синонимом “биологической адаптивности”.

Я понимаю, что это признание обрадует многих консерваторов. Представляю, как они говорят: “Ага! Ведь говорили мы, что это политика. В 70-х годах АПА прогнулась перед сексменьшинствами, но гомосексуалы на самом деле психически больны”. Но пока они не откупили бесплатное шампанское, приложенное к членской карточке Совета по исследованиям семьи (*Family Research Council*), им стоит хорошенько подумать, стоит ли использовать понятия “нормально” и “анормально” как основу рассуждений о морали. Ведь, согласно Уэйкфилду, те, кого большинство консерваторов ошибочно называет “педофилами”, куда “нормальнее” гомосексуалов.

Девочка, у которой недавно была первая менструация, способна к зачатию, но ее репродуктивная система еще очень хрупка. Более того, результаты антропологических исследований свидетельствуют, что женщины, которые стали матерями до четырнадцати лет, в общем имеют меньше детей, чем те, у кого первый ребенок появился, когда они были в старшем подростковом возрасте или когда им было двадцать с небольшим лет. Так что, несмотря на то, что молодые женщины имеют высокую “репродуктивную ценность” (число оставшихся фертильных лет), эта эволюционная логика на девочек-подростков не распространяется. Кроме этого, репродуктивная ценность женщины достаточно спорна для гебефила, поскольку, например, девочка перестанет интересоваться его примерно к тому моменту, как ей можно будет снять скобки с зубов и когда ей станут малы любимые футболки с Джастином Бибером. Но во времена наших далеких предков гебефилия вполне могла быть адаптивной стратегией в условиях, когда был особенно высок риск оказаться рогоносцем (воспитывать ребенка другого мужчины, то есть тратить ресурсы). В конце концов, если девочка уже способна зачать, то чем младше она, тем вероятнее, что она девственна, а это фактически гарантирует отцовство, если она забеременеет^[87]. В зависимости от того, какая адаптивная проблема наиболее остро стояла перед мужчинами в далеком прошлом, каждая репродуктивная стратегия имела разную эффективность. В условиях, когда есть неясность с отцовством (возможно, в сочетании с широким распространением инфекций, передающихся половым путем: молодость партнерши означала меньший риск), лучшей адаптивной стратегией для мужчины было бы оплодотворить десяток девочек-подростков (чтобы бесцеремонно передать свои гены), чем провести жизнь лишь с одной взрослой женщиной, воспитывая двоих их детей. Между прочим, если бы эта черта передавалась по наследству, это могло бы объяснить результаты недавних исследований, свидетельствующих о том, что однояйцевые близнецы, выросшие отдельно друг от друга, скорее оба будут гебефилами, чем двуйцевые близнецы, выросшие вместе.

Но даже если гебефилия не имела эволюционного смысла ни при каких условиях, за всю историю человечества половозрелые тринадцатилетние и четырнадцатилетние девочки произвели на свет больше детей, чем мужчины, которые занимались сексом с другими мужчинами. Так что приверженцы традиционных ценностей, приводящие уже поднадоевший аргумент, что гомосексуальность “неестественна”, а потому “аморальна”, могут с тем же успехом утверждать, что секс с девочками-подростками “естественен”, а потому

“этически оправдан”. Мне видится ирония в том, что консерваторы, нападающие на геев, столько сделали для распространения паники по поводу педофилии.

Отчасти из-за этих реалий, связанных с производством потомства (а также трудностей классификации по шкале Таннера детей, участвующих в расследованиях дел о сексуальном насилии), АПА в итоге отказалась от идеи включить гебефилию в пятый пересмотр “Диагностического и статистического руководства” (ДСР), наградив психиатрическим диагнозом лишь педофилию. Голосованию по этому вопросу предшествовали дебаты. Рэй Бланшар, выступавший за включение гебефилии в ДСР, указывал в качестве аргумента на результаты плетизмографии, подтвердившие, что многие преступники, находящиеся за решеткой за преступления против детей, на самом деле гебефилы (то есть их привлекают в основном подростки), а не педофилы (которых привлекают в основном дети), а потому представляют самостоятельную опасность. Но многие его коллеги не могли согласиться с тем, что возможность отличить в тюрьме педофила от гебефила означает, что гебефилам нужно ставить психиатрический диагноз. Судебный психолог Карен Франклин обвинила Бланшара в том, что он путает мораль и науку (вспомним, как врачи в викторианскую эпоху путали мораль и науку в случае с нимфоманией, что давало судьям право помещать людей в клинику против их воли). Попытка Бланшара включить гебефилию в ДСР также встретила сопротивление со стороны сексолога Ричарда Грина, основателя Международной академии исследований секса. Название одной из статей Грина с критикой Бланшара содержит легкий намек на ее содержание: “Половое влечение к четырнадцатилетним как психиатрическое расстройство? Вы, наверное, шутите!”

Если мужчину привлекают исключительно девочки-подростки, это, вероятно, совсем другое дело. Но если следовать логике, не обремененной моралью, и принимая во внимание, что женщина, достигшая почтенного тридцатилетнего возраста, уже лишилась большей части своих яйцеклеток, неспособность мужчины испытывать влечение к юным женщинам, имеющим внешние признаки, свидетельствующие об их пригодности к размножению (пышная грудь и широкие бедра), было бы откровенно аномальным. (И я надеюсь, что теперь вам ясно, почему понятие “нормальности” настолько морально бессодержательно и почему гораздо важнее вопрос потенциального вреда, если мы рассчитываем хоть на какой-либо моральный прогресс в этой сфере.) В далекие времена мужчина, которого женщины за тридцать или сорок возбуждали сильнее, нежели подростки и девушки двадцати с небольшим лет, находились бы в заметно невыгодном положении с точки зрения перспектив продолжения рода. С плейстоцена произошли тектонические сдвиги в нашем понимании психологии подростков и в отношении к женщинам старшего возраста, увеличилась продолжительность жизни, однако современные мужчины обладают той же комплектацией, что и наши предки, и их головной мозг также предпочитает молодых. Действительно, возраст – это лишь число, но по мере того, как это число растет, количество яйцеклеток у женщины уменьшается. Это не дискриминация по половому или возрастному принципу, а биологический факт. (И не забывайте, что страсть и любовь – разные вещи. То, что возбуждает мужчину, никогда не изменится, однако его любовь преодолет все, в том числе менопаузу у жены, если, конечно, в остальном они счастливы.)

Все это не значит, что мужчины, считающие привлекательными женщин более “подобающего” возраста, не демонстрируют тем самым адаптивную реакцию. Если женщина внешне проявляет признаки плодовитости (естественные или достигнутые с помощью ботокса), то сексуальную реакцию на женщин, которым за сорок, именуемых *MILF* (если не знаете, кто это, urbandictionary.com вам в помощь), без сомнений можно считать адаптивной. Просто не в той же степени адаптивной, как влечение в первую очередь к девушкам. Выше, когда мы обсуждали теорию родительского вклада, упоминалось, что у мужчин более чем достаточно сперматозоидов, и если есть минимальный шанс оплодотворить женщину старшего возраста, то неспособность к возбуждению пойдет во вред интересам генов мужчины. (По сути,

мы наблюдаем тот же принцип, что и при возбуждении мужчин от девочек-подростков, только здесь он применяется к противоположному краю спектра женщин фертильного возраста.)

Именно в силу эволюционной логики геронтофилия встречается нечасто. Влечение к пожилым, судя по всему, настолько редко, что даже в исчерпывающе подробной книге Кинси "Половое поведение самца человека" о ней ни слова^[88]. (Это упущение говорит о многом. Кинси описал много других видов девиантного сексуального поведения, например педофилию и скотоложество.) Если у мужчины возникает эрекция лишь при контакте с женщинами старше шестидесяти, неважно, насколько дамы его сердца приятны в общении, активны и умны. Он не представляет опасности для конкурентов в генетической "гонке вооружений". Впрочем, у него будет гармоничная сексуальная жизнь, в которой будет меньше соперничества, зато больше удовольствия от опыта и жизненной мудрости его партнерш^[89].

Помимо критерия биологической неэффективности, предложенной Уэйкфилдом, если самого геронтофила и его пожилого партнера это не тревожит (многие мои близкие и любимые женщины свернули бы мне шею, если бы я назвал их "пожилыми", но я лишь имею в виду отсутствующие яйцеклетки), то нет причин считать геронтофилию психическим расстройством. И действительно, вы не найдете ее в ДСР. Единственный случай, когда геронтофилия может причинить вред (и иногда причиняет), – это насилие над пожилыми людьми^[90]. В остальных случаях все в выигрыше. Помните, возрастная эротическая ориентация не меняется в течение жизни, и истинный геронтофил остается таковым и в двадцать, и в восемьдесят лет. Если такой человек находится в отношениях с женщиной возраста младшего, чем он предпочитает, то в его глазах с каждым годом она буквально расцветает: когда женщине тридцать или сорок, она лишь личинка, а к пятидесяти она окукливается, чтобы явиться на свет блистательной бабочкой – совершенно белой и очень хрупкой – годам к восьмидесяти пяти. Таков эротический идеал геронтофила. Он может показаться странным, но уверяю вас, это цветочки по сравнению с драмой педофилов. Группа социологов как-то процитировала одного мрачного персонажа: "Отношения с маленькими девочками безнадежны, потому что те быстро вырастают и становятся совершенно непривлекательными. Поэтому я обычно не имею с ними дело дольше, чем несколько месяцев или лет. Когда они созревают, наши пути расходятся".

Педофилия в соответствии с ДСР считается психическим заболеванием, а геронтофилия – нет. При этом оба явления биологически неэффективны: при педофилии эротический объект (девочка, не достигшая возраста полового созревания) еще не годится для зачатия, а при геронтофилии (после менопаузы) – уже не годится. В обоих случаях возрастная эротическая ориентация не соответствует основным требованиям репродуктивной биологии. Кроме того, в обоих случаях эротическими объектами выступают люди, уязвимые физически и нередко – психически. Тот факт, что одно явление включено в ДСР как психическое расстройство, а второе – нет, говорит о том, что, решая, какие возрастные эротические ориентации считать патологическими, ученые прибегают не только к адаптационной логике о том, что "нормально" и "естественно". Возможно, здесь присутствует кое-что другое. И, учитывая, что общество с оглядкой на психиатров принимает то или иное явление как "норму" и определяет свое отношение к представителям сексуальных меньшинств, стоит разобраться, что это – "кое-что другое". (Если сомневаетесь, спросите у лесбиянки в годах, как ей жилось в США, когда АПА считала ее психически больной. И тот же вопрос задайте молодой лесбийской паре, но не торопите ее с ответом: хотя бы подождите, пока они вернутся после медового месяца.)

Если мужчины-геронтофилы действительно встречаются столь же редко, как и женщины-педофилы, то, вероятно, процедура признания их состояния патологией просто не стоит усилий. Важнейшим элементом любого психиатрического исследования является определение общего числа представителей группы с потенциально патологическим состоянием, поскольку говорить об "анормальной" психологии можно, лишь сравнивая ее с "нормой". Но при попытке достоверно определить долю населения, которую в целом составляют педофилы, гебефилы, эфебофилы, телейофилы и геронтофилы, возникают очевидные сложности. Если бы люди не стеснялись своей принадлежности к какой-либо группе, кроме телейофилов,

у ученых давно была бы соответствующая статистика. Но вне полицейских экспериментов единственная группа мужчин, готовая добровольно принять участие в таких исследованиях, – это телейофилы, которым нечего скрывать. С другой стороны, невозможно сказать, сколько именно опасных педофилов, гебефилов, эфебофилов и геронтофилов вы упустите, однако, уверяю, в очередь к вам в лабораторию они выстраиваться не станут.

Кроме того, у самих исследователей возникают этические затруднения. Предположим, что вам каким-то образом удалось получить случайную выборку, включающую не преступников, которых обязали пройти плетизмографический тест, а обычных мужчин без криминального прошлого. Некоторые из участников исследования неизбежно окажутся педофилами, не испытывающими абсолютно никакого возбуждения по отношению к взрослым. А если у этих мужчин дома маленькие дети, или, например, они работают педиатрами либо учителями начальных классов? Что вам тогда делать? Эти люди лишь продемонстрировали определенную физиологическую реакцию в рамках теста, и нет закона, который запрещал бы эрекцию. Не забывайте, что участникам психологических тестов всегда гарантируются анонимность и конфиденциальность. Вероятно, это вообще единственный способ получить случайную выборку. С другой стороны, если вы не поделитесь своим открытием с правоохранительными органами, вы невольно подвергнете риску детей. Учитывая то, что вы знаете о возрастной ориентации этих людей, многие посчитают вас виновным, если кто-либо из участников исследования впоследствии причинит вред ребенку. А если вы придерживаетесь этических стандартов в науке и при этом небезразличны к своим гражданским обязанностям, то окажетесь в заколдованном круге^[91].

Я думаю, в не очень отдаленном будущем (может быть, до этого дня доживут ваши внуки) когнитивная нейронаука достигнет таких высот, что “эротическое досье” (данные в четырех окошках “однорукого бандита”) можно будет получить сканированием головного мозга, вероятно, даже без ведома самого человека (представьте, например, “рамки” в аэропорту). А до тех пор нам вряд ли удастся получить сколько-нибудь полную статистику возрастных эротических ориентаций. Правда, нам уже известно, как работает эволюция. И хотя мы не можем узнать точную долю истинных педофилов или геронтофилов (ну лишь то, что и те, и другие достаточно редки), мы можем, основываясь на теоретических знаниях, наверняка сказать, что вокруг гораздо больше мужчин, которых привлекают несовершеннолетние, чем многим из нас хотелось бы.

Разница между “социально приемлемым” влечением к людям определенного возраста и “адаптивной” реакцией мужчин на подростков привела, мягко говоря, к путанице. Наше общество полно противоречий. Если вы баллотируетесь на пост мэра своего городка, такое обычно не рекомендуется, но в Канаде и некоторых штатах США не возбраняется сутки напролет кувыряться в постели с шестнадцатилеткой – таков здесь законный “возраст согласия”. Но если вы сделаете хоть один снимок партнерши или партнера в обнаженном виде, это явится достаточным основанием для обвинения, поскольку федеральные законы о детской порнографии распространяются на всех, кому нет восемнадцати.

Нам настолько не по себе от мысли о *возможном* влечении взрослых к детям, что под запрет теперь иногда попадает даже работа художника, изображающего красоту молодости. В 2008 году знаменитый фотограф Энни Лейбовиц по заказу “Вэнити фэйр” сделала серию фотографий восходящей звезды канала “Дисней” Майли Сайрус, которой тогда было пятнадцать лет. Однако многие родители, дети которых были поклонниками Ханны Монтаны, персонажа Сайрус, возмутились снимками Лейбовиц. На обложке продаваемого по всему миру журнала Сайрус была изображена с размазанной красной помадой, растрепанными волосами и с обнаженной спиной. К груди она прижимала атласную простыню. Многим этот кадр показался непристойным. В интернете Лейбовиц обвиняли в “педофилии” и выражали озабоченность “сексуализацией детей”. (По правде сказать, чтобы превратить половозрелую пятнадцатилетнюю девушку в сексуальный объект, едва ли требуются озабоченные взрослые. Она вполне справится сама.)

А представители канала "Дисней" обрушились с критикой на фотографа и редакторов "Вэнити фэйр" за то, что те "манипулировали пятнадцатилетней девушкой с целью увеличить объемы продаж". (Последнее, кстати, заявил пресс-секретарь компании, построившей франшизу в миллиард долларов на плечах той самой девушки.) "Мне жаль, что портрет Майли был неверно воспринят", – ответила Лейбовиц. Она объяснила, что заранее обсуждала съемку со своей моделью, и та была довольна: "Это очень простая фотография, классический портрет, почти без макияжа, и мне он кажется очень красивым".

Похожая участь постигла и известную писательницу Жермен Грир, которую обвинили в женской "педофилии". Самая известная книга Грир, "Женщина-евнух", считается важнейшим текстом феминистского движения начала 70-х годов. Зато другая ее книга, "Красивый мальчик" (*The Beautiful Boy*), вышедшая в 2003 году, вызвала настоящий скандал. "Красивый мальчик" – это, по сути, экскурс в историю изобразительного искусства, где присутствует эротизация мальчиков и юношей (само собой разумеется, не многие из критиков Грир были в курсе разницы между педофилами и гебефилами). На обложке была помещена фотография Бьорна Андресена, сделанная в 1971 году во время съемок фильма по книге Томаса Манна "Смерть в Венеции" (Андресен играл роль четырнадцатилетнего Тадзио, в которого безумно влюбился пожилой писатель – герой новеллы). Грир представила вниманию публики красивых мальчиков, застывших в творческом янтаре Караваджо и Донателло, которые запечатлели нечто неуловимое в их чертах прежде, чем юность ушла и они превратились в полных или излишне мускулистых волосатых мужчин^[92]. Грир охарактеризовала свою книгу как "собрание картинок незрелых мальчиков с безволосой грудью, широко расставленными ногами и тонкой талией".

Многим это покажется удивительным, но автор предназначила книгу для женщин. В своей колонке в лондонской газете "Дейли телеграф" Грир пояснила: "Считается, что лишь небольшая подгруппа мужчин-геев любит рассматривать фотографии мальчиков. Но я хотела бы дать и женщинам право должным образом оценить преходящую красоту мальчиков – подлинных мальчиков, а не жеманных тридцатилетних мужчин с эпилированной грудью". Но, вопреки пожеланиям автора, "Красивого мальчика" раскупили в основном представители той самой подгруппы. Это, вероятно, говорит об относительной малочисленности не только женщин-педофилов, но и женщин-гебефилов. Когда я спросил у одной знакомой, тридцати с небольшим лет, смог ли бы ее возбудить мальчик-подросток, она ответила что-то вроде: "Ты себе хотя бы представляешь, как пахнут кроссовки четырнадцатилетнего пацана?" Ну, ясно, что она не гебефил и не подофил.

В Сиднее, откуда Грир родом, в 2008 году вспыхнул скандал. Полиция взяла штурмом галерею *Roslyn Oxley 9* в районе Паддингтон и конфисковала более десятка работ известного фотографа Билла Хенсона. Креативный класс Австралии десятилетиями считал Хенсона национальным достоянием. Его работы украшали Музей им. Соломона Гуггенхайма в Нью-Йорке, Национальную библиотеку в Париже и Венецианскую биеннале. Вся творческую жизнь Хенсон фотографировал подростков. Накануне открытия выставки в Сиднее галерея отправила представителям высшего общества Нового Южного Уэльса электронные приглашения, на которых был один из портретов обнаженной тринадцатилетней девочки. Это изображение попало к Хетти Джонстон, основательнице фонда "Храбрые сердца". Визит полицейских в *Roslyn Oxley 9* был спровоцирован обращениями Джонстон и других озабоченных граждан: те были уверены, что планируется выставка детской порнографии. Когда шумиха утихла, с Хенсона и владельцев галереи сняли обвинения. Но после этого к закону Нового Южного Уэльса о детской порнографии была принята спорная поправка, в соответствии с которой стало нельзя изображать несовершеннолетних обнаженными даже в "художественных целях". Дело Хенсона вызвало раскол в австралийском обществе: одни указывали на недопустимость цензуры, другие призывали "дать отпор" педофилам. Премьер-министр Кевин Радд заявил, что работа Хенсона "омерзительна" и не имеет "художественных достоинств". Искусствоведы в ответ назвали Радда филистером. Владельцам галереи угрожали поджогом. А сам фотограф, не потерявший присутствия духа, несколько лет спустя признался, что эпизод "не причинил ему особенных неудобств".

Очень печально, что детское ню в галерее видится нам уже не как эстетический объект, а как разбитое зеркало, в искаженном виде отражающее наши жутковатые желания. Цивилизованное общество обязано оберегать детей. Но, культивируя мифы о сексуальности, мы доводим себя до моральной немощи. Хорошо еще, что это не смертельное заболевание, а лишь этап взросления: в вопросах секса люди продолжают меняться.

Глава

7

Уроки жизни для бесстыжих развратников

Абсолютность разложения превосходила своей злокачественностью все формы декаданса^[93].

Мисима Юкио, "Исповедь маски" (1949)

Круизные лайнеры XXI века – настоящие плавучие города, и подросток с синдромом дефицита внимания и зависимостью от "Ред булл" найдет здесь бесконечно много занятий. А в первой половине XVII века, когда разношерстные британцы оставляли родину из-за противоречий с англиканской церковью и отправлялись колонизировать Америку, путешествие на кишасщем крысами судне без удобств, да еще и в обществе пуритан, было смертельно скучным. Представьте, каково было подростку на борту, например, корабля "Тальбот", отчалившего от острова Уайт в марте 1629 года в сторону недавно основанного Сейлема в колонии Массачусетского залива. (Это было задолго до появления там ведьм, а слухи о том, что некоторые занимаются сексом со свиньями, никого не пугали: за горизонтом путешественников ожидала земля обетованная.) Любой мальчик-подросток – нечто вроде ходячей спермопроизводящей фабрики с недееспособным начальником цеха. Так или иначе, бедолаге придется провести несколько месяцев на посудине, где отвлечению от греховных мыслей служит лишь распевание псалмов и ежедневные проверки десен на предмет цинги.

Сохранились письменные свидетельства о том, что на борту "Тальбота", держащего путь в Новый Свет, было минимум пятеро таких мальчишек, и именно они сыграли главную роль в важном событии американской истории. Рассказ о них вы едва ли найдете в учебнике, однако ему там самое место – рядом с рассказом о Покахонтас и Джоне Смите (причем тот, что о мальчишках, вероятно, даже правдивее). "Тальбот" и другие суда "флотилии Хиггинсона" причалили у Сейлема 19 июня, и самой срочной проблемой, с которой пришлось разбираться преподобному Фрэнсису Хиггинсону, оказалась вот эта – что делать с "пятью мальчиками-содомитами, которые сознались в своем неназываемом грехе", совершенном в море. Они, конечно, не были первыми мореплавателями, коротавшими таким образом дни плавания, и далеко не первыми замеченными в том же английскими школьниками. Но эти подростки стали первыми официально признанными содомитами, ступившими на берег будущих США. (Речь, конечно, идет о письменной истории. Индейцы опередили их на века.) Однако подросткам недолго довелось находиться в Америке. Когда власти Массачусетса узнали об оргиях на борту "Тальбота", они пришли в такой ужас, что затолкали подростков обратно на корабль и отправили их в Англию, присовокупив послание к королю Карлу: поскольку преступление совершено вне территориальных вод, с юридической точки зрения заниматься этими "скотами" должны в пункте отправления.

Я родился 345 лет, 10 месяцев и 17 дней после того, как "Тальбот" бросил якорь у американского берега. Причем родился лишь несколькими сотнями миль южнее Сейлема – в городке Ноувер, штат Нью-Джерси. Не совсем ясно, *родился* ли я геем (никто же не проходит плетизмографический тест, едва появившись на свет) или мой мозг генетически предрасположен к тому, чтобы обрести безусловную ориентацию к пенисам в первые годы моей жизни в Америке. Но за эти годы изначально существующие религиозные элементы сложились в нерушимую крепость фарисейства. Многие европейцы отмечают, что американцы страдают "комплексом секса", но не стоит забывать: в далеком прошлом мы европейцы. Просто первыми поселенцами оказались едва ли не самые большие ханжи Европы. К счастью, обличающие геев проповедники к 1975 году слегка сбавили обороты. И все же в тот момент, когда я из утробного одиночества явился в свет, пластинка, завезенная аж в 1629 году Хиггинсоном и К^о из чрезмерно религиозной Англии, звучала достаточно громко. В конце концов, хотя пуритане, обосновавшиеся

за океаном, и отправили содомитов первой волны обратно в Англию, они и сами имели все необходимые ингредиенты девиантной сексуальности. Так что следующие четыре столетия они благополучно точили вилы и жгли костры.

У Америки давно проблемы с сексом. Впрочем, редко у какой современной страны их нет. Воображая Париж 20-х годов XX века, мало кто вспомнит, что это был очаг угнетения гомосексуалов. Конечно, по сравнению с другими странами, где можно столкнуться с ненавистью к геям и лесбиянкам (на ум приходит, например, современная Уганда), тогдашний Париж был очень даже ничего. Однако и там гомосексуалы были в первую очередь объектами изучения, а не людьми. Если вы гей и ищете самое современное лечение своего "недуга" – сексуальной инверсии, – то Париж начала XX века идеально вам подходит. Здесь вы найдете врачей, поющих дифирамбы многообещающему экспериментальному методу, когда вместо собственных вам пересадят яички покойного гиперсексуального мужчины-гетеросексуала. Впрочем, этот метод, как оказалось, неэффективен, и заключенные французских тюрем, которым пересадили освободившиеся после операций яички гомосексуалов, не превратились в пламенных геев. Но им хотя бы достались человеческие органы. К примеру, в Испании того времени некоторые врачи пересаживали гомосексуальным пациентам обезьяньи яички^[94]. И самое странное, что в документах не указано, куда именно пересаживали они эту одну-единственную обезьянью тестикулу. "Что это у тебя такое?" (представляю я, как один из пациентов много лет спустя разговаривает с любовником) "Что, та шишка на спине? А, ерунда! Просто яйцо обезьяны. Я был молод и очень глуп".

Теперь мы знаем, что врачи, считавшие гомосексуальность эндокринной проблемой, были на ложном пути. Но они, по крайней мере, мыслили в научных категориях. Их рассуждения были достаточно сомнительными и очевидно негуманными, но все же это было лучше, чем вековые предрассудки и страх, сопутствовавший теме мужеложества. Конечно, не все восприняли такой рациональный подход. И в наши дни многие продолжают барахтаться в пуританском болоте. Но сейчас у любого желающего уйти от логики, где в качестве аргументов фигурируют адские муки, есть возможность обратиться к науке и выбраться из этой ловушки. Наука не даст ответ на вопрос, что морально, а что нет. Но если вы уверенно стоите на ногах, а не увязли в трясине догм, вам будет легче оценить обстановку и найти свой путь в мире морали.

Однако чисто научный подход к сексу, особенно если он основан на понятиях "естественно" и "нормально", а понятие "вреда" не применяется вовсе (или же ему не дают точного определения), может привести к не менее тяжелым последствиям, чем приводит религия. Мы уже наблюдали некоторые непредвиденные осложнения, возникающие из-за восприятия половой девиации исключительно с медицинской точки зрения, особенно – патологизирование меньшинств, которое причинило больше вреда, чем пользы (меньшинствам и всем остальным). Только подумайте о мужчинах, умерших в Париже с чужими фаберже в мошонке. Из главы 1 мы узнали: когда ученые поняли, что эротические ориентации – это пожизненная модель полового влечения, стало возможно различать людей не только, скажем, по цвету кожи, национальности и общественному статусу, но и по тому, что вызывает у них половое возбуждение. Для большинства людей эта новая концепция "ориентации", появившаяся во второй половине XIX века, не имела большого значения. Но эта перемена вселила страх в сердца многих других. Ведь когда специалисты могут отличить "нормальных" людей от сексуальных девиантов, разоблачение влечет за собой множество проблем. Это не просто медицинский диагноз, это приговор. В результате современные общества превратились в рассадники психиатрических расстройств, вызванных стыдом и тревожностью. С тех пор, если вы оказывались человеком определенных эротических наклонностей в обществе, которое сильнее всего ненавидело именно их, это было сродни тому, как если бы вы были коммунистом и жили на Среднем Западе во времена Маккарти. Но вы не смогли бы просто сдать партбилет. Ваш партбилет – это ваш мозг.

Если вы были бы одним из тех парижских гомосексуалов, что старались остаться незаметными, по вашему следу шли бы сыщики вроде профессора Шарля Самсона Фере. Этот врач был гетеросексуалом

без причуд, черпавшим вдохновение в книге Хэвлока Эллиса "Сексуальные инверсии". Пока его коллеги в лабораториях на берегах Сены занимались переустановкой яичек, Фере разрабатывал безотказный метод выявления геев и лесбиянок, скрывавших свои наклонности. Курта Фройнда и его дурацкого аппарата тогда не было и в помине. Единственное, что оставалось Фере – попытаться открыть физические, поведенческие и психологические секреты гомосексуалов. В книге "Научные и эзотерические исследования полового вырождения у человека и животных" (1899) автор делится премудростями: "Осанка, манера поведения, походка – все это указывает на инверсию". Фере также считал, что гомосексуальность выдают определенные физические признаки. Например, "повышенное отложение жира на груди, крупные ягодицы, редкие волосы [на теле]". (Ну ладно, признаю себя виновным по двум статьям, однако те же признаки имеются и у моего брата-гетеросексуала.) И, если вам любопытно, пенисы гомосексуалов выглядят совершенно так же, как у гетеросексуалов: "Врач имел дело более чем с шестьюстами гомосексуалами, но не встретил ни одного случая патологий развития гениталий"^[95]. Проведя много бессонных ночей перед монитором, я получил собственную, гораздо более обширную выборку пенисов. Затрудняюсь сказать, сколько именно их было. Я перестал считать в 2002 году, когда достиг миллиона, и могу подтвердить: в этом отношении Фере не ошибся. (Почти не ошибся: я бы солгал, сказав, что мне не доводилось видеть нечто сногшибательное.) Но вам, дамы, не стоит волноваться, что по внешнему виду вы не сможете определить, предпочитает ли ваш партнер мужчин. Фере поделился с читателями маленьким секретом: оказывается, гомосексуалы "не умеют свистеть". Фере считал это "признаком женоподобных мужчин"^[96]. Ну, что тут скажешь? Взгляните на виртуоза-свистуна Клэя Айкена.

Фере не обошел вниманием и лесбиянок. Врач был убежден (весьма по-фрейдистски), что лесбийская любовь возникает в раннем детстве, когда девочка одержима материнской грудью, а потом она начинает испытывать ревность и злость, когда видит, что отец уделяет особое внимание этой части тела и даже смеет прикасаться к тому, что она считала своей собственностью. Фере полагал, что эта враждебность к отцу, покушающемуся на грудь, служит толчком к отвращению к противоположному полу. Но все же он допускал, что к такой реакции должна быть и биологическая предрасположенность: "Сам факт, что такое обыденное явление, свидетелями которому становятся почти все дети... вызывает у нее шок, свидетельствует об особой склонности к такой реакции". И, тем не менее, до конца дней мужчины будут в ее глазах похитителями, и именно к женщинам с пышным бюстом она будет испытывать особую страсть^[97]. Поэтому верный способ разоблачить лесбиянку – внимательно наблюдать, куда устремится ее взгляд при виде фигуристой женщины. Если она смотрит на пышную грудь, она выдала себя с головой.

Как видите, многие рассуждения Фере о геех и лесбиянках были попросту нелепыми. Однако он распространял и весьма вредные стереотипы о моральных качествах гомосексуалов, точнее – о мнимом отсутствии таковых. "Нельзя забывать, – наставлял он читателей, – что у гомосексуалистов есть склонность ко лжи, они тщеславны, болтливы и бестактны. Некоторые из них не обращают внимания на одежду и чистоплотность тех, кого выискивают. Даже самые убогие существа не вызывают у них отвращения". Да ладно! Ради всего святого, не все же мы поклонники Леди Гага. Слова Фере звучат сегодня, как отрывки из ежесемейника баптистской церкви Вестборо^[98], но имейте в виду, что написаны они одним из самых уважаемых врачей и ученых своего времени. А в истории нашего биологического вида это совсем недавно. Даже Хэвлок Эллис, дружелюбно относившийся к гомосексуалам, провозгласил книгу Фере (опубликованную всего через пару лет после того, как на полках магазинов появились его собственные "Сексуальные инверсии") "величайшим трудом о половых инстинктах, написанным на французском языке". (Подозреваю, что французский Эллис оставлял желать лучшего.)

С укором глядя на братьев наших меньших, Фере потчевал читателей байками о жеребцах-мазохистах, об осле, страстно увлеченном зебрами, курах-лесбиянках, горностаих-онанистах и насекомых-педерастах. Нет сомнений, что другие животные иногда вступают в не обычные для своего вида связи. Люди – не единственные извращенцы в царстве животных. Однако мы единственные, кто клеймит позором за девиантное поведение. Чтобы понять, почему мы так досадно уникальны, почему столько умных людей

так долго спорило друг с другом из-за вопросов, поднятых в этой книге, вернемся в доисторические времена, когда *Homo sapiens* превратился в категоричного, нетерпимого гоминида, каковым является и сейчас. Так нам, возможно, удастся понять, как мы оказались в этой экзистенциальной неразберихе – и почему до сих пор не избавились от шаблонных представлений о сексуальных меньшинствах.

Мы, приматы, принципиально отличаемся от других животных тем, что у нас сильно развито социальное познание. Подобно системе ультразвуковой эхолокации у летучих мышей, позволяющей им ориентироваться в темной пещере и находить вкусных хрустящих насекомых, или хоботу слона, при помощи которого он может и дышать, находясь под водой, и подгонять детенышей на прогулке, самая заметная адаптивная черта человека как вида – это способность к эмпатии, пониманию эмоционального состояния другого человека. Это врожденная черта, она интуитивна, и мы ничего не можем с этим поделать: мы постоянно пытаемся понять, что на уме у других^[99].

Такая адаптация известна как механизм понимания чужого сознания (*theory of mind*)^[100]. Дэвид Премак и Гай Вудраф предложили этот термин в конце 70-х годов для обозначения того факта, что сознание по определению является теоретической конструкцией. Нейрохирург проводит операцию не на сознании, а на органе, который порождает различные психические состояния. Изображения, получаемые в результате МРТ и ЭЭГ, – это изображения мозга, а не сознания. Иными словами, что бы ни говорили вам эксцентричные персонажи (скорее всего, они стремятся что-нибудь продать), мы не способны буквально видеть, слышать, осязать, ощущать вкус или читать мысли^[101]. Так что будь вы хоть когнитивный нейробиолог, пытающийся в лаборатории разобраться с закономерностями кровоснабжения мозга у больного эпилепсией, хоть прохожий, озадаченный странным поведением уличного торговца, – вы можете лишь догадываться, что в голове у других. У других людей есть сознание. Просто, как и в случае с силой притяжения, мы можем сделать вывод о его существовании, лишь основываясь на наших собственных органах чувств^[102].

То, что мы получаем механизм понимания чужого сознания при рождении, еще не значит, что построенные модели всегда верны. Поскольку мы достоверно не знаем, что на уме у другого человека, скорее всего, мы угадываем его мысли лишь отчасти верно. И то и дело попадаем впросак. Представьте, например, что вы в переполненном вагоне метро. Вы не обращаете внимания на происходящее, потому что рассылаете эсэмэски, а в наушниках у вас музыка (может быть, вы даже насвистываете мелодию, – если вы, конечно, не женоподобный гомосексуал). И вдруг ни с того ни с сего бомжеватого вида пассажир напротив (когда он зашел в вагон несколько станций назад, вы сказали себе, что, наверное, он едет в приют для бездомных) бросается на хорошо одетого бизнесмена с приятной улыбкой и проседью в волосах. В возникшем хаосе (люди шарахаются в стороны, газеты летят на пол, раздаются визг и крики) вы не станете доставать бумагу и перо и спокойно описывать происходящее. У вас моментально включается механизм понимания чужого сознания. Ну, и почему же небритый джентльмен, вокруг которого кружат мухи, схватил за горло другого джентльмена?

Если вы думаете, как большинство сограждан, то ваша оценка будет такова: напавший психически неуравновешен. Но постойте-ка! Мы видим расстроенную женщину, обнимающую дочь подросткового возраста и выкрикивающую оскорбления в адрес симпатичного бизнесмена (не такой он теперь и симпатичный – со сломанным-то носом). Женщина обвиняет его (вы едва можете расслышать из-за суматохи) в том, что он лапал девочку. Вот в чем дело! Похоже, этот бизнесмен – практикующий фротеррист. Теперь понаблюдайте, как, получив такие оперативные данные, ваш “грязный сумасшедший” на глазах превращается в “хорошего парня, которому не повезло в жизни”. Хотя он облачен не в сияющие доспехи, а в воняющие мочой тряпки, он уже положительный герой.

Механизм понимания чужого сознания служил большим подспорьем нашим предкам. Чем лучше они понимали, что происходило в черепной коробке другого (намерения, желания, эмоции, знания, убеждения и так далее), тем вернее догадывались, почему он вел себя определенным образом и, что еще важнее, чего

от него ждать. (Как говаривал мой научный руководитель в аспирантуре, “лучший способ узнать о поведении человека в будущем – оценить его поведение в прошлом”.) Способность объяснить и предугадать действия других полностью изменила правила игры для нашего вида. А когда речь заходит о сексе, становится ясно, что способность думать о том, что думают другие, имела колоссальное значение.

Вообразите, каким выглядел бы обычный половой контакт в отсутствие механизма понимания чужого сознания. Вот, например, “слепой” взгляд гетеросексуального мужчины, когда он входит в свою спальню. Крупный объект однородного бледного цвета, с заостренными концами на двух небольших выпуклостях, шевелится на простыне. Две тонкие палки, служившие опорой объекту в вертикальном положении, теперь раздвинуты в стороны и между ними видна розовая внутренняя часть, обрамленная черным шерстистым треугольником. Из отверстия, расположенного на противоположном конце объекта, выглядывает что-то красное: это похоже на покрытый сосочками организм,двигающийся у отверстия с неровными белыми краями. Чуть выше помещаются два подвижных синих стеклянных шарика с черными пятнышками посередине.

Описанное вовсе не похоже на то, что видят мужья, когда их взгляду предстают ко всему готовые жены в постели (во всяком случае, хочется на это надеяться). Не имея механизма понимания чужого сознания, позволяющего воспринимать “объект” как существо, обладающее сознанием, гетеросексуальный мужчина именно так обрабатывал бы полученную им визуальную информацию. Бытует мнение, что когда человек предстает перед другими нагим или в откровенной одежде, это ведет к тому, что его начинают воспринимать как объект. На самом деле созерцание обнаженного тела имеет обратный эффект на наше восприятие человека. Хотя (как обычно и бывает в науке) не все так просто. В 2011 году психолог Курт Грей пытался разобраться, что именно мы видим, глядя на людей без одежды. В ходе эксперимента, организованного Греем и его коллегами, 527 участников обоих полов (средний возраст – тридцать один год) рассматривали фотографии привлекательных моделей (также обоих полов). Участники должны были оценить способности каждой модели: “Насколько этот человек – по сравнению с обычным человеком – способен испытывать радость? Способен к планированию? К самоконтролю? Способен испытывать боль?” и так далее. Модели были либо полностью обнажены, либо полностью одеты – в этом заключалось единственное различие. Поза, освещение, выражение лица были абсолютно одинаковыми^[103]. Хотя обнаженные модели оказались менее способны к “разумной мыслительной деятельности” (то есть к исполнительному функционированию), они в большей степени, судя по оценкам, продемонстрировали способность испытывать физиологические и эмоциональные состояния (боль, голод, удовольствие, страх, страсть, ярость, радость). Грей объясняет: “Особое внимание к телу человека ведет не к дementализации, а к перераспределению (*redistribution*) свойств сознания”. Наиболее значительный эффект достигается, когда обнаженные модели предстают в дразнящих позах, схожей с той, что приняла “опредмеченная” жена в будуарной сцене.

Когнитивное искажение, при котором изображение обнаженного тела затмевает в нашем сознании его или ее интеллект и обостряет наше внимание к чувствам партнера, находит выражение и в нашем сексуальном поведении по отношению к этому человеку. Во время секса нас не особенно заботят математические способности нашего партнера, равно как и его (ее) талант к иностранным языкам. Нас в этот момент волнует, что партнер чувствует. Мы не считаем его куском мяса, а, напротив, чутко ощущаем, испытывает он удовольствие или боль. Даже сексуальный садист не считает людей предметами. Напротив, он способен получить удовольствие, лишь смоделировав сознание жертвы. Его возбуждение распаляется из-за перераспределения, описанного Греем. Мысленно лишив эротический объект каких бы то ни было когнитивных функций, он видит перед собой трепещущее, гиперчувствительное создание, мир которого переворачивается с ног на голову при каждом его прикосновении. У тех, чья сексуальная

жизнь чуть менее пугающая, механизм возбуждения тот же, только нас стимулирует восприятие не боли, а удовольствия, испытываемого партнером.

Для того, чтобы пара любовников могла синхронизировать свои движения и вместе достигать пика удовольствия, требуются очень развитые социальные навыки. Вряд ли это происходит при каждом контакте (у кого есть столько времени?), но после тренировок или хотя бы при помощи понижающих чувствительность пениса средств большинству из нас это вполне доступно. Даже те три минуты, которые в среднем длится половой акт, производят большее впечатление, чем пятнадцатисекундное трение гениталиями у наших родственников-приматов. Каким бы ни был секс у людей – замысловатым упражнением из Камасутры или стремительным перепихоном в парковом закоулке, – он почти всегда представляет собой танец чресл, взаимосвязь желаний. К сожалению, мы все равно не сможем слиться воедино даже при идеальной синхронизации оргазма. Не забывайте, что сознание существует лишь теоретически. Этот печальный факт Уильям Батлер Йейтс описал как “вечную девственность души” (*perpetual virginity of the soul*).

Механизм понимания чужого сознания не позволяет нам буквально проникнуть во внутренний мир другого человека (может, это и к лучшему – мало ли что там найдешь), но “оживляет” его. Окружающие нас люди – субъекты с собственными сексуальными желаниями, причем эти желания не всегда совпадают с нашими. Понимание чужого сознания позволило выработать ментальный конструкт “согласие”. Нет смысла пользоваться понятиями “сексуальное насилие” или “сексуальное принуждение”, описывая поведение представителей других биологических видов, при котором самец вступает в половую связь с сопротивляющейся самкой. На самом деле видов, у которых встречается такое поведение, довольно много. В этом случае у самца просто отсутствует когнитивный аппарат, необходимый, чтобы помыслить о психологическом вреде, который он причиняет сексуальному “объекту”. Представьте спаривающегося и одновременно размышляющего осла: “Секундочку... Вот интересно, а нравится ли ей то, что я делаю?” В отличие от осла, мужчины, нападающие на женщин (и мужчин), являются настоящими насильниками. Используя механизм понимания чужого сознания, насильник получает сигнал “стоп” (слова “нет” достаточно), однако не останавливается. Уникальная способность удостовериться в психологическом согласии другого индивида служит когнитивным ключом к появлению у нашего вида какой бы то ни было внутренне непротиворечивой формы половой морали. Что касается отношения к сексу, человеческие общества имеют больше различий, чем общих черт, и существуют огромные различия между формами и строгостью наказаний за сексуальные проступки, но ни в одной культуре не поощряется сексуальное насилие своих над своими.

Способность размышлять о мыслях других имеет странный эффект, часто приводящий людей в замешательство: чувство сексуального стыда. Вооружившись пониманием чужого сознания, мы можем взглянуть на себя глазами других. В случае с сексом картина может быть достаточно неприглядной. Когда наши предки научились понимать эротические мотивы соплеменников, они стали понимать, что другие могут так же размышлять об их собственных желаниях. Это привело к появлению негласных ритуалов сексуального обмана, иногда весьма коварного. Если вы были влюблены в кого-либо и, чтобы человек этого не узнал, скрывали свои чувства, вы совершали такой обман, основанный на понимании чужого сознания.

В этой связи возникает еще одно неприятное явление: например, нам очень хочется в чьих-либо глазах выглядеть привлекательно, но, к сожалению, мы не в его (ее) вкусе. (Поверьте, мало кому доводится испытывать безответную любовь чаще, чем гею.) Но существование индустрии косметики с многомиллиардным оборотом свидетельствует о том, что мы не прекращаем попыток. С другой стороны, быть предметом вздыхания человека, которого мы сами не считаем привлекательным, может быть неприятно. Дело не в том, что некто, не особенно вам симпатичный, безобидно влюблен в вас. Это куда ни шло. Но у вас может возникнуть и крайне неприятное чувство, когда вы знаете, что ваше тело вызывает

сильное половое возбуждение у кого-либо, а вам этого совсем не хочется. Именно это имеют в виду феминистки, когда употребляют термин “объективация”, а порнографию они метко определяют как “выражение мужского взгляда”. Так, Анджела Картер описывает это специфическое чувство в рассказе “Кровавая комната” (стоит его прочитать, если вы мужчина и желаете узнать, что значит быть женщиной, но вам не хочется покупать новый гардероб):

Я видела, как он с цепким прищуром знатока, осматривающего коней, или, может, хозяйки, приценивающейся к мясной вырезке на разделочном столе, наблюдает за моим отражением в обрамленных золотом зеркалах. [Эффект от взгляда] до странности усиливался благодаря моноклю, вставленному в левый глаз. Когда я увидела, с каким вожделием он на меня смотрит, то опустила глаза, а взглянув в сторону, вдруг увидела в зеркале себя. Внезапно я увидела себя такой, какой видел меня он, увидела свое бледное лицо, и мускулы на моей шее напряглись и натянулись, как тонкие струны^[104].

Дело усложняется еще и наличием субъективного сексуального восприятия человека. Ведь эксгибиционист получает удовольствия именно от мысли о том, что он будет поглощен взглядами других. (И действительно, обретшие силу женские персонажи Картер часто обнаруживают неожиданное возбуждение от мысли, что хищный взгляд мужчины шарит по их дрожащей плоти.)

Помимо собственных частных связей, наш механизм понимания чужого сознания позволяет нам с точки зрения морали оценивать тех, чья сексуальная природа кардинально отличается от нашей собственной (чем мы и занимались здесь). И когда эта система не сдерживается научно подтвержденными фактами, наши импульсивные суждения относительно этих людей могут быть очень суровыми. Во многом проблема возникает из-за того, что наше социальное познание в корне эгоцентрично. Мне, например, столь же трудно представить, что ощущает мужчина-гетеросексуал при виде женских половых органов, как и взглянуть на мир глазами гамадрила, возбужденного видом яркого бесформенного нароста на корме самки. (Я не шучу. Если вы до сих пор не поняли, я стопроцентный гей, можно сказать, Кинси-6.) Понимание механизмов репродуктивной биологии, конечно, дает мне возможность размышлять логически о гетеросексуальных стимулах. Образно говоря, ощутить себя в шкуре одного из этих самцов-приматов, – надо признать, не самое приятное для моего мозга упражнение. И, как мы видели, когда нас посещает чувство отвращения, наша способность мыслить этическими категориями заметно ухудшается.

А теперь давайте посмотрим, что происходит, когда совершенно гетеросексуальный мужчина (“Кинси-0” по шкале от 0 до 6) воображает секс с женщиной. В 1979 году психологи Дональд Мошер и Кевин О’Грейди провели эксперимент. Гетеросексуальным студентам колледжа показывали гей-порно и просили представить себя на месте одного из актеров: “[Испытайте] эмоции, как если бы вы на самом деле занимались сексом”. Как вы можете догадаться, результатом было – отвращение, злость, стыд, презрение и общее согласие с предложенными вариантами ответов:

Никогда не мог понять, зачем трахать мужика в задницу, когда можно заниматься сексом с женщиной.

В наши дни стало невозможно зайти в общественный туалет. Обязательно кто-нибудь будет пялиться на твой член или покажет тебе свой стояк.

Я лучше умру, чем буду педиком.

Педика всегда можно узнать по шмоткам^[105].

К счастью и для моды, и для гомосексуалов, 70-е годы позади. Однако, несмотря на перемены, мозг современных восемнадцати-девятнадцатилетних работает примерно так же, как в 1979 году – и как тысячелетия назад. Естественный отбор идет невероятно медленно, гораздо медленнее, чем человечество накапливает знания. Это ключевой пункт в контексте настоящего обсуждения, поскольку до тех пор, пока у нас как у биологического вида не разовьется совершенно новый мозг, любой моральный прогресс в области сексуального разнообразия зависит исключительно от нашей способности пользоваться знаниями в противовес предрассудкам.

В современном мире, где наши жизни сводятся лишь к букве в аббревиатуре (ЛГБТК^[106] – или какие еще прибавятся буквы), стало как никогда важно прекратить перетягивание каната между нашими врожденными суждениями и способностью критически мыслить. Когда людей подразделяют на столько сексуальных “видов” (и подвидов), негативные стереотипы покрывают их, как паразитирующие водоросли. Если не бороться с их распространением, станет невозможно разглядеть сквозь них конкретного человека. Именно так все и начиналось. Негативные стереотипы укрепляют иммунитет к моральной логике, поскольку у них бесспорный козырь адаптивности. Наш мозг систематически собирает и обобщает всю возможную отрицательную информацию о самых заметных социально-демографических группах в нашем окружении. Поскольку познакомиться со всеми членами группы невозможно, обрывки информации выбираются из крайне ограниченного набора. Но это не мешает нашему предвзятому мозгу автоматически и подсознательно, а иногда и вопреки нашим убеждениям, приписывать негативные черты всем представителям группы.

Вспомните бездомного в метро. Какое из предположений было безопаснее? (И прежде, чем вы дадите ответ, вспомните, что вы под землей, в замкнутом пространстве, и сбежать в случае конфликта некуда.) Вы решили, что у бездомного проблемы с психикой и он непредсказуем – или что мужчина с проседью в дорогом костюме сделал нечто ужасное и спровоцировал агрессию? Самое замечательное здесь то, что хотя ваш негативный стереотип – бездомные психически неуравновешенны – в данной ситуации и оказался неверным, он все же “верен” в том чуждом морали смысле, что заставил вас перестраховаться ради собственных эгоистичных генов. (Теперь вы улыбаетесь бомжеватому рыцарю, но если бы та женщина не закричала, вы до сих пор пытались бы избежать его взгляда.) В главе 1 я упоминал, что эта перестраховочная функция стереотипов помогала нашим предкам мгновенно принимать наилучшие решения при наличии ограниченной социальной информации. Но та же функция сделала из нас предвзятых ханжей. Обладая механизмом понимания чужого сознания и предрассудками, мы просто ожидаем от незнакомцев худшего.

Когда мы прибегаем к стереотипизации людей по признаку сексуальности (“лесбиянка”, “трансвестит”, “педофил”, “эксгибиционист”, “мазохист” и так далее), мы уже не видим человека. Причина, почему информация о скрываемой сексуальности затмевает все, что мы знаем об этом человеке, становится ясна в контексте эволюционной теории. В основе, конечно, лежит адаптивное поведение, направленное на увеличение шансов на размножение, и трудно представить стратегически более важную информацию о человеке, чем природа его (ее) сексуальных желаний. Если я вам расскажу, что вчера на ужин ел тайландскую лапшу с курицей, вряд ли этот факт будет вам интересен, разве только в том смысле, что вы узнаете, что я не любитель экспериментов. Но если я скажу, что вчера в туалете ресторана я наконец потерял гетеросексуальную девственность благодаря потрясюще красивой и (учитывая обстановку) невероятно терпеливой тайландской официантке, вы наострите уши. (И не забывайте, чему вас учила мама: “Слишком хорошо, чтобы быть правдой...” Если только мне не пересадят чужой мозг – и тогда я уже не буду самим собой, – боюсь, моему пенису вряд ли суждено когда-либо очутиться во влагище.)

Люди не властны над своей сексуальной ориентацией, но мы не контролируем и мозг, который эволюционно изменился так, чтобы обращать особое внимание и систематически собирать информацию о сексуальности других. С точки зрения эволюции это очень ценное знание. Так что позвольте мне признаться, что тогда случилось в ресторане. Тайландская официантка – на самом деле женатый мужчина, сидевший с женой за соседним столиком. Он целый час строил мне глазки, после чего мы провели несколько страстных минут в туалетной кабинке. О, а я опять вас обманул! Но заметьте, как эта история задела вас. Вероятно, у вас в голове промелькнуло, например: “А жена того мужчины в курсе?” или “Где все это время был Хуан?” Важнее всего то, что хотя мы не можем повернуть естественный отбор вспять и перепрограммировать социальное познание так, чтобы нас не интересовали желания и поведение других, мы, тем не менее, способны решить, как использовать информацию и относиться к человеку, ставшему

беззащитным из-за того, что мы обладаем этим знанием о нем. Как и в случае борьбы с алкоголизмом, первый шаг преодоления сексуального ханжества – это признание того, что мы ханжи.

Работая над книгой, я изучил много клинических случаев, и одна история кажется мне особенно трогательной. Это автобиографическое повествование, опубликованное в 1957 году в ежеквартальном журнале "Психиатрический вестник" (*Psychiatric Quarterly*). Письмо подписано "Бутс" (вполне уместно, учитывая, что у автора был фетиш – резиновые сапоги, мужские и мальчишковые) и адресовано редактору. Автор письма выразительно описывал эротическую фиксацию на резиновых сапогах и трудности, вызванные необходимостью всю жизнь скрывать эту "мученическую ношу" от окружающих^[107]. Но история Бутса – это и ода преобразующей силе человеческой дружбы. Автор-фетишист понимал, что если о его обожаемых сапогах узнают окружающие, общество увидит в нем лишь извращенца. Перспектива навсегда утратить свою более многогранную социальную идентификацию в случае, если он поведает окружающим о своих сексуальных предпочтениях, вызвала у него сильную тревогу. Бутс был достаточно умен. "Фетишисты могут сходить с ума по своим фетишам, – пишет он, – и быть за рамками этого непреодолимого наваждения во всех смыслах столь же разумными и здравомыслящими, как президент США" (это было задолго до восхождения звезды Джорджа У. Буша). Однажды Бутс отправился на поиски старых сапог (он притворялся коллекционером или старьевщиком) и случайно подружился с одним человеком – он многократно называет его "настоящим другом": "Нормальные не в состоянии... полностью понять какие-либо странные, необычные чувства, абсолютно чуждые их природе... Однако все же существуют люди, обладающие редким даром глубокого понимания, и они чувствуют скрываемые многими тайные печали". Бутс посвящает несколько страниц описанию добродетелей нового товарища, имя которого он не называет, но указывает, что тот – "нормальный женатый гетеросексуальный мужчина, бизнесмен":

Этот друг полностью подходит под лучшее определение настоящего друга, которое мне известно: "Настоящий друг – это тот, кто ЗНАЕТ О ТЕБЕ ВСЕ, но тем не менее остается твоим другом". Зная, что у каждого есть своя слабость, он принял правду о преследующем меня странном наваждении... Он понял, что в остальном я не особенно отличаюсь от других. Мой друг не стал сторониться меня, что сделало бы мой "тайный крест" еще тяжелее. Он дает мне утешение и помогает утолить "фетишистский голод".

Бутс имеет в виду не только то, что его "настоящий друг" – хороший человек и внимательный слушатель, но и то, что он старается по мере возможности снабжать его желанными предметами:

Зная, что эта не нужная другим обувь – для меня настоящее сокровище, он собирает все сапоги, что ему удастся найти, и дарит их мне как напоминание и символ моей трагической и безответной любви мужчины к мужчине... [Он] не осуждает, не высмеивает и не презирает меня. Мой друг – не психиатр, однако он сделал для моего счастья и душевного покоя больше, чем любой психиатр, который попытался бы избавить меня от тараканов в голове. Наша дружба – пример "мирного сосуществования" двух людей, чьи сексуальные эмоции столь же различны, как день и ночь.

"Это было лучшее из всех времен, это было худшее из всех времен", – написал Чарльз Диккенс. Я думаю, то же самое можно сказать о нынешнем положении дел, касающихся секса и сексуальности. Мы можем узнать себя в чопорных персонажах "Повести о двух городах", многие из которых обнаружили, что их бережно хранимые традиции изменила или вовсе опрокинула Французская революция. Мы наблюдаем новую "эпоху Просвещения". Наука о человеческой сексуальности движется вперед с беспрецедентной скоростью, и растет объем данных о том, что девиантность является в большей мере статус-кво, чем кто-либо мог предположить. Наша сексуальная мораль, сродни французской монархии, была основана на шатком фундаменте из мифов и обычаев, и эта конструкция едва ли выдержит наплыв научных фактов. Нет сомнения, что мы сейчас на нравственном перепутье, промокшие до нитки от гнева и смущения, и главный вопрос – какой путь мы выберем. Нам пригодились бы резиновые сапоги. (Кстати, если вам захочется вначале уединиться с ними в лесу, я не возражаю.)

Если мы решим двигаться в направлении тех, кто до сих пор скорбит по "старому доброму времени" (которое, как мы увидели, было не таким уж и добрым по отношению к людям необычного эротического склада), наша зашоренность будет все так же причинять вред, порождая личностный дистресс. Кажется очевидным, что нужно избрать другой путь, но путь этот куда более тернист, чем кажется, и именно поэтому мы так долго топчемся на месте. Эта тропа не просто малохоженная: на нее вообще не ступала нога человека. Поскольку ни одно общество еще не заходило так далеко, необходимо проложить путь к прочной системе половой этики и морали.

Наша новая система ценностей должна быть сложена из кирпичей и раствора доказанных научных фактов, а фундаментом ее должна служить та непреложная истина, что сексуальную ориентацию не выбирают. Стены должны защитить нас от урагана – а он непременно поднимется, лишь мы двинемся в путь, – и эти стены суть знание: нет зла, кроме того, что мы сами назовем злом. Наша путеводная звезда будет напоминать, что сладострастная мысль – это не аморальный поступок. А перилами нам послужит логика: в отсутствие очевидного вреда секс, в силу его предельно субъективной природы, – это сфера частной жизни. И, наконец, самое трудное: каждый должен пообещать себе, что сбросит тяжелый наряд сексуальной "нормальности" и будет гордо следовать этим путем в своем истинном обличье – отныне и во веки веков.

Ну что же, вперед.

Благодарности

Когда я взялся за "веселую книгу о половых девиациях", большинство моих знакомых решило, что я спятил. Не сомневаюсь, что многие из них остались при своем мнении и после ее прочтения. Впрочем, мой агент Питер Таллак с самого начала верил в этот проект, и за это я ему очень благодарен. К тому времени я уже много чего написал о человеческой сексуальности для журнала "Сайентифик американ", и почти всю жизнь я, будучи геем, задумывался о странностях социальной реальности. Однако задумал эту книгу я несколько лет назад, путешествуя по Европе. Душным летним днем мы с Хуаном ехали в городском автобусе, который постепенно наполнился пассажирами так, что остались лишь стоячие места, и запахи все густели. Пока автобус трясся по дороге в сторону Чинкве-Терре, я заметил мужчину из местных, лет шестидесяти, в синтетическом костюме кремового цвета. Пот лил с него в три ручья. Это вполне ожидаемо, если вы оделись подобным образом в июле на Итальянской Ривьере, но я обратил внимание вот на что: он украдкой поглядывал на грудь говорливой и ничего не замечающей девочки-подростка в бикини. На вид ей было лет четырнадцать-пятнадцать... Этому мужчине явно не следовало глазеть на девочку. Вот, собственно, и все: потный пенсионер пялился на симпатичную девочку. Тогда я задумался о том, что, вероятно, упускают из виду ученые, изучающие сексуальность нашего биологического вида. Вечером того же дня я сообщил Питеру, что хотел бы написать книгу о скрытых (точнее, скрываемых) желаниях. Ему понравилась эта мысль, и вот, пожалуйста, – книга перед вами.

Конечно, между смутным замыслом и собственно произведением лежит невероятно длинный путь. Настолько длинный, что редактор, который возьмется за проект, должен быть безумнее самого автора. Несколько лет назад мне посчастливилось встретить такого человека: Аманду Мун из издательства "Фаррар, Страус и Жиру", и с тех пор она мой редактор – тактичный, терпеливый и благожелательный. Иногда, работая, я слишком увлекаюсь и тогда способен, мягко говоря, допустить оплошность... Аманда уже достаточно хорошо знает меня и понимает, что именно я имел в виду. Если бы не Аманда, книга вышла бы куда оскорбительнее (если вас, конечно, здесь что-либо оскорбило).

Мне тем более повезло, что талантливый младший редактор из "Фаррар, Страус и Жиру" Кристофер Ричардс отважно взял на себя роль второго редактора. Он внес огромный вклад в создание этой книги. Ближе к завершению проекта важную роль сыграл младший редактор Даниэль Герстл. Я бы хотел поблагодарить редакторов Ингрид Стернер и Ленни Вулфа за заботу, зоркий глаз и внимание к деталям. Кэти Дейнман, мой агент в "Фаррар, Страус и Жиру", неустанно работала за кулисами всех моих странных проектов.

Я также благодарен Роберту Аллену и сотрудникам "Макмиллан аудио" за работу над аудиокнигой, а также Дагу Янгу и Мадлен Той из "Трансуорлд паблишерс" (Великобритания). С самого начала меня поддерживали трудяги из "Сайентифик американ", особенно Мариет Дикристинна и Бора Живкович. Я очень признателен сотрудникам Института им. Кинси (Университет Индианы) за то, что они позволили мне пользоваться архивными материалами.

Тем из дорогих мне людей, которым приходилось выслушивать рассказы о половых девиациях (за ужином, на семейных праздниках, во время трансатлантических перелетов), я приношу искренние извинения. Я очень благодарен вам. Хочу поблагодарить отца и мачеху, сестру и брата, их супругов, а также племянников и племянниц (которые однажды обнаружат эту книгу и поймут, почему родители уклончиво отвечали на вопросы о том, кем работает дядя Джесси).

Готовому ради меня на все Хуану (у него стало гудеть в ушах от чтения вслух историй, которые ему совсем не хотелось слушать, особенно перед сном), в чьи нежные объятия я ежевечерне возвращался, израненный знанием о чужой половой жизни, я обещаю, что больше не напишу о сексе ни слова. По крайней мере, обещаю передышку.

Наконец, я благодарен друзьям и коллегам, которые читали и комментировали рукопись, отвечали на вопросы о своих удивительных исследованиях или просто поддерживали меня словом, когда мне это было нужно. Вот некоторые имена (порядок не имеет значения): Айра Берлинер, Джейн Рот, Лори Сантос, Рэй Бланшар, Майк Сето, Джеймс Кантор, Тодд Шеклфорд, Кристофер Райан, Карен Франклин, Шон Мэсси, Рой Баумайстер, Мередит Чиверс, Дэйв Бьорклунд, Деррен Браун, Энн Лоуренс, Дэвид Басс, Бен Хэйл, Майкл Бейли, Дэвид Писсаро, Бекки Фортганг, Дэн Сэвидж, Патти Виргадамо, Эрин О'Доннелл, Рита Маркер, Мартин Кафка, Стив и Сонни Рот, Синди и Йеспер Сьогрен, Симон и Макс Кэрролл, Даниэль Энгбер, Лора Хельмут, Джинджер и Brent Гейгер, Алекс Лейкман, Кэролайн Кларк Ривера, Мишель Ротен Баумгартнер, Эрика Л'Аббе, Алондра и Йери Квилес, Джастин Нолан. Спасибо вам!

Примечания

"Редко когда человек..." Kinsey, Alfred C., Pomeroy, Wardell B., Martin, Clyde E., and Paul H. Gebhard *Concepts of Normality and Abnormality in Sexual Behavior*. New York: Grune and Stratton, 1949. P. 16.

Глава 1. Мы, извращенцы

"Жан Жене в пьесе..." Genet, Jean *The Balcony*. New York: Grove Press, 1994.

"Ничто человеческое..." Publius Terentius Afer [Terence] *Heauton Timorumenos [The Self-Tormentor]*. In: *Comoediae: Andria, Heauton Timorumenos, Eunuchus, Phormio, Hecyra, Adelphoe*. Kauer, Robert, and Wallace M. Lindsay, eds. Oxford: Oxford University Press, 1926. P. 25.

"В 1656 году британский лексикограф..." Blount, Thomas *Glossographia; or, A Dictionary Interpreting the Hard Words of Whatsoever Language Now in Our Refined English Tongue with Etymologies, Definitions, and Historical Observations on the Same*. Ann Arbor, Mich.: EEBO Editions, ProQuest, 2010.

"Еще в 524 году..." Boethius *The Consolation of Philosophy*. London: Penguin Classics, 2000.

"Докинз призывает рационалистов..." Dawkins, Richard *The God Delusion*. London: Great Bantam Press, 2008.

"Я и сам автор научно-атеистического опуса..." Bering, Jesse *The Belief Instinct: The Psychology of Souls, Destiny, and the Meaning of Life*. New York: W. W. Norton, 2011.

"Но из всех этих слов..." Jureidini, Jon *Perversion: Erotic Form of Hatred or Exciting Avoidance of Reality?* // *Journal of the American Academy of Psychoanalysis and Dynamic Psychiatry* 29 (2001): 195–211.

"Разгадку можно найти в работе..." Ellis, Havelock, and John A. Symonds *Sexual Inversion*. London: Wilson Macmillan, 1897.

"Эллис укоряет женщину..." Grosskurth, Phyllis *Havelock Ellis: A Biography*. New York: Knopf, 1980.

"Никогда не казалось вульгарным..." Ellis, Havelock *My Life: The Autobiography*. Cambridge, Mass.: Houghton Mifflin, 1930. P. 84.

"Ионафан испытывал к Давиду..." Ellmann, Richard *Oscar Wilde*. New York: First Vintage Books, 1988. P. 463.

"Уильям Нойес из Бостонской больницы для душевнобольных..." Noyes, William *Das Konträre Geschlechtsgefühl* // *Psychological Review* 4, no. 4 (1897): 447.

"Он пытается сделать отца..." Glasser, Mervin *Identification and Its Vicissitudes as Observed in the Perversions* // *International Journal of Psychoanalysis* 67 (1986): 14.

"Чтобы оправдать собственные взгляды..." Ryan, Christopher, and Cecilda Jeth *Sex at Dawn: The Prehistoric Origins of Modern Sexuality*. New York: Harper, 2010.

"Франс де Вааль отмечает..." Waal, Frans de *Sociosexual Behavior Used for Tension Regulation in All Age and Sex Combinations Among Bonobos* // *Pedophilia: Biosocial Dimensions* (1990): 378–393.

"Вздых, не более..." Sartre, Jean-Paul *No Exit, and Three Other Plays*. New York: Random House, 1989. P. 43.

"Эффект белого медведя..." Wegner, Daniel *White Bears and Other Unwanted Thoughts: Suppression, Obsession, and the Psychology of Mental Control*. New York: Viking, 1989.

"Негативные стереотипы указывают..." Kurzban, Robert, and Mark Leary *Evolutionary Origins of Stigmatization: The Functions of Social Exclusion* // *Psychological Bulletin* 127, no. 2 (2001): 187–208.

"Для половины 'выросших на фермах'..." Kinsey, Alfred C., Pomeroy, Wardell B., and Clyde E. Martin *Sexual Behavior in the Human Male*. Philadelphia: W. B. Saunders, 1948.

"Для не-зоофилов..." Earls, Christopher M., and Martin L. Lalumière *A Case Study of Preferential Bestiality* // *Archives of Sexual Behavior* 38, no. 4 (2009).

"Массовая истерия достигла..." Oaks, Robert F. "Things Fearful to Name": *Sodomy and Buggery in Seventeenth-Century New England* // *Journal of Social History* 12, no. 2 (1978).

"В Европе произошло..." Evans, Edward Payson *The Criminal Prosecution and Capital Punishment of Animals*. Clark, N. J.: Lawbook Exchange, 2009.

"Многие люди европейского происхождения..." Mendez, Fernando L., Watkins, Joseph C., and Michael F. Hammer *Neanderthal Origin of Genetic Variation at the Cluster of OAS Immunity Genes* // *Molecular Biology and Evolution* (2013) 30 (4): 798–801.

"Уголовное право почти не знает..." Kinsey, Alfred C., Pomeroy, Wardell B., Martin, Clyde E., and Paul H. Gebhard *Concepts of Normality and Abnormality in Sexual Behavior*. New York: Grune and Stratton, 1949. P. 12.

"Джонатан Хайдт ввел в оборот..." Haidt, Jonathan *The Emotional Dog and Its Rational Tail: A Social Intuitionist Approach to Moral Judgment* // *Psychological Review* 108, no. 4 (2001): 814–834.

"Мужчина состоит в клубе..." Gutierrez, Roberto, and Roger Giner-Sorolla *Anger, Disgust, and Presumption of Harm as Reactions to Taboo-Breaking Behaviors* // *Emotion* 7, no. 4 (2007): 868.

"Мой брат..." Rodgers, Thomas *Gay Porn's Most Shocking Taboo* // *Salon*, www.salon.com/2010/05/21/twincest/.

Глава 2. Эти гадкие, гадкие обезьяны

"Для небольшой, но все же значительной группы..." Ellis, Havelock *Studies in the Psychology of Sex* (online-ebooks.info, 2004), 5:12.

"Джеймс Джаннини в 1998 году обнаружил..." Giannini, A. James, et al. *Sexualization of the Female Foot as a Response to Sexually Transmitted Epidemics: A Preliminary Study* // *Psychological Reports* 83, no. 2 (1998): 491–498.

"Там может обитать..." Levin, Roy *Smells and Tastes – Their Putative Influence on Sexual Activity in Humans* // *Sexual and Relationship Therapy* 19, no. 4 (2004): 451–462.

"Секвенирование ДНК показывает..." Bourque, Guillaume, Pevzner, Pavel A., and Glenn Tesler *Reconstructing the Genomic Architecture of Ancestral Mammals: Lessons from Human, Mouse, and Rat Genomes* // *Genome Research* 14, no. 4 (2004): 507–516.

"Если позволить здоровому..." Koch, Paul C., and Roger H. Peters *Suppression of Adult Copulatory Behaviors Following LiCl-Induced Aversive Contingencies in Juvenile Male Rats* // *Developmental Psychobiology* 20 (1987): 603–611.

"Секс настолько физиологичен..." Goldenberg, Jamie L., Pyszczynski, Tom, Greenberg, Jeff, and Sheldon Solomon *Fleeing the Body: A Terror Management Perspective on the Problem of Human Corporeality* // *Personality and Social Psychology Review* 4, no. 3 (2000): 200–218.

"Зигмунд Фрейд писал..." Freud, Sigmund *On the Universal Tendency to Debasement in the Sphere of Love*. London: Hogarth Press, 1957. P. 187; Freud, Sigmund *Three Essays on the Theory of Sexuality*. London: Hogarth Press, 1953. P. 152.

"Ощутить на языке..." Levin, Roy *Smells and Tastes – Their Putative Influence on Sexual Activity in Humans* // *Sexual and Relationship Therapy* 19, no. 4 (2004): 451–462.

"Ученые во главе с Ричардом Стивенсоном..." Stevenson, Richard J., Case, Trevor I., and Megan J. Oaten *Effect of Self-Reported Sexual Arousal on Responses to Sex-Related and Non-sex-related Disgust Cues* // *Archives of Sexual Behavior* 40, no. 1 (2011): 79–85.

"Йоэль Инбар, Дэвид Писарро и Пол Блум показали..." Inbar, Yoel, Pizarro, David, and Paul Bloom *Disgusting Smells Cause Decreased Liking of Gay Men* // *Emotion* 12, no. 1 (2012): 23–27.

"Рой Левин пишет..." Levin, Roy *Smells and Tastes – Their Putative Influence on Sexual Activity in Humans* // *Sexual and Relationship Therapy* 19, no. 4 (2004): 451–462.

"Когда аллели ГКГС не совпадают..." Wedekind, Claus, Seebeck, Thomas, Bettens, Florence, and Alexander J. Paepke *MHC – Dependent Mate Preferences in Humans* // *Proceedings of the Royal Society of London: Series B: Biological Sciences* 260, no. 1359 (1995): 245–249.

"Сходный эффект можно наблюдать..." Bernstein, Ilene L., and Mary M. Webster *Learned Taste Aversions in Humans* // *Physiology and Behavior* 25, no. 3 (1980): 363–366.

"Если вы, будучи гомосексуалом..." Maletzky, Barry M., and Frederick S. George *The Treatment of Homosexuality by "Assisted" Covert Sensitization* // *Behaviour Research and Therapy* 11, no. 4 (1973): 655–657.

"В основе этой, теперь уже классической, теории..." Trivers, Robert *Social Evolution*. Menlo Park, Calif.: Benjamin/Cummings, 1985.

"Можно рассматривать потребность..." Stevenson, Richard J., Case, Trevor I., and Megan J. Oaten *Effect of Self-Reported Sexual Arousal on Responses to Sex-Related and Non-sex-related Disgust Cues* // *Archives of Sexual Behavior* 40, no. 1 (2011): 84.

"Участникам сообщали лишь..." Blanton, Hart, and Meg Gerrard *Effect of Sexual Motivation on Men's Risk Perception for Sexually Transmitted Disease: There Must Be 50 Ways to Justify a Lover* // *Health Psychology* 16, no. 4 (1997): 374.

"Дан Ариэли и Джордж Левенстайн нашли..." Ariely, Dan, and George Loewenstein *The Heat of the Moment: The Effect of Sexual Arousal on Sexual Decision Making* // *Journal of Behavioral Decision Making* 19, no. 2 (2006): 87–98.

"Несколько сотен женщин..." Fessler, Daniel M. T., and C. David Navarrete *Domain-Specific Variation in Disgust Sensitivity Across the Menstrual Cycle* // *Evolution and Human Behavior* 24, no. 6 (2003): 406–417.

"Семьдесят процентов жертв..." Fairbrother, Nichole, and S. Rachman *Feelings of Mental Pollution Subsequent to Sexual Assault* // *Behaviour Research and Therapy* 42, no. 2 (2004): 173–189.

"Две группы..." Fairbrother, Nichole, Newth, Sarah J., and S. Rachman *Mental Pollution: Feelings of Dirtiness Without Physical Contact* // *Behaviour Research and Therapy* 43, no. 1 (2005): 121–130.

"Я просто стояла..." Rahm, G. B., Renck, B., and K. C. Ringsberg *"Disgust, Disgust Beyond Description" – Shame Cues to Detect Shame in Disguise, in Interviews with Women Who Were Sexually Abused During Childhood* // *Journal of Psychiatric and Mental Health Nursing* 13, no. 1 (2006): 105.

"Это доказано..." Pryor, John B., Reeder, Glenn D., Yeadon, Christopher, and Matthew Hesson-McInnis *A Dual-Process Model of Reactions to Perceived Stigma* // Journal of Personality and Social Psychology 87, no. 4 (2004): 436.

"Повышается уровень самоубийств..." Dube, Shanta R., et al. *Long-Term Consequences of Childhood Sexual Abuse by Gender of Victim* // American Journal of Preventive Medicine 28, no. 5 (2005): 430–438.

"Джордж Бонанно показал..." Bonanno, George A., et al. *When the Face Reveals What Words Do Not: Facial Expressions of Emotion, Smiling, and the Willingness to Disclose Childhood Sexual Abuse* // Journal of Personality and Social Psychology 83, no. 1 (2002): 94–110.

"К десяти-одиннадцати годам..." Herdt, Gilbert, and Martha McClintock *The Magical Age of 10* // Archives of Sexual Behavior 29, no. 6 (2000): 596.

Глава 3. Сестрица нимфа, братец сатир

"Люди склонны..." Mori, Ogai *Vita Sexualis*. North Clarendon, Vt.: Tuttle, 2001. P. 151.

"Главной проблемой Ривьер считал..." Berrios, German E. *Classic Text No. 66: "Madness from the Womb"* // History of Psychiatry 17, no. 2 (2006): 231.

"Кэрол Гроунмен проследила..." Groneman, Carol *Nymphomania: The Historical Construction of Female Sexuality* // Signs 19, no. 2 (1994): 337–367.

"Явилась на прием дама..." Ibid.

"Одним из приверженцев..." Ibid.

"Вот слова еще одной американки..." Ibid.

"Когда он прикасался..." Ibid.

"Не вполне подходящей для своей профессии фамилией..." Studd, John, and Anneliese Schwenkhaugen *The Historical Response to Female Sexuality* // Maturitas 63, no. 2 (2009): 107–111.

"У нее женственное тело..." Ellis, Albert, and Edward Sagarin *Nymphomania: A Study of the Oversexed Woman*. New York: Gramercy, 1964. P. 61.

"Мальчики! У вас на душе..." Kellogg, John Harvey *Plain Facts for Old and Young*, 1887, www.gutenberg.org/files/19924/19924-h/19924-h.htm.

"Примерно тогда же Дж. Стэнли Холл..." Arnett, Jeffrey Jensen G. *Stanley Hall's Adolescence: Brilliance and Nonsense* // History of Psychology 9, no. 3 (2006): 192.

"В современной Европе..." Global Health Europe, <http://globalhealthurope.org>.

"Есть одно заметное исключение..." Krafft-Ebing, Richard von *Psychopathia Sexualis: With Special Reference to the Antipathic Sexual Instinct*, 1886.

"Очень долго считалось..." Reid, Rory C., Carpenter, Bruce N., and Thad Q. Lloyd *Assessing Psychological Symptom Patterns of Patients Seeking Help for Hypersexual Behavior* // Sexual and Relationship Therapy 24, no. 1 (2009): 47–63.

"Сатиры' сильнее других..." Klaf, Franklin S. *Satyriasis: A Study of Male Nymphomania*. New York: Lancer Books, 1966. P. 93.

"Успешные связи приносили..." Myers, Wayne A. *Addictive Sexual Behavior* // American Journal of Psychotherapy (1995): 476.

"Кафка определил гиперсексуальность..." Kafka, Martin P. *The Paraphilia-Related Disorders: A Proposal for a Unified Classification of Nonparaphilic Hypersexuality Disorders* // Sexual Addiction and Compulsivity: The Journal of Treatment and Prevention 8, nos. 3–4 (2001): 231.

"Если проводить границу..." Moser, Charles *Hypersexual Disorder: Just More Muddled Thinking* // Archives of Sexual Behavior 40, no. 2 (2011): 228.

"Одним из лучших источников..." Kinsey, Alfred C., Pomeroy, Wardell B., and Clyde E. Martin *Sexual Behavior in the Human Male*. Philadelphia: W. B. Saunders, 1948.

"Появление интернета породило..." Cooper, Al *Sexuality and the Internet: Surfing into the New Millennium* // CyberPsychology and Behavior 1, no. 2 (1998): 187–193.

"В 2010 году..." United Families International, <http://unitedfamiliesinternational.wordpress.com/2010/06/02/14-shocking-pornography-statistics/>.

"Задача пениса в том..." Hewlett, Barry S., and Bonnie L. Hewlett *Sex and Searching for Children Among Aka Foragers and Ngandu Farmers of Central Africa* // *African Study Monographs* 31, no. 3 (2010): 112.

"Незамужние женщины..." Kinsey, Alfred C., Pomeroy, Wardell B., Martin, Clyde E., and Paul H. Gebhard *Sexual Behavior in the Human Female*. Bloomington: Indiana University Press, 1953.

"В 2006 году было проведено исследование..." Långströmand, Niklas, and R. Karl Hanson *High Rates of Sexual Behavior in the General Population: Correlates and Predictors* // *Archives of Sexual Behavior* 35, no. 1 (2006): 37–52.

"Ее половое влечение..." Senthilkumaran, Subramanian, et al. *Hypersexuality in a 28-Year-Old Woman with Rabies* // *Archives of Sexual Behavior* 40, no. 6 (2011): 1327–1328.

"Это необычное расстройство..." Lilly, Ralph, Cummings, Jeffrey L., Benson, D. Frank, and Michael Frankel *The Human Klüver-Bucy Syndrome* // *Neurology* 33, no. 9 (1983): 1141–1145.

"С тех пор синдром Ключера – Бьюси..." Devinsky, Julie, Sacks, Oliver, and Orrin Devinsky *Klüver-Bucy Syndrome, Hypersexuality, and the Law* // *Neurocase* 16, no. 2 (2010): 140–145.

"В записях Крафт-Эбинга..." Krafft-Ebing, Richard von *Psychopathia Sexualis: With Special Reference to the Antipathic Sexual Instinct*, 1886. P. 51.

Глава 4. Амур-психопат

"Разнообразие радует!" Stekel, Wilhelm *Sexual Aberrations: The Phenomena of Fetishism in Relation to Sex*. New York: Liveright, 1971. P. 169.

"Парафилия гораздо чаще..." Cantor, James M., Blanchard, Ray, and Howard E. Barbaree *Sexual Disorders* / In: *Oxford Textbook of Psychopathology*, 2nd ed. Blaney, Paul H., and Theodore Millon, eds. New York: Oxford University Press, 2009. P. 527–548.

"Выбирали новорожденных крысят-самцов..." Fillion, Thomas J., and Elliot M. Blass *Infantile Experience with Suckling Odors Determines Adult Sexual Behavior in Male Rats* // *Science* 231, no. 4739 (1986): 729–731.

"Козлят воспитывали овцы..." Kendrick, Keith, et al. *Sex Differences in the Influence of Mothers on the Sociosexual Preferences of Their Offspring* // *Hormones and Behavior* 40, no. 2 (2001): 322–338.

"Не могу упустить возможность..." Temerlin, Maurice *Lucy: Growing Up Human*. Palo Alto, Calif.: Science and Behavior Books, 1975.

"Джеймс Кантор считает..." Cantor, James M., Blanchard, Ray, and Howard E. Barbaree *Sexual Disorders* / In: *Oxford Textbook of Psychopathology*, 2nd ed. Blaney, Paul H., and Theodore Millon, eds. New York: Oxford University Press, 2009. P. 527–548.

"Курт Фрейд, которого считают..." Freund, Kurt *Courtship Disorder: Is This Hypothesis Valid?* // *Annals of the New York Academy of Sciences* 528, no. 1 (1988): 172–182.

"Это фаза..." Money, John *Paraphilias: Phenomenology and Classification* // *American Journal of Psychotherapy* 38, no. 2 (1984): 174.

"Физически привлекательные продавцы..." Argo, Jennifer J., Dahl, Darren W., and Andrea C. Morales *Positive Consumer Contagion: Responses to Attractive Others in a Retail Context* // *Journal of Marketing Research* 45, no. 6 (2008): 690–701.

"Эми Марш считает..." Marsh, Amy *Love Among the Objectum Sexuels* // *Electronic Journal of Human Sexuality* 13 (2010), www.ejhs.org/volume13/ObjSexuals.htm.

"Стала героиней документального фильма..." BBC *Married to the Eiffel Tower*. Blink Films, 2008.

"Либби всегда говорит..." Marsh, Amy *Love Among the Objectum Sexuels* // *Electronic Journal of Human Sexuality* 13 (2010), www.ejhs.org/volume13/ObjSexuals.htm.

"Я полноват..." Ibid.

"Покрываю тысячей поцелуев..." Scherr, Arthur *Voltaire's Candide: A Tale of Women's Equality* // *Midwest Quarterly* 34, no. 3 (1993).

"Притрагивается рукой..." Stekel, Wilhelm *Sexual Aberrations: The Phenomena of Fetishism in Relation to Sex*. New York: Liveright, 1971. P. 171.

"Необщительный юноша..." McGuire, Brian E., Choon, George L., Nayer, Parva, and Julia Sanders *An Unusual Paraphilia: Case Report of Oral Partialism* // *Sexual and Marital Therapy* 13, no. 2 (1998): 207–210.

"Когда у мужчин начинают..." Baumeister, Roy F. *Gender Differences in Erotic Plasticity: The Female Sex Drive as Socially Flexible and Responsive* // *Psychological Bulletin* 126, no. 3 (2000): 348.

"Чиверс обнаружила..." Chivers, Meredith L. *A brief Review and Discussion of Sex Differences in the Specificity of Sexual Arousal* // *Sexual and Relationship Therapy* 20, no. 4 (2005): 377–390.

"Десятки тысяч лет назад..." Dawson, Samantha J., Suschinsky, Kelly D., and Martin L. Lalumière *Habituation of Sexual Responses in Men and Women: A Test of the Preparation Hypothesis of Women's Genital Responses* // *Journal of Sexual Medicine*, www.ncbi.nlm.nih.gov/pubmed/23320579.

"У кого были наиболее прочные отношения..." Massie, Henry, and Nathan Szajnberg *The Ontogeny of a Sexual Fetish*

from Birth to Age 30 and Memory Processes: A Research Case Report from a Prospective Longitudinal Study // *International Journal of Psychoanalysis* 78 (1997): 755–771.

"Единственным исключением..." Ibid. P. 760.

"Психиатры считают..." Wise, Thomas N., and Ram Chandran Kalyanam *Amputee Fetishism and Genital Mutilation: Case Report and Literature Review* // *Journal of Sex and Marital Therapy* 26, no. 4 (2000): 340.

"Как грибы, которые..." Money, John *Paraphilias: Phenomenology and Classification* // *American Journal of Psychotherapy* 38, no. 2 (1984): 165.

"Мани жалел этих маргиналов..." Ibid. P. 175.

"Эффект Зейгарник обозначает..." Munroe, Robert L., and Mary Gauvain *Why the Paraphilias? Domesticating Strange Sex* // *Cross-Cultural Research* 35, no. 1 (2001): 44–64.

"Мы больше не сжигаем..." Kinsey, Alfred C., Pomeroy, Wardell B., Martin, Clyde E., and Paul H. Gebhard *Concepts of Normality and Abnormality in Sexual Behavior*. New York: Grune and Stratton, 1949. P. 21.

Глава 5. Пристрастия и пристрастность

"Поскольку речь здесь идет..." Réage, Pauline *Story of O*. New York: Ballantine Books, 1973. P. xxix.

"Около 11 % из нас..." Shindel, Alan W., and Charles A. Moser *Why Are the Paraphilias Mental Disorders?* // *Journal of Sexual Medicine* 8, no. 3 (2011): 927–929.

"Дело было еще до..." Francescani, Chris *New York City "Cannibal Cop" Convicted of Plot to Kidnap Women* // *Reuters*, March 12, 2013.

"Ищу хорошо сложенного..." Harding, Luke *Victim of Cannibal Agreed to Be Eaten* // *Guardian*, December 3, 2003.

"Эмиль Гутхайль в 1947 году..." Gutheil, E. A. *A Rare Case of Sadomasochism* // *American Journal of Psychotherapy* 1, no. 1 (1947): 88.

"В 1998 году Брюсу Райнду и его соавторам..." Rind, Bruce, Tromovitch, Philip, and Robert Bauserman *A Meta-analytic Examination of Assumed Properties of Child Sexual Abuse Using College Samples* // *Psychological Bulletin* 124, no. 1 (1998): 22–53.

"Но об этом узнала радиоведущая..." Schlessinger, Laura *The Dr. Laura Program* // *Premiere Radio Networks*, March 23, 1999.

"Не имевшее прецедента в истории психологии..." Lilienfeld, Scott O. *When Worlds Collide: Social Science, Politics, and the Rind et al. (1998) Child Sexual Abuse Meta-analysis* // *American Psychologist* 57, no. 3 (2002): 176–188.

"Некоторые исследователи до сих пор..." Salter, Anna *Predators: Who They Are, How They Operate, and How We Can Protect Ourselves and Our Children*. New York: Basic Books, 2003.

"В 2006 году психолог Хизер Ульрих..." Ulrich, Heather, Randolph, Mickey, and Shawn Acheson *Child Sexual Abuse: A Replication of the Meta-analytic Examination of Childhood Sexual Abuse by Rind, Tromovitch, and Bauserman* (1998) // *Scientific Review of Mental Health Practice* 4, no. 2 (2005–2006): 47–51.

"Недавние исследования..." Blakemore, Sarah-Jayne, and Suparna Choudhury *Development of the Adolescent Brain: Implications for Executive Function and Social Cognition* // *Journal of Child Psychology and Psychiatry* 47, nos. 3–4 (2006): 296–312.

"Первый в истории закон..." Robertson, Stephen *Age of Consent Laws*, <http://chnm.gmu.edu/cyh/teaching-modules/230>.

"Стивен Робертсон отметил..." Ibid.

"Этого человека с потухшим взглядом..." Dewaraja, Ratnin *Formicophilia, an Unusual Paraphilia, Treated with Counseling and Behavior Therapy* // *American Journal of Psychotherapy* 41, no. 4 (1987): 594.

"Трансвестизм встречается не так часто..." Långström, Niklas, and J. Kenneth Zucker *Transvestic Fetishism in the General Population* // *Journal of Sex and Marital Therapy* 31, no. 2 (2005): 87–95.

"Между теми транссексуалами..." Lawrence, Anne A. *Becoming What We Love: Autogynephilic Transsexualism Conceptualized as an Expression of Romantic Love* // *Perspectives in Biology and Medicine* 50, no. 4 (2007): 506–520.

"Рэй Бланшар провозгласил..." Blanchard, Ray *The Concept of Autogynephilia and the Typology of Male Gender Dysphoria* // *Journal of Nervous and Mental Disease* 177, no. 10 (1989): 616–623.

"Бланшар не взял теорию с потолка..." Blanchard, Ray, Racansky, I. G., and Betty W. Steiner *Phallometric Detection of Fetishistic Arousal in Heterosexual Male Cross-Dressers* // *Journal of Sex Research* 22, no. 4 (1986): 452–462.

"Моя сексуальная жизнь началась..." Kinsey Institute Library and Special Collections, Indiana University.

"Этот молодой человек..." King, Michael B. *Sneezing as a Fetishistic Stimulus* // *Sexual and Marital Therapy* 5, no. 1 (1990): 69–72.

Глава 6. Подобающий возраст

"Когда мы познакомились..." *Testimony of Oscar Wilde in His Libel Trial*, <http://law2.umkc.edu/faculty/projects/ftrials/wilde/Wildelibelofact.html>.

"Они провели контент-анализ статей..." Neuilly, Melanie-Angela, and Kristen Zgoba *Assessing the Possibility of a Pedophilia Panic and Contagion Effect Between France and the United States* // *Victims and Offenders* 1, no. 3 (2006): 225–254.

"В начале 90-х годов..." Bailey, J. Michael, and Kenneth J. Zucker *Childhood Sex-Typed Behavior and Sexual Orientation: A Conceptual Analysis and Quantitative Review* // *Developmental Psychology* 31, no. 1 (1995): 43–55.

"Дело осложняется и тем..." Seto, Michael C., Hanson, R. Karl, and Kelly M. Babchishin *Contact Sexual Offending by Men with Online Sexual Offenses* // *Sexual Abuse: A Journal of Research and Treatment* 23, no. 1 (2011): 124–145.

"Милтон Даймонд опубликовал..." Diamond, Milton, Jozifkova, Eva, and Petr Weiss *Pornography and Sex Crimes in the Czech Republic* // *Archives of Sexual Behavior* 40, no. 5 (2011): 1037–1043.

"Анализ японской..." Diamond, Milton, and A. Uchiyama *Pornography, Rape, and Sex Crimes in Japan* // *International Journal of Law and Psychiatry* 22, no. 1 (1999): 1–22.

"...и датской статистики подтвердил..." Kutchinsky, Berl *The Effect of Easy Availability of Pornography on the Incidence of Sex Crimes: The Danish Experience* // *Journal of Social Issues* 29, no. 3 (1973): 163–181.

"Даймонд и его чешские соавторы признают..." Diamond, Milton, Jozifkova, Eva, and Petr Weiss *Pornography and Sex Crimes in the Czech Republic* // *Archives of Sexual Behavior* 40, no. 5 (2011): 1042.

"Монстр самим своим существованием..." Foucault, Michel *Abnormal: Lectures at the Collège de France, 1974–1975*. New York: Picador, 2003. P. 56.

"Однако интереснее всего..." Cantor, James M., et al. *Cerebral White Matter Deficiencies in Pedophilic Men* // Journal of Psychiatric Research 42, no. 3 (2008): 167–183.

"Белое вещество' – упрощенное название..." Jefferson, Cord *Born This Way: Sympathy and Science for Those Who Want to Have Sex with Children* // Gawker, September 7, 2012; <http://gawker.com/5941037>.

"Приведу пример анкетного опроса..." Santtila, Pekka, et al. *Childhood Sexual Interactions with Other Children Are Associated with Lower Preferred Age of Sexual Partners Including Sexual Interest in Children in Adulthood* // Psychiatry Research 175, no. 1 (2010): 154–159.

"Те, кто испытал насилие в детстве..." Hunter, John A., Figueredo, Aurelio Jose, and Neil M. Malamuth *Developmental Pathways into Social and Sexual Deviance* // Journal of Family Violence 25, no. 2 (2010): 141–148.

"Майкл Сето рассказывает..." Seto, Michael C. *Pedophilia and Sexual Offending Against Children: Theory, Assessment, and Intervention*. Washington, D. C.: American Psychological Association, 2007.

"Женщины составляют менее 1 %..." Из беседы автора с Майклом Сето (18 ноября 2012 г.).

"В 50-х годах представители чехословацкой армии..." *Remembering Kurt Freund* // Association for the Treatment of Sexual Abusers Forum 18, no. 4 (Fall 2006), <http://newsmanager.commpartners.com/atsa/issues/2006-09-15/2.html>.

"В наши дни тест..." Freund, Kurt, and Robin J. Watson *Assessment of the Sensitivity and Specificity of a Phallometric Test: An Update of Phallometric Diagnosis of Pedophilia* // Psychological Assessment: A Journal of Consulting and Clinical Psychology 3, no. 2 (1991): 254–260.

"Изобретатель плетизмографа, будучи не в силах..." *Remembering Kurt Freund* // Association for the Treatment of Sexual Abusers Forum 18, no. 4 (Fall 2006), <http://newsmanager.commpartners.com/atsa/issues/2006-09-15/2.html>.

"Достичь некоторого расслабления..." Freund, Kurt *A laboratory Method for Diagnosing Predominance of Homo- or Hetero-Erotic Interest in the Male* // Behaviour Research and Therapy 1, no. 1 (1963): 90.

"В последнее время стало нормой..." Kolla, Nathan J., et al. *Double-Blind, Placebo-Controlled Trial of Sildenafil in Phallometric Testing* // Journal of the American Academy of Psychiatry and the Law Online 38, no. 4 (2010): 502–511.

"Приток крови к половым органам..." Blanchard, Ray, et al. *Absolute Versus Relative Ascertainment of Pedophilia in Men* // Sexual Abuse: A Journal of Research and Treatment 21, no. 4 (2009): 431–441.

"Возраст первой менструации..." Anderson, Sarah E., and Aviva Must *Interpreting the Continued Decline in the Average Age at Menarche: Results from Two Nationally Representative Surveys of U. S. Girls Studied 10 Years Apart* // Journal of Pediatrics 147, no. 6 (2005): 753–760.

"Джеймс Таннер опубликовал..." Tanner, James M. *Foetus into Man: Physical Growth from Conception to Maturity*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1978.

"Я, наверное, соответствовал..." Feierman, Jay R. *Pedophilia (Part I): Its Relationship to the Homosexualities and the Roman Catholic Church* // Antonianum 85, no. 3 (2010): 467.

"Но мы могли наблюдать..." Ibid.

"Платон утверждал..." West, David *Reason and Sexuality in Western Thought*. New York: Polity, 2005.

"Если я вижу мальчика..." Money, John *Interview* // Paidika: The Journal of Paedophilia 2, no. 3 (1991): 5.

"Несколько веков назад..." Trumbach, Randolph *Homosexual Behavior and Western Culture in the 18th Century* // Journal of Social History 11, no. 1 (1977): 1–33.

"Лесбиянкам тоже не чужды..." Gay, Judith *"Mummies and Babies" and Friends and Lovers in Lesotho* // Journal of Homosexuality 11, nos. 3–4 (1986): 97–116.

"Власти некоторых американских штатов..." Franklin, Karen *The Public Policy Implications of "Hebephilia": A Response to Blanchard et al. (2008)* // Archives of Sexual Behavior 38, no. 3 (2009): 319–320.

"Джером Уэйкфилд предложил..." Wakefield, Jerome C. *Evolutionary Versus Prototype Analyses of the Concept of Disorder* // Journal of Abnormal Psychology 108, no. 3 (1999): 374–399.

"Транссексуалам ставили диагноз..." Cameron, Eric *APA to Remove "Gender Identity Disorder" from DSM – V* // Human Rights Campaign Blog, December 4, 2012, www.hrc.org/blog/entry/apa-to-remove-gender-identity-disorder-from-dsm-5.

"АПА переквалифицировала гомосексуальность..." Anton, Barry S. *Proceedings of the American Psychological Association for the Legislative Year 2009: Minutes of the Annual Meeting of the Council of Representatives and Minutes of the Meetings of the Board of Directors* // American Psychologist 65, no. 5 (2010): 385–475.

"Результаты антропологических исследований..." Hayes, Raymond, and Ray Blanchard *Anthropological Data Regarding the Adaptiveness of Hebeophilia* // Archives of Sexual Behavior 41, no. 4 (2012): 745–747.

"Высок риск оказаться рогоносцем..." Shackelford, Todd K., and Aaron T. Goetz *Adaptation to Sperm Competition in Humans* // Current Directions in Psychological Science 16, no. 1 (2007): 47–50.

"Если бы эта черта..." Alanko, K., Salo, B., Mokros, A., and P. Santtila *Evidence for heritability of adult men's sexual interest in youth under age 16 from a population-based extended twin design* // Journal of Sexual Medicine, April 2013, Volume 10, Issue 4, pp. 1090–1099.

"Карен Франклин обвинила..." Franklin, Karen *Why the Rush to Create Dubious New Sexual Disorders?* // Archives of Sexual Behavior 38, no. 4 (2010): 819–820.

"Название одной из статей Грина..." Green, Richard *Sexual Preference for 14-Year-Olds as a Mental Disorder: You Can't Be Serious!* // Archives of Sexual Behavior 39, no. 3 (2010): 585–586.

"Одного мрачного персонажа..." Holt, Thomas J., Blevins, Kristie R., and Natasha Burkert *Considering the Pedophile Subculture Online* // Sexual Abuse: A Journal of Research and Treatment 22, no. 1 (2010): 11.

"А представители канала..." Barnes, Brook *A Topless Photo Threatens a Major Disney Franchise* // New York Times, April 28, 2008.

"Мне жаль, что портрет..." Annie Leibovitz: *"Miley Cyrus Photos Were Misinterpreted"* // Hollywood.com, April 28, 2008.

"Экскурс в историю изобразительного искусства..." Greer, Germaine *The Beautiful Boy*. New York: Rizzoli, 2003.

"Грир охарактеризовала..." Young, Emma *Sticks and Stones May Break Bones but Not Stereotypes* // Sydney Morning Herald, October 27, 2003.

"Считается, что лишь небольшая подгруппа..." Greer, Germaine *Country Notebook: Beautiful Boys Cause Bedlam* // Telegraph, December 7, 2002.

"Кевин Радд заявил..." Simpson, Brian *Sexualizing the Child: The Strange Case of Bill Henson, His "Absolutely Revolting" Images, and the Law of Childhood Innocence* // Sexualities 14, no. 3 (2011): 290–311.

"А сам фотограф..." Olding, Rachel *Henson: Photo Furore Was "Inconvenient at Best"* // Sydney Morning Herald, March 8, 2011.

Глава 7. Уроки жизни для бесстыжих развратников

"Представьте, каково было подростку..." Higginson, Thomas W. *Life of Francis Higginson, First Minister in the Massachusetts Bay Colony*. New York: Dodd, Mead, 1891.

"Проблемой, с которой пришлось разбираться..." Oaks, Robert F. *"Things Fearful to Name": Sodomy and Buggery in Seventeenth-Century New England* // Journal of Social History 12, no. 2 (1978).

"Некоторые [врачи] попытались..." Marañón, Gregorio *The Evolution of Sex and Intersexual Conditions*. London: G. Allen & Unwin, 1932.

"Автор делится премудростями..." Fere, Charles Samson *Scientific and Esoteric Studies in Sexual Degeneration in Mankind and in Animals*. New York: Falstaff Press, 1932. P 145.

"Мы, приматы..." Povinelli, Daniel J., Bering, Jesse M., and Steve Giambrone *Toward a Science of Other Minds: Escaping the Argument by Analogy* // Cognitive Science 24, no. 3 (2000): 509–541.

"Дэвид Премак и Гай Вудраф предложили..." Premack, David, and Guy Woodruff *Does the Chimpanzee Have a Theory of Mind?* // Behavioral and Brain Sciences 1, no. 4 (1978): 515–526.

"Курт Грей пытался разобраться..." Gray, Kurt, et al. *More Than a Body: Mind Perception and the Nature of Objectification* // Journal of Personality and Social Psychology 101, no. 6 (2011): 1207–1220.

"Дональд Мошер и Кевин О'Грейди провели эксперимент..." Mosher, Donald L., and Kevin E. O'Grady *Homosexual Threat, Negative Attitudes Toward Masturbation, Sex Guilt, and Males' Sexual and Affective Reactions to Explicit Sexual Films* // Journal of Consulting and Clinical Psychology 47, no. 5 (1979): 860.

"Наш мозг систематически собирает..." McAndrew, Francis T., and Megan A. Milenkovic *Of Tabloids and Family*

Secrets: The Evolutionary Psychology of Gossip // Journal of Applied Social Psychology 32, no. 5 (2006): 1064–1082.

"Автор письма выразительно описывал..." Boots [pseud.] *The Feelings of a Fetishist* // Psychiatric Quarterly 10 (1957): 742–758.

Сноски

1

Пер. Е. Наумовой. – Прим. пер.
(обратно)

2

"Утешение философией" почти не привлекало внимания, пока в XIV веке его не перевел Джеффри Чосер. Определение извращенца, приведенное Блаунтом, берет истоки в переводе Чосером текста 524 года.
(обратно)

3

Эллис горячо поддерживал исследования в области евгеники и некоторое время даже являлся президентом Института им. Гальтона [современное название], основной задачей которого было улучшение приспособленности (и качества генофонда) нашего вида путем контролируемого скрещивания людей. То, что склонность к сексуальным странностям может передаваться по наследству, Эллиса не смущало.
(обратно)

4

Эллис, будучи убежден, что сексуальные фетиши уходят корнями в детские переживания, вспоминал, что, когда ему было девять лет, мать в шутку бросила ему в лицо мокрую пеленку младшей сестры. Будучи уже подростком, он однажды прогуливался с матерью в зоологическом саду. Миссис Эллис присела где-то в кустах, чтобы облегчиться. Хэвлок вспоминал, как звук ударяющейся о землю струи растревожил его, двенадцатилетнего. Прошло не так много времени, и он уже занимался научными измерениями траектории струи мочи своих одноклассников, причем с характерным для него самоанализом отмечал: "Энергия моего собственного мочевого пузыря ниже средней". Кульминацией стало эмпирическое исследование "Мочевой пузырь как динамометр". См.: Ellis, Havelock *The Bladder as a Dynamometer* // American Journal of Dermatology 6 (May 1902).
(обратно)

5

Андре Жид описал совершенное вместе с Уайльдом незадолго до суда путешествие по Алжиру, где они искали мальчиков для секса. См.: Gide, André *If It Die: An Autobiography*. New York: Modern Library, 1935.

(обратно)

6

Пер. Л. Мотылева. – Прим. пер.
(обратно)

7

Узнав о предстоящем выходе в свет книги Эллиса и Симондса, манхэттенский психиатр Аллан Маклейн Гамильтон опубликовал статью "Гражданская ответственность сексуальных извращенцев". См.: Hamilton, Allan McLane *Civil Responsibility of Sexual Perverts* // *American Journal of Psychiatry* 52 (1896). Эллис в общем безразлично относился к гомосексуальности, Гамильтон же считал, что это настолько вредоносное заболевание, что в случае обнаружения постоянных гомосексуальных или лесбийских пар их следует разлучать: "Я твердо убежден, что в таких обстоятельствах можно прибегнуть не только к насильственному разлучению; в тяжелых случаях врач должен по собственной инициативе в особом порядке обратиться в суд".

[\(обратно\)](#)

8

Мишель Фуко в первом томе "Истории сексуальности" (Foucault, Michel *The History of Sexuality*. Vol. 1. New York: Random House, 1978) возводит истоки концепции гомосексуальности как биологической сущности, а не просто действия, к малоизвестной статье 1870 года, написанной немецким неврологом Карлом Вестфалем. Тот описал несколько пациентов с "противоречивыми сексуальными чувствами", которых мы сочли бы явными геями и лесбиянками. Когда я читал историческую литературу на эту тему, мне показалось, что среди западных врачей стало принято считать гомосексуальность психосексуальным состоянием только после подробного разбора темы позднейшими сексологами, например Крафт-Эбингом и Эллисом (в сочетании с их популярными книгами, которые нашли более широкую аудиторию, чем научные статьи).

[\(обратно\)](#)

9

Вновь возникшая медиализация гомосексуальности до некоторой степени предоставляла геям и лесбиянкам юридическую защиту от излишне усердных прокуроров, пытавшихся бросить за решетку всех, кого застали за сексом с представителем своего пола, особенно если учесть, что секс между взрослыми гомосексуалами по взаимному согласию еще довольно долго оставался вне закона. Во многих местах показания психиатра о том, что обвиняемый страдает психическим заболеванием, именуемым "инверсией", могли смягчить наказание за гомоэротические проделки.

[\(обратно\)](#)

10

Мне жаль, что Библия может настолько подчинить себе способность человека критически мыслить, но религиозные люди обычно цитируют Евангелие от Матфея (5:28): "А Я говорю вам, что всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем".

[\(обратно\)](#)

11

Пер. С. Лихачевой. – Прим. пер.

[\(обратно\)](#)

12

Чтобы заглянуть в тайный мир сексуальных фантазий "обычного" человека, прочитайте книгу психолога Бретта Кара. См.: Kahr, Brett *Who's Been Sleeping in Your Head? The Secret World of Sexual Fantasies*. New York: Basic Books, 2008.

[\(обратно\)](#)

13

Пер. И. Багрова, М. Литвинова. – Прим. пер.

[\(обратно\)](#)

14

Эллис назвал это явление "ретифизм", в честь Ретифа де ля Бретона, который писал, что, будучи еще мальчиком, "вздрагивал от удовольствия", краснел и опускал глаза при виде башмачков симпатичной девочки, будто в присутствии самой девочки.

[\(обратно\)](#)

15

Далее я расскажу об истоках фетишизма более подробно. Социолог Мартин Вайнберг, проводивший исследования среди геев-подофилов из "Братства ног", обнаружил, что большинство опрошенных прослеживают связь между своим пристрастием к ногам и конкретными событиями детства. Достаточно часто это были невинные игры с нижними конечностями собственных родителей. "Я спал валиетиком с родителями, и отцовские ноги оказывались у моего лица", – вспоминает один из участников исследования. "Я щекотал отцу ноги, – делится другой. – Мне очень нравилось, когда он смеялся... Он показывал, что ему это очень нравится, это было элементом игры". Еще один вспоминает: "Когда мне было пять или шесть лет, я снимал с отца обувь и тер его горячие ноги... Они были мягкие и теплые, и ему это явно приносило удовольствие. Обычно он засыпал, и я мог целовать и лизать его ноги". См.: Weinberg, Martin S., Williams, Colin J., and Cassandra Calhan *"If the Shoe Fits...": Exploring Male Homosexual Foot Fetishism* // *Journal of Sex Research* 32, no. 1 (1995): 17–27. Мужчины в этом исследовании оказались геями, но механизм работает точно так же в случае подофилов-гетеросексуалов. Группа неофрейдистов попыталась разобраться с ситуацией шестнадцатилетнего мальчика, который с младенчества быть влюблен в ноги матери. Вначале ей казалось это милым, но к тому времени, когда ему исполнилось шесть, привязанность к ногам стала приобретать сексуальный характер: "Когда он лижет ее ноги, у него часто возникает эрекция, и он играет со своим пенисом". См.: Bemporad, Jules R., Dunton, H. Donald, and Frieda H. Spady *The Treatment of a Child Foot Fetishist* // *American Journal of Psychotherapy* 30, no. 2 (1976): 303–316.

(обратно)

16

Группа ученых решила узнать, все ли вагины пахнут одинаково. Для этого они выделили "вагинальные испарения" десяти женщин. Участницы эксперимента не должны были спринцеваться в течение недели до теста, не вступать в половую связь в предшествующие двое суток, не есть чеснок и пряную пищу, потому что те влияют на генитальные жидкости. То, что нюхальщики смогли различить запахи женщин-доноров, позволило сделать вывод, что в зависимости от состава обитателей немытой промежности, все женщины на планете пахнут по-своему. См.: Keith, Louis, Stromberg, Paul, Krotoszynski, B. K., Shah, Joan, and Andrew Dravnieks *The Odors of the Human Vagina* // *Archives of Gynecology and Obstetrics* 220, no. 1 (1975): 1–10.

(обратно)

17

Пер. М. Лозинского. – Прим. пер.

(обратно)

18

Пер. М. Вульфа. – Прим. пер.

(обратно)

19

Существуют заметные индивидуальные различия в чувствительности к отвратительному. Рассмотрим некоторые примеры, разработанные психологом Петером де Йонгом для оценочной шкалы. Готовы ли вы "лежать под простыней, под которой вы вчера занимались мастурбацией и на которой видны пятна", или "прикоснуться к грязному нестиранному полотенцу, которым, возможно, кто-то вытирал сперму или влагалищные выделения после полового акта (например, полотенце в гостинице)"? (Ведь есть разница между полотенцем из отеля "Фор сизонс", которым пользовался известный манекенщик, и тем, которым вытирался укуренный сутенер в обшарпанном мотеле.) Но здесь мы говорим о прочих равных условиях. Интересно, что женщины, страдающие вагинизмом, проявляют большее отвращение при мысли о прикосновении к грязным предметам, чем участники из контрольной группы. "С этой точки зрения сложность пенетрации у женщин с вагинизмом может быть отчасти связана с защитной реакцией, вызванной отвращением", – считает де Йонг. Иными словами, на этих женщин не действует "местный наркоз". См.:

Jong, Peter J. de, et al. *Disgust and Contamination Sensitivity in Vaginismus and Dyspareunia* // Archives of Sexual Behavior 38, no. 2 (2009): 244–252.

(обратно)

20

Это происходило примерно в то же время, когда Американская ассоциация психиатров исключила гомосексуальность из официального справочника психических заболеваний (нечто вроде Библии для психиатров). Но еще долгие годы в частных клиниках оставались популярными методы “обращения” геев в гетеросексуалов.

(обратно)

21

Если у мужчины есть фетиш или парафилия, которая считается преступной или неприемлемой в обществе, то шансы этого “игрока” существенно снижаются. Психология всех мужчин сходна в том смысле, что похоть снижает их моральные стандарты, но в случае потворства своим импульсам при девиантном поведении мужчина оказывается в заведомо проигрышной ситуации.

(обратно)

22

Пер. М. Климовой и В. Кондратовича. – Прим. пер.

(обратно)

23

Данные Фесслера и Наваррете касаются чувства отвращения, а не оценочных суждений. Но результаты указывают на то, что в период овуляции у женщин, вероятно, достигает высшей точки “моральное ошеломление” (“это дурно, потому что это отвратительно”).

(обратно)

24

Этот эффект работает и в обратную сторону: люди пытаются символически очиститься от собственной похоти. Один из наиболее шокирующих примеров – насилие над младенцами в Южной Африке после крушения режима апартеида. В этом обществе распространен “миф о девственнице”, смысл которого в том, что единственный способ излечить ВИЧ-инфицированного мужчину – это заняться сексом с девственницей. Это привело к тому, что мужчины стали искать самых “девственных” и морально чистых сексуальных партнеров, (которыми, к сожалению, оказались младенцы и маленькие дети). “Ребенок не только подвергся насилию, – пишет социолог Дебора Позел. – Риск заражения ВИЧ мог означать для ребенка смертный приговор”. См.: Posel, Deborah *The Scandal of Manhood: “Baby Rape” and the Politicization of Sexual Violence in Post-Apartheid South Africa* // Culture, Health, and Sexuality 7, no. 3 (2005): 246.

(обратно)

25

Хотя термин “нимфомания” (“женское заболевание, характеризующееся патологическим и бесконтрольным сексуальным желанием”) приобрел популярность в викторианскую эпоху, автором этого термина следует считать французского врача М. Д. Т. де Бьенвиля. Он впервые использовал его в своей диссертации, озаглавленной “Нимфомания, или Рассуждение о бешенстве матки” (1775). В древнегреческой мифологии нимфами назывались божества женского пола, которые обычно изображались в виде юных девушек, ведомых страстями и безудержно совокуплявшихся со смертными обоих полов.

(обратно)

26

Жеребец (англ.). – Прим. пер.

(обратно)

27

Кем бы ни был этот “Берт”, стоит отметить его поразительную для своего времени способность игнорировать мнение Эллиса. Утверждать, что ты психически здоров, когда почти весь мир твердит

об обратном, требует либо могучего самообмана, либо нечеловеческой моральной ясности. Ирония в том, что большинство экспертов сегодня без колебаний согласились бы со вторым.

[\(обратно\)](#)

28

До сих пор не доказано, предопределены ли генетикой индивидуальные различия либидо, но это заслуживающая внимания гипотеза. В конце 80-х годов XX века среди бруклинских евреев-хасидов была обнаружена большая концентрация связанных родственными узлами "гиперсексуалов" (современный термин, обозначающий чрезмерное сексуальное влечение и, как мы скоро увидим, тоже проблематичный для научного использования). См.: Needell, Nancy J., and John C. Markowitz *Hypersexual Behavior in Hasidic Jewish Inpatients* // *Journal of Nervous and Mental Disease* 192, no. 3 (2004): 243–246.

[\(обратно\)](#)

29

Термин "сексуальная зависимость" является спорным, и во многом этот спор происходит только из-за лингвистики. Противники этого выражения считают, что понятие зависимости применимо лишь к химической зависимости, возникающей в мозге от веществ, попадающих в организм извне – алкоголя и других наркотиков, – и указывают на то, что нелогично говорить о зависимости, когда речь идет о половом влечении. Можно метафорически сравнить порнографию с наркотиком, но естественные чувственные переживания и химические вещества – совсем разные вещи.

[\(обратно\)](#)

30

Люди с сексуальными отклонениями (зоофилы, педофилы, фетишисты, эксгибиционисты и вуайеристы и т. д.) также могут быть "гиперсексуалами" (на самом деле, те, кто имеет подобные предпочтения, обычно обладают незаурядным либидо), но предложение Кафки относилось лишь к "нормофилам".

[\(обратно\)](#)

31

Разногласия обусловлены в основном методами подтверждения информации.

Так, предлагается более консервативная оценка: порнографии посвящено около 4 % сайтов. См.: Ogas, Ogi, and Sai Gaddam *A Billion Wicked Thoughts: What the World's Largest Experiment Reveals about Human Desire*. New York: Dutton, 2011.

[\(обратно\)](#)

32

Можно подвергнуть сомнению точность этих цифр, ведь никто не устанавливал скрытых камер в спальнях этих мужчин. Однако анонимность респондентов, а также сходство с результатами, полученными в рамках других исследований, указывает на то, что эти значения ОСР являются достоверными.

[\(обратно\)](#)

33

Африканцы кикуйю (и многие жители Запада), напротив, считают, что во время беременности половой акт, при котором пенис вводится во влагалище, может нанести вред плоду (в действительности это не так), и мужчины кикуйю обязаны особым образом перевязывать пенис, что не позволяет ему входить во влагалище глубже пяти сантиметров.

[\(обратно\)](#)

34

Термины "самец человека" и "самка человека" в заглавии книг Кинси в наши дни нужно бы ставить в кавычки, поскольку с тех пор, как вышли эти книги, мы узнали много нового о широком разнообразии полового поведения, например у народа ака.

[\(обратно\)](#)

35

Религиозное воспитание и связанные с религией представления о сексе также играют сдерживающую роль. Согласно одному исследованию, мужчины-гиперсексуалы, обратившиеся за медицинской помощью, с высокой вероятностью принадлежат к религиозным группам или отмечают, что религия для них важна. См.: Reid, Rory C., Carpenter, Bruce N., and Thad Q. Lloyd *Assessing Psychological Symptom Patterns of Patients Seeking Help for Hypersexual Behavior // Sexual and Relationship Therapy* 24, no. 1 (2009): 47–63.

(обратно)

36

Пер. М. Кузьмина. – *Прим. пер.*

(обратно)

37

Некоторые сексологи позже отмечали, что термин “парафилия” неточно отражает смысл девиантных сексуальных желаний и что более верным был бы термин “паралагния”, поскольку по-гречески *лагния* значит “страсть”. Действительно, это слово лучше описывает суть явления: речь идет о том, что человека возбуждает, а не о любви как таковой. Но лишь при сочетании любви и полового влечения складываются романтические отношения. Они могут поразительно влиять друг на друга, но это два различных аспекта, и мы рассматриваем именно влечение. В любом случае, прояснив эти детали, мы будем и дальше пользоваться термином “парафилия” для описания необычных сексуальных желаний.

(обратно)

38

Отчетливо помню, как в семнадцатилетнем возрасте пообещал унести в могилу тайну своей гомосексуальности. (Ну, наверное, я открылся бы некоей тайной лесбиянке – желательной предпочитающей активную роль в сексе, – на которой я бы женился. Мы поклялись бы друг другу на крови ни при каких условиях не выдавать наш страшный секрет.) Два обстоятельства повлияли на мое решение. Во-первых, однажды в Атланте я чуть не умер от случайной передозировки инсулина, и это заставило меня жить более открыто. Во-вторых, я благодарен науке: разум перевесил стыд и страх, вытолкнув меня из тени.

(обратно)

39

Кроме акротомофилов, существуют апотемнофилы, чьи эротические фантазии связаны с ампутацией собственных конечностей. В 2005 году психиатр Майкл Ферст опросил пятьдесят двух мужчин среднего возраста, которые рассказали, что всю жизнь мечтали, чтобы им ампутировали какую-нибудь конечность. Четырнадцати удалось реализовать эту мечту. Почти все участники имели хорошую работу и университетское образование. Аналогично тому, как транссексуалы говорят, что они чувствуют, будто родились в чужом теле, апотемнофилы не могут избавиться от ощущения, что их “истинное ‘я’” – это ампутант. (Самая желанная модификация – ампутация ноги выше колена.) Многие из участников опроса были в таком отчаянии, что предпринимали огромные усилия, чтобы избавиться от мешающей им части тела. Психиатр нашел людей, которые дробили свои ноги в спортзале, использовали ружья, бензопилу, щеподробилку и даже сухой лед, чтобы избавиться от чуждых конечностей. Они полагали, что если нанесут себе достаточные повреждения, хирург будет вынужден довести дело до конца. Наибольшее сожаление, выражаемое теми, кто все же добился своего, заключалось в том, что они не сделали этого раньше. “Я в полном восторге, прекрасно себя чувствую, и моя сексуальность теперь в норме”, – заявил один из них. “Я наконец обрел покой, меня больше не терзает чувство безысходности”, – говорит другой. См.: First, Michael B. *Desire for Amputation of a Limb: Paraphilia, Psychosis, or a New Type of Identity Disorder // Psychological Medicine* 35, no. 6 (2005): 926.

(обратно)

40

Тем не менее, парафилии со временем меняются. В былые времена достаточно часто встречалась агальматофилия (от греч. *агальма* – “статуя”). Греческие и римские источники часто упоминают о мужчинах,

сексуальный интерес которых проявлялся исключительно к каменным изваяниям. Плиний Старший писал о человеке, так полюбившем статую Афродиты, что по ночам тайком обнимал ее, и его выдало влажное пятно, оставшееся на статуе. См.: Scobie, A., and A. J. W. Taylor *Perversions Ancient and Modern: I. Agalmatophilia, the Statue Syndrome* // *Journal of the History of the Behavioral Sciences* 11, no. 1 (1975): 51. Для современных агальматофилов предметом страсти становятся натуралистично выполненные куклы в человеческий рост (это педифилия, от греч. *педис*, "кукла"; не путать с педофилией). В ближайшее время можно ожидать всплеск численности роботофилов. Хотя агальматофилия осталась в прошлом, развитие технологий принесло нам много нового в области парафилий: от любителей латекса и механофилов, которых возбуждают автомобили, до электрофилов, которым сексуальная жизнь не мила без электрического тока. Диапазон парафилий расширяется не только благодаря технике. Изменения социальных условий могут модифицировать самого человека, и это расширяет возможности влияния на сексуальные предпочтения. Во время войны, например, гораздо чаще можно встретить людей с ампутированными конечностями, чем во время долгого мира.

[\(обратно\)](#)

41

При последнем подсчете набралось более полутысячи видов парафилий. См.: Aggrawal, Anil *Forensic and Medico-legal Aspects of Sexual Crimes and Unusual Sexual Practices*. Boca Raton, Fla.: CRC Press, 2009.

[\(обратно\)](#)

42

Единственным исключением в этой пустыне научного знания является нынешнее понимание педофилии, которая по понятным причинам преобладала в исследованиях последних десятилетий и привела к своего рода ренессансу исследований на основе научных данных. Принимая во внимание важность темы, мы обсудим педофилию и другие возрастные эротические ориентации в главе 6.

[\(обратно\)](#)

43

Родители Люси тоже не были в этом заинтересованы. Она родилась в дикой природе, в Африке. Ее мать погибла от рук браконьеров, когда Люси была детенышем. Темерлин "удочерил" сироту.

[\(обратно\)](#)

44

Чистая правда! Половое возбуждение, связанное с лучами солнца, называется актирастией.

[\(обратно\)](#)

45

Биастофилия – один из видов парафилий, вызвавший бурные споры о психических заболеваниях и уголовной ответственности. Это подвид сексуального садизма, при котором эротический фокус направлен на сам факт принуждения, будь то особо жестокое изнасилование, угрозы или шантаж. Возбуждение возникает не от телесных повреждений, страданий или унижения, а от факта принуждения к половому акту не расположенного к нему человека. Считается, что лишь небольшое число осужденных насильников относятся к "истинным биастофилам" (особенно рецидивисты и преступники, совершившие насильственные преступления). В эксперименте эти мужчины испытали большее сексуальное возбуждение от видео- и аудиозаписей со сценами насилия, чем от сцен секса по взаимному согласию. У подавляющего большинства мужчин наблюдается диаметрально противоположная реакция, включая большинство насильников. См.: Thornton, David *Evidence Regarding the Need for a Diagnostic Category for a Coercive Paraphilia* // *Archives of Sexual Behavior* 39, no. 2 (2010): 411–418.

[\(обратно\)](#)

46

Тот же эффект можно наблюдать в нежелании прикасаться к предметам, принадлежащим неприятным людям. Захотели бы вы надеть любимый свитер Джерри Сандаски или примерить очки Джимми Сэвила? Вне зависимости от того, обосновано ли отвращение (с логической точки зрения, конечно, нет:

испорченная репутация не может “заразить”), оно заставляет держаться подальше от “социальной заразы”, поскольку мы воспринимаем это как сигнал опасности для нашей собственной репутации. Явная демонстрация символического отвращения к таким людям, особенно публичная (надеть свитер Сандаски или очки Сэвила на людях еще менее приятно, чем быстренько примерить их за закрытой дверью лаборатории), говорит окружающим, что вы “не такой”, как этот отвратительный человек. В нашем обществе нет ничего хуже, чем “сущность” “растлителя малолетних”, как в случае Сандаски и Сэвила – это самый ядовитый социальный символ. См.: Rozin, Paul, and Edward B. Royzman *Negativity Bias, Negativity Dominance, and Contagion* // *Personality and Social Psychology Review* 5, no. 4 (2001): 296–320.

[\(обратно\)](#)

47

Среди них часто встречаются люди с нейрокогнитивными расстройствами, связанными с трудной социализацией, например синдромом Аспергера или расстройствами аутистического спектра.

[\(обратно\)](#)

48

Результат ревматоидного артрита. – *Прим. пер.*

[\(обратно\)](#)

49

На этот счет пока нет научных данных, но было бы интересно узнать, как феномен различий между сознательным и подсознательным возбуждением применим к женщинам в период овуляции, учитывая уже имеющиеся данные о “биологически неоптимальных” связях.

[\(обратно\)](#)

50

Мужчины, которые пытаются скрыть свои девиантные желания с целью социализации (например педофилы, изо всех сил пытающиеся скрыть свое влечение к детям, или мужчины-гомофобы, маскирующие таким образом влечение к представителям своего пола), демонстрируют те же эректильные реакции, что и мужчины, открыто заявляющие о своей сексуальной ориентации. Разница лишь в том, что мужчины, скрывающие свою ориентацию, демонстрируют возбуждение от объектов (социально неприемлемых), противоположных тем, к которым они, по собственным утверждениям, испытывают влечение (социально приемлемых).

[\(обратно\)](#)

51

Записано множество воспоминаний мужчин-парафилов о своем детстве, однако женских историй, указывающих на определенный эпизод, который мог быть связан с особенностями их сексуального влечения, очень мало. В 1960 году некая женщина поделилась с ученым соображениями о том, что послужило началом ее мазохизму: “Когда мне было четыре года, отец застал меня за мастурбацией. Он положил меня себе на колено и отшлепал. Он был в пижаме. Гульфик широко открылся, и каждый раз, когда он заносил руку, мне было видно, как его большой пенис и темная мошонка приближаются к моему рту... С тех пор я подсознательно связывала удары по ягодицам с образом пениса и первого полового возбуждения”. См.: Lukianowicz, Narcyz *Imaginary Sexual Partner: Visual Masturbatory Fantasies* // *Archives of General Psychiatry* 3, no. 4 (1960): 432.

[\(обратно\)](#)

52

Психоаналитический подход к парафилиям объясняется тем, что в начале своей карьеры Штекель был близок с Фрейдом. Книга “Половые aberrации” открыла путь сексологам, рассматривавшим индивидуальные случаи девиантных сексуальных желаний при помощи общепринятых методов.

[\(обратно\)](#)

53

В 1976 году Джон Мани описал схожий случай. Его пациент-акротомофил в возрасте пяти-шести лет пролил себе на ногу очень горячий суп. “Сними! Сними!” – закричал в панике отец. Мальчик подумал,

что отец имеет в виду ногу, а не носок. По мнению Мани, это послужило толчком к формированию фетиша ампутации, и образ ампутированной ноги смягчал страх кастрации у мальчика. См.: Money, John *Amputee Fetishism* // Maryland State Medical Journal 25 (1976): 35–39.

(обратно)

54

Штекель первым подробно описал этот феномен, но именно Мани придумал термин “акротомофилия” (после того, как к нему в больницу им. Джонса Хопкинса попало несколько пациентов, одержимых ампутацией). Он “обнаружил” и придумал названия для многих парафилий, включая симфорофилию – возбуждение от подстраивания несчастных случаев и катастроф.

(обратно)

55

Мани придавал излишнее значение роли общества в формировании половой и гендерной принадлежности. Его имя всегда будет связано со случаем “Джона (Джоанны)” (1965). К нему обратились убитые горем родители новорожденного мальчика, который лишился пениса в результате осложнений после обрезания. Мани считал, что гендерная принадлежность обусловлена воспитанием, а не рождением (теперь мы знаем, что противопоставлять их неверно), поэтому он посоветовал воспитывать ребенка как девочку и не рассказывать ему о том, что произошло. Это привело к тяжелейшему кризису гендерной принадлежности у пациента (впоследствии его идентифицировали как Дэвида Раймера из Виннипега) и самоубийству в возрасте 38 лет (2004). См.: Winkler, Claudia *Boy, Interrupted: A Tale of Sex, Lies, and Dr. Money* // Weekly Standard, June 19, 2000, www.weeklystandard.com/Content/Public/Articles/000/000/011/136eioki.asp.

(обратно)

56

Вопрос возникновения сексуальных отклонений в небольших традиционалистских сообществах не был научно рассмотрен, по крайней мере, объективно. Так что у охотников и собирателей вполне могут найтись парафилии.

(обратно)

57

Садистские наклонности встречаются и у женщин, однако среди “истинных” сексуальных садистов преобладают мужчины, особенно когда дело доходит до уголовщины.

(обратно)

58

Например, в XIX веке стало известно, что женщины из бразильского народа апинайе во время секса вырывают зубами брови своих любовников. Мужчины с микронезийских островов Трук (Чуук) могут ожидать, что их крайне возбужденные жены будут втыкать им пальцы в уши. А до мусульманского вторжения секс у индийцев считался утонченной формой борьбы. Психиатр Динеш Бугра описывает это так: “Мужчина нападает, женщина сопротивляется, и в ходе игры, в которой перемежаются атака и отступление, нападение и оборона, подогреваются страсти”. Бугра объясняет, что во время секса индийцы находились в состоянии измененного сознания, для чего вначале притупляли физические ощущения при помощи садистских действий. См.: Bhugra, Dinesh *Disturbances in Objects of Desire: Cross-Cultural Issues* // Sexual and Relationship Therapy 15, no. 1 (2000): 69.

(обратно)

59

В конце концов Майвеса приговорили к пожизненному заключению за убийство. Приговор противоречив, поскольку обе стороны были взрослыми людьми и добровольно участвовали в произошедшем. Нет сомнений, что этот случай останется поводом для пьяных споров минимум лет сто.

(обратно)

60

Известна старая история, истинность которой сейчас невозможно проверить: в Зальцбурге жил портной, который якобы убил семь своих жен, зачекотав их до смерти.

[\(обратно\)](#)

61

С другой стороны, если бы он насильно овладел мной, сегодня я, вероятно, выглядел бы как кучка желе. Дело в том, что даже когда речь идет о противозаконном сексе с несовершеннолетними, вероятность психологической травмы снижается, если подросток вступает в такие отношения добровольно.

[\(обратно\)](#)

62

Одним из немногих воздержался от голосования конгрессмен Брайан Бэрд, представитель Демократической партии из штата Вашингтон, имеющий докторскую степень по клинической психологии. Бэрд заявил, что из 535 конгрессменов лишь десять удосужились прочитать статью Райнда. См.: Baird, Brian N. *Politics, Operant Conditioning, Galileo, and the American Psychological Association's Response to Rind et al.* // *American Psychologist* 57, no. 3 (2002): 189–192.

[\(обратно\)](#)

63

Сегодня в каждом штате множество собственных нормативных актов, регулирующих такие аспекты, как разница в возрасте сторон и особенности конкретных сексуальных действий. Диапазон обозначен от пятнадцати (в Колорадо) до восемнадцати лет.

[\(обратно\)](#)

64

Трудно отделить причину от следствия. Вспомните, в главе 3 шла речь о личностном дистрессе, связанном с эгодистонической гомосексуальностью и гиперсексуальностью. Обусловлен ли дистресс сексуальностью человека? Или к нему ведет жизнь в обществе, отвергающем даже безвредные проявления сексуального разнообразия? Формикофилия не может причинить вред никому, кроме, возможно, подвернувшихся под руку букашек. Когда общество отвергает личность, личность отвергает себя.

[\(обратно\)](#)

65

Некоторое время назад социологи, проанализировав содержимое интернет-чатов, где общаются педофилы, отметили, что многие разговоры связаны именно с тем, как "не выделяться". "Смотрите на мальчиков, которые находятся рядом со своими матерями, – посоветовал один из участников в ответ на вопрос, как не привлечь подозрений. – Если приятель заметит, что вы отвлеклись, просто сделайте какое-нибудь замечание о матери". См.: Holt, Thomas J., Blevins, Kristie R., and Natasha Burkert *Considering the Pedophile Subculture Online* // *Sexual Abuse: A Journal of Research and Treatment* 22, no. 1 (2010): 18.

[\(обратно\)](#)

66

Статистика показывает, что женщин-трансвеститов, которых возбуждает возможность надеть мужское белье, почти нет.

[\(обратно\)](#)

67

Шведские ученые выяснили, что среди фетишистов-трансвеститов чаще встречаются садомазохисты, чем в среднем среди мужчин. См.: Långström, Niklas, and J. Kenneth Zucker *Transvestic Fetishism in the General Population* // *Journal of Sex and Marital Therapy* 31, no. 2 (2005): 87–95. В 1997 году легендарный баскетбольный комментатор Марв Альберт был арестован по обвинению в изнасиловании и содомии (якобы он также сильно искусал женщину за спину), и одна из его изобличительниц добавила, что в момент нападения на обвиняемого были женские трусики и пояс для чулок. См.: Masters, Brooke A. *Albert Apology May Clear Record* // *Washington Post*, October 25, 1997.

[\(обратно\)](#)

68

Существует несколько хромосомных нарушений, в результате которых проявляется биологический гермафродитизм. Это может затруднить и субъективное восприятие собственного пола у человека, и его гендерное самовыражение.

(обратно)

69

В странах Дальнего Востока, например в Корее, Малайзии, Сингапуре и Таиланде, где гораздо меньше терпимости к женоподобным мужчинам, открыто живущим как геи, отмечена противоположная закономерность. Более 95 % МЖ-транссексуалов являются биологическими мужчинами, сексуальный интерес которых направлен исключительно на мужчин. В раннем детстве они обычно имеют женоподобные манеры и внешность. Их не признают геями, но им проще быть принятыми в обществе, чем более мужественным геям, поскольку они "гораздо убедительнее" (то есть социально более приемлемо) выглядят как женщины после физической трансформации в женщин. См.: Lawrence, Anne A. *Becoming What We Love: Autogynephilic Transsexualism Conceptualized as an Expression of Romantic Love // Perspectives in Biology and Medicine* 50, no. 4 (2007): 506–520.

(обратно)

70

Конфликт достиг кульминации в 2003 году после выхода в свет книги психолога Дж. Майкла Бейли. См.: Bailey, J. Michael *The Man Who Would Be Queen: The Science of Gender-Bending and Transsexualism*. Washington, D.C.: Joseph Henry Press. Бейли объясняет транссексуальность гетеросексуальных мужчин (МЖ), используя теорию аутогинефилии. Многие представители транссексуального сообщества познакомились с этими идеями именно у Бейли.

(обратно)

71

В книге Нэнси Хант теперь уже взрослая женщина (МЖ) описала себя в раннем возрасте, когда была мальчиком: "Я была помешана на девочках. Я изучала и рассматривала их волосы, их одежду, фигуры... и сокрушалась о различиях между нами. Я умирала от зависти и в то же время возбуждалась. Я хотела обладать ими настолько же, насколько я хотела быть одной из них. В фантазиях, когда я занималась мастурбацией или засыпала, в моих мечтах я занималась сексом с девочкой, но при этом сама тоже была девочкой". См.: Hunt, Nancy *Mirror Image: The Odyssey of a Male-to-Female Transsexual*. New York: Holt, Rinehart, and Winston, 1978. P. 60. Психотерапевт Энн Лоуренс, специализирующаяся на работе с транссексуалами-аутогинефилами, приводит много похожих случаев из жизни пациентов – гетеросексуальных мужчин-транссексуалов, у которых наблюдается общая эротическая мотивация. См.: Lawrence, Anne *Men Trapped in Men's Bodies: Narratives of Autogynephilic Transsexualism*. New York: Springer, 2013.

(обратно)

72

Эдмунд Уайт в "Истории одного мальчика" пишет: "Когда мужчина кладет ногу на ногу, его лодыжка покоится на колене; 'девчонка' изящно обвивает одну ногу другой. Мужчина никогда не разглагольствует, изливая чувства; мужчины либо молчат, либо громко орут. Я не умел ругаться: слово 'блядский' у меня звучало как 'пляски', а 'черт подери' я всегда вставлял невпопад" (пер. В. Когана).

(обратно)

73

Пер. А. Шестакова. – Прим. пер.

(обратно)

74

То, что большинству из нас покажется сексуальным насилием, может считаться нормальным в других частях света. В 40-х годах XX века антрополог, изучавший боливийских индейцев сириано, писал: "Родители с гордостью отмечают проявление сексуальности у своих маленьких детей. Однажды Эантанду

(отец) стимулировал пенис своего спящего сына. Когда у того возникла эрекция, Эантанду с гордостью сказал: 'Очень твердый пенис. Когда вырастет, будет много сношений'". Североамериканские индейцы хопи также известны тем, что стимулируют половые органы детей, чтобы те успокоились. Бабушки ласкают ртом гениталии внуков: хопи считают, что это помогает избавить младенцев от колик. У алорезе (Индонезия) матери ласкают половые органы младенцев.

[\(обратно\)](#)

75

Это неидеальный прогностический метод, но, тем не менее, полезно знать возрастную эротическую ориентацию преступника, поскольку истинные педофилы, однажды вступившие в незаконный контакт с ребенком, демонстрируют большую вероятность рецидива, нежели "приспособленцы". Ведь возрастная эротическая ориентация не меняется, а совершив преступление, такие люди продемонстрировали неспособность контролировать себя. В отличие от них, "приспособленцы" могут мотивировать свои преступления преходящим состоянием или, по крайней мере, привести иные объяснения, чем сексуальный интерес исключительно к детям. (При наихудшем стечении обстоятельств преступник, жертвой которого стал ребенок, является истинным педофилом и вдобавок официально признан психопатом по результатам лабораторных тестов. Этому описанию соответствует очень мало педофилов, однако они представляют огромную опасность для детей.) См.: Seto, Michael C. *Pedophilia and Sexual Offending Against Children: Theory, Assessment, and Intervention*. Washington, D. C.: American Psychological Association, 2007.

[\(обратно\)](#)

76

На основание пениса надевается небольшая надувная манжета. Цилиндр закрепляется таким образом, что воздух внутри изолирован от атмосферы. Манжета присоединена при помощи тонкого резинового шланга к датчику. Он, в свою очередь, преобразует изменение давления воздуха, возникающее из-за изменения объема пениса, в цифровые данные о напряжении, которые интерпретирует экспериментатор. См.: Freund, Kurt A *Laboratory Method for Diagnosing Predominance of Homo- or Hetero-Erotic Interest in the Male* // *Behaviour Research and Therapy* 1, no. 1 (1963): 85–93.

[\(обратно\)](#)

77

В 1976 году психологи Вернон Куинси и Сидни Бергерсен обнаружили, что некоторые педофилы в ходе теста используют метод "накачивания", чтобы ввести в заблуждение экспертов. Для этого человек специально напрягает мышцы пресса и промежности, что приводит к мгновенному небольшому увеличению пениса в объеме, которые прибор считывает как эректильную реакцию на изображения взрослых. (Тем, кто готовился к родам или пытался улучшить контроль над мочевым пузырем, это знакомо как упражнения Кегеля.) Кроме того, некоторые педофилы проносили в лабораторию булавки, которыми незаметно кололи себя, и боль заглушала возбуждение. См.: Quinsey, Vernon L., and Sidney G. Bergersen *Instructional Control of Penile Circumference in Assessments of Sexual Preference* // *Behavior Therapy* 7, no. 4 (1976): 489–493.

[\(обратно\)](#)

78

По крайней мере один ученый, Брендон Сентеруолл, привел убедительные аргументы, что и сам Владимир Набоков, а не только вымышленный Гумберт Гумберт, был скрытым гебефилом (или "педофилом", как называет его Сентеруолл) и что этот роман был попыткой изгнать своенравного демона, преследовавшего его всю жизнь. См.: Centerwall, Brandon S. *Hiding in Plain Sight: Nabokov and Pedophilia* // *Texas Studies in Literature and Language* 32, no. 3 (1990): 468–484.

[\(обратно\)](#)

79

Это не только гарантирует, что вы не закрываете глаза или отводите взгляд от экрана, но и регистрирует расширение зрачков, которое тоже связано с возбуждением.

[\(обратно\)](#)

80

Большинство судебных психиатров считает "нормальным" влечение мужчин к девушкам старшего подросткового возраста ("едва за восемнадцать" и "подростковое порно" – достаточно популярные ниши в порноиндустрии), поэтому категория эфебофилии в тест не включается. Вместо этого некоторые модели из категории "телейофилия" могут быть очень молоды. Что касается "истинных геронтофилов", то они настолько редки, что обычно пожилые модели используются лишь тогда, когда жертвами стали люди этого возраста.

(обратно)

81

Между прочим, если вы слепой сексуальный преступник и не видите обнаженных моделей, не переживайте: вас не оставят за бортом. Уже подтверждено, что аудиоверсия плетизмографа столь же эффективна. В бланшаровском аудиотесте (*Narratives Slides Test*) изображения идут в сочетании с провокационной аудиозаписью, призванной подогреть воображение мужчины. Например, вы можете услышать в наушниках: "Вы сидите рядом с двенадцатилетней дочерью соседней... Вы обнимаете ее за плечи, а пальцы касаются ее груди. Вы замечаете, что у нее уже начала развиваться грудь". См.: Blanchard, Ray, et al. *Pedophilia, Hebephilia, and the DSM – V* // *Archives of Sexual Behavior* 38, no. 3 (2009): 339.

(обратно)

82

Расовые различия в возрасте наступления менархе использовались для дискриминации. Некоторые законодатели считали, что для девочек афроамериканского, мексиканского и итальянского происхождения должен быть установлен более низкий "возраст согласия", чем для их белых ровесниц, поскольку они раньше созревают. См.: Robertson, Stephen *Age of Consent Laws*, <http://chnm.gmu.edu/cyh/teaching-modules/230>.

(обратно)

83

В некоторых районах Океании средний возраст менархе составляет восемнадцать лет. Так что можно сказать, что, например, в Новой Гвинее гетеросексуал-гебефил – это человек, которого привлекают представительницы коренного населения 17–21 года.

(обратно)

84

Афинские аристократы двадцати-сорока лет выбирали себе в "ученики" мальчиков одиннадцати-двенадцати лет, за которыми ухаживали. Ожидалось, что свободный мальчик должен позволять только своему покровителю вступать с ним в половой акт (или так называемый "секс между сжатыми бедрами") в обмен на элитарное образование и социально-политические выгоды (которые распространялись на всю семью мальчика). В "Пире" Ксенофонт описывает, как богач Каллий торгуется с отцом мальчика по имени Автолик, находящимся здесь же. Читателя может удивить деловой тон разговора. Нет свидетельств, что мальчики были особенно рады тому, что взрослые занимаются своими взрослыми делами между их плотно сжатыми бедрами, и некоторые современные ученые считают, что такие действия можно считать насилием над детьми. См.: Bloch, Enid *Sex Between Men and Boys in Classical Greece: Was It Education for Citizenship or Child Abuse?* // *Journal of Men's Studies* 9, no. 2 (2001): 183–204. (В платоновском "Федре" Сократ предупреждает мальчиков о мотивах некоторых обожаемых наставников: "Все это надо учесть, мой мальчик, и понимать, что дружба влюбленного возникает не из доброжелательства, но словно ради насыщения пищей: как волки ягнят, любят влюбленные мальчиков" (пер. А. Егунова). См.: West, David *Reason and Sexuality in Western Thought*. New York: Polity, 2005. P. 23.) Другие, однако, отмечают, что в древнегреческой культуре была широко распространена "регламентированная" педерастия, и нет явных свидетельств тому, что мальчики страдали от душевных или физических травм, связанных с такими отношениями.

(обратно)

85

“*Paidika*: журнал о педофилии” выходил в 1987–1995 годах. Его выпускал фонд *Stichting Paidika*, а редакционная декларация звучала так: “*Paidika* исходит из понимания того, что мы – педофилы. В наши дни разговор о педофилии (под которой мы подразумеваем добровольные сексуальные отношения между представителями разных поколений) означает разговор о политике подавления. Это среда, в которой мы живем, это часть нашей повседневной жизни и борьбы. Мы публикуем научные исследования, которые документально подтверждены и обоснованы, чтобы показать, что педофилия всегда была и остается правомерным и созидательным элементом человеческого опыта”. См.: Dallam, Stephanie J. *Science or Propaganda? An Examination of Rind, Tromovitch, and Bauserman* // *Journal of Child Sexual Abuse* 9, nos. 3–4 (2001): 109–134.

(обратно)

86

Но не все! См.: Green, Richard D. *Is Pedophilia a Mental Disorder?* // *Archives of Sexual Behavior* 31 no. 6 (2002): 467–471.

(обратно)

87

Развитие этого мотива нашло отражение в книгах и фильмах, например в фильме Луи Маля “Прелестное дитя” (*Pretty Baby*), действие которого происходит в Новом Орлеане в 1917 году. Брук Шилдс играет роль Виолет, двенадцатилетней дочери проститутки, чья девственность выставлена на аукцион.

(обратно)

88

Стоит поинтересоваться, существуют ли значимые культурные различия в вопросе сексуальной привлекательности пожилых людей, особенно женщин. Антрополог Иен Хогбин, описывая жизнь новогвинейского народа вогео, приводит в пример женщину преклонного возраста, которая продолжала активно соблазнять молодых островитян и вступать с ними в половые связи. Она объяснила Хогбину: “Страсть не уходит так же, как зубы. И если женщина еще способна получать наслаждение, ей хочется этого время от времени”. Антрополог Бронислав Малиновский, известный откровенными описаниями полового поведения туземцев Тробрианских островов, обнаружил, что эпидемия венерического заболевания началась с женщины “настолько старой, дряхлой и уродливой”, что никому в голову не приходило ее заподозрить. Из этих этнографических зарисовок, вероятно, можно сделать вывод, что некоторые культуры одобряют секс с пожилыми людьми. Однако в подтверждение эволюционной версии есть по крайней мере одно исследование, которое демонстрирует, что в различных культурах наиболее частая реакция на пожилых как на потенциальных партнеров – ярко выраженная неприязнь. См.: Winn, Rhonda L., and Niles Newton *Sexuality in Aging: A Study of 106 Cultures* // *Archives of Sexual Behavior* 11, no. 4 (1982): 292.

(обратно)

89

Джон Мани определил геронтофилию как “состояние, при котором молодому человеку необходимо фантазировать или совершать реальные эротосексуальные действия с партнером гораздо старше себя для поддержания возбуждения и достижения оргазма”. См.: Money, John *Paraphilias: Phyletic Origins of Erotosexual Dysfunction* // *International Journal of Mental Health* (1981): 75–109. Ни Мани, ни Крафт-Эбинг (который первым описал это явление) не уточнили, что именно в случае геронтофилии значит “гораздо старше”. В 2005 году Адриан Болл предложил для клинических целей установить границу – шестьдесят лет. Но вне зависимости от хронологического возраста объекта геронтофила привлекают именно признаки старения.

(обратно)

90

В Великобритании жертвами изнасилований в 2–7 % случаев становятся люди старше шестидесяти лет. По крайней мере, в некоторых случаях есть основания считать, что жертвы были выбраны именно из-

за своего возраста. См.: Ball, Hadrian N. *Sexual Offending on Elderly Women: A Review* // Journal of Forensic Psychiatry and Psychology 16, no. 1 (2005): 127–138.

[\(обратно\)](#)

91

В 2004 году правительство Германии попыталось творчески подойти к проблеме насилия над детьми. Власти развернули крупную кампанию в СМИ, задачей которой было убедить людей, считающих себя педофилами, обратиться за помощью к профессионалам. Они активно использовали социальную рекламу: рекламные щиты, ролики на ТВ в прайм-тайм, объявления в газетах, объявления перед фильмами в кинотеатрах. Текст рекламы гласил: “Вам нравятся дети больше, чем вам (им) это нравится? Вы не виноваты в собственных сексуальных желаниях, однако несете ответственность за свои поступки. Мы готовы вам помочь! Не становитесь преступником!” За три года на объявление отреагировали 808 мужчин. Из них только 358 пришли на очную консультацию с психологами в Берлине, так что достаточно много пугливых педофилов ускользнуло после неуверенной попытки обратиться за помощью. Те, кто продолжил контакты, были настроены решительно. Некоторые участники сами приезжали в Берлин из Австрии, Швейцарии, даже Англии. См.: Beier, Klaus M., et al. *Encouraging Self-Identified Pedophiles and Hebephiles to Seek Professional Help: First Results of the Prevention Project Dunkelfeld (PPD)* // Child Abuse and Neglect: The International Journal 33, no. 8 (2009): 545–549.

[\(обратно\)](#)

92

Томас Манн написал “Смерть в Венеции” (что-то вроде “Лолиты” с гомосексуальным уклоном, или, по словам самого автора, “случай педерастии в жизни стареющего художника”) после того, как потерял голову от “фавненка”, когда был с женой в Вене. В реальности польскому мальчику, сразившему Манна, было не четырнадцать, а одиннадцать лет, и впоследствии стало известно, что это был барон Владислав Мёс. См.: Adair, Gilbert *The Real Tadzio: Thomas Mann’s “Death in Venice” and the Boy Who Inspired It*. New York: Carroll & Graf, 2003.

[\(обратно\)](#)

93

Пер. Г. Чхартишвили. – *Прим. пер.*

[\(обратно\)](#)

94

Возглавлял это движение профессор медицины Мадридского университета Грегорио Мараньон. В книге “Эволюция секса и интерсексуальных состояний” (1930) он пишет: “Некоторые [врачи] попытались бороться с гомосексуальностью путем замены тестикул гомосексуалиста на тестикулы здорового мужчины. Также использовался метод вживления обезьяньих тестикул... Результаты благоприятны, но все же есть причины для критики”. Мараньон признает, что ему было непросто отыскать такие “благоприятные” результаты в ходе собственных экспериментов: “[В] одном случае... вживление обезьяньей тестикулы усилило его [пациента] либидо, но в сторону гомосексуальности” (с. 168–169).

[\(обратно\)](#)

95

Фере был убежден, что половые органы геев работают *иначе*: “В большинстве случаев наблюдается легковозбудимость. Оргазм может произойти в результате малейшего прикосновения, взгляда или запаха любовника” (с. 146).

[\(обратно\)](#)

96

Кроме того, геи “занимаются гимнастикой. Они не дают волю слезам. Как правило, они любят танцевать, причем с людьми своего же пола... Женственные мужчины особенно любят кучеров, мясников, цирковых наездников и так далее, либо людей с крупными половыми органами” (с. 154).

[\(обратно\)](#)

97

Фере описывает одну из пациенток-лесбиянок, выросшую во Франции: “Ее привлекали девушки, ей хотелось гладить их... Она отмечала, что ей было особенно приятно тереться грудью об их грудь. Когда ей было шестнадцать, она впервые почувствовала одновременное возбуждение и в половых органах, выразившееся в увлажнении. С тех пор ее посещали сладострастные сновидения, в которых главную роль играли девушки” (с. 222). Даже после того, как с подачи другой лесбиянки она постигла, словами Фере, “науку трения внешними половыми органами”, грудь всегда оставалась в центре ее внимания.

(обратно)

98

Религиозная группа, известная своим резко негативным отношением к гомосексуалам. – *Прим. пер.*

(обратно)

99

Ученые расходятся в мнениях относительно того, присуща ли способность моделировать сознание других исключительно людям – или же нам пока просто не удалось обнаружить эту способность у других неговорящих животных (человекообразные обезьяны, собаки, дельфины и вороны, вероятно, тоже обладают некоторой способностью рассуждать о сознании других). Но все ученые согласны, что именно люди являются “прирожденными психологами”. Это не значит, что мы “умнее” или “лучше”: вы же не станете утверждать, что эхолокация делает летучих мышей умнее или лучше, чем слон с хоботом, – они просто разные. См.: Nielsen, Mark, et al. *Social Learning in Humans and Nonhuman Animals: Theoretical and Empirical Dissections* // *Journal of Comparative Psychology* 126, no. 2 (2012): 109–113.

(обратно)

100

Этим качеством мы не обладаем от рождения. Существуют исследования, подтверждающие, что способность к моделированию сознания других развивается к четвертому году жизни.

(обратно)

101

Поэтому сами по себе мысли, в сущности, безвредны.

(обратно)

102

Если только вы не стоите на позициях крайнего солипсизма.

(обратно)

103

Каждый участник оценивал каждую модель лишь однажды, при этом на каждую модель приходилось по два одинаковых изображения – в обнаженном и в одетом виде. (Каждому участнику демонстрировалось несколько фотографий, где были и одетые и обнаженные люди, но ни один из участников не видел одну и ту же модель в двух вариантах.)

(обратно)

104

Пер. О. Акимовой. – *Прим. пер.*

(обратно)

105

Мужчины-участники, смотревшие фрагменты, содержавшие анальный секс между мужчинами, не только испытали более негативные эмоции, чем те, кто смотрел сцены, где один мужчина занимался мастурбацией, но также сообщили, что испытали “ощущения в половых органах”. Авторы исследования сделали вывод, что гнев и отвращение по отношению к мужчинам-геям – это реакция на их собственные подавленные желания. Позднее психолог Генри Адамс сопоставил показания плетизмографа с информацией, предоставленной самими участниками. Адамс обнаружил общую закономерность: чем агрессивнее мужчина настроен против геев, тем сильнее его эректильная реакция на гей-порнографию. См.: Adams, Henry E., Wright, Lester W., and Bethany A. Lohr *Is Homophobia Associated with Homosexual Arousal?* // *Journal of Abnormal Psychology* 105, no. 3 (1996): 440–445. Есть и альтернативная интерпретация:

гнев, направленный на гомосексуалов, вызывает общее физиологическое возбуждение, влекущее эрекцию. Решайте сами, какая интерпретация вернее.

(обратно)

106

ЛГБТК – социальная совокупность лесбиянок, геев, бисексуалов, трансгендеров, квин-индивидов. – Прим. пер.

(обратно)

107

В духе теории полового импринтинга Бутс считал, что его фетиш возник из грубых игр с другими мальчиками: “Мои ранние детские и школьные удовольствия связаны с резиновыми сапогами, которые носили мои друзья. Когда мы боролись, я обычно оказывался снизу, а победитель (и я был рад этому) зажимал мои ноги своими резиновыми сапогами. Или я нарочно просовывал голову между его ног, обутого в резиновые сапоги, а он ее сжимал, как фиксируют корову в стойле”. См.: Boots [pseud.] *The Feelings of a Fetishist* // *Psychiatric Quarterly* 10 (1957): 745.

(обратно)

Оглавление

- Предисловие к русскому изданию
- Введение
- Глава 1 Мы, извращенцы
- Глава 2 Эти гадкие, гадкие обезьяны
- Глава 3 Сестрица нимфа, братец сатир
- Глава 4 Амур-психопат
- Глава 5 Пристрастия и пристрастность
- Глава 6 Подобающий возраст
- Глава 7 Уроки жизни для бесстыжих развратников
- Благодарности
- Примечания
- Глава 1. Мы, извращенцы
- Глава 2. Эти гадкие, гадкие обезьяны
- Глава 3. Сестрица нимфа, братец сатир
- Глава 4. Амур-психопат
- Глава 5. Пристрастия и пристрастность
- Глава 6. Подобающий возраст
- Глава 7. Уроки жизни для бесстыжих развратников